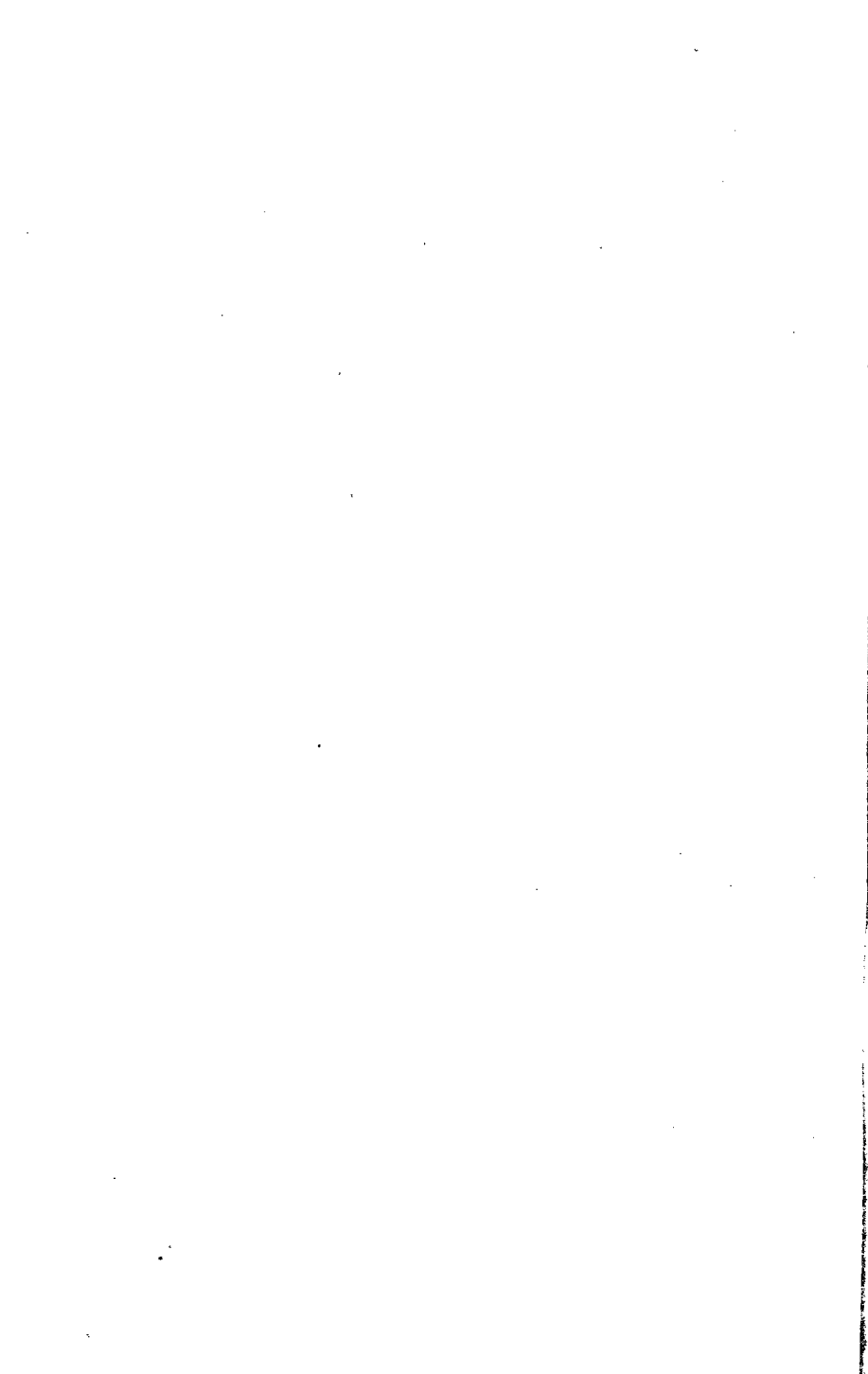

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

**СИМПОЗИУМ
ПО СТРУКТУРНОМУ
ИЗУЧЕНИЮ
ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

И Н С Т И Т У Т   С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

СИМПОЗИУМ
ПО СТРУКТУРНОМУ
ИЗУЧЕНИЮ
ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

Тезисы докладов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

0. Семиотика — это новая наука, объектом которой являются любые системы знаков, используемые в человеческом обществе.

1. С точки зрения современных кибернетических представлений человек может рассматриваться как такое устройство, которое совершает операции над различными знаковыми системами и текстами, причем сама программа для этих операций задается человеку (и отчасти вырабатывается в нем самом) в виде знаков. Проблема «люди или животные?» (т. е. вопрос об отличии человеческого поведения и человеческого интеллекта от сходных форм поведения животных) и проблема «люди как машины?» (т. е. вопрос о сходствах и различиях между мозгом и машиной) оказываются тесно связанными с вопросом об особенностях знаковых систем, выработанных и используемых человечеством. В отличие от животных, средства сигнализации которых весьма ограничены, человек пользуется разветвленной и все более усложняющейся сетью знаковых систем, растущей по мере развития отдельного человека (в онтогенезе) и по мере развития человечества (в филогенезе). В отличие от современных машин, для работы которых используются искусственные языки, относящиеся к строго фиксированной и предельно упрощенной предметной области, человек владеет не только такими формализованными языками, но и естественными языками и другими надстроенными над ними знаковыми системами, отличающимися от логических языков рядом существенных свойств. Благодаря этим свойствам естественные языки могут использоваться в качестве модели всего мира, окружающего человека, в том числе для описания явлений, еще не получивших научного объяснения. Таким

образом, с семиотической точки зрения поставленная выше проблема сводится к выявлению различий и сходств между предельно формализованными языками (возникающими лишь на очень поздней стадии развития языка и человеческого познания), с одной стороны, и такими сложными знаковыми системами, как естественный язык, эстетические знаковые системы, использующиеся в искусстве, и т. п.

2. Подобно тому как открытия современной биологии, позволившие начать расшифровку генетических ходов, были подготовлены успехами физики и химии, поступательное движение семиотики (и других связанных с ней гуманитарных наук) может быть значительно облегчено благодаря достижениям биологических наук в исследовании человека. Экспериментальная физиология и психология начинают выяснять строение тех программ, которыми определяется функционирование центральной нервной системы человека¹. Работы в области дефектологии, где кибернетические машины в будущем, возможно, станут незаменимыми помощниками для сотен тысяч людей, лишенных слуха и зрения, могут явиться важнейшим практическим приложением семиотических исследований, близких к медицинской проблематике². Эти исследования особенно наглядно показали, что только включаясь в сеть знаковых систем, функционирующих в данном обществе, человек приобретает свойства, отличающие его поведение от поведения животных.

Как указывал еще в 30-х годах замечательный советский психолог Л. С. Выготский, человек, который не может овладеть своим поведением непосредственно, прибегает к внешним знакам, помогающим ему управлять поведением. Передача культуры во времени в большой степени может быть описана как сохранение систем знаков, служащих для контроля над поведением. Системы

---

¹ Тесная связь этих проблем с задачами семиотики может быть проиллюстрирована работами советского психолога А. Р. Лурия и других ученых, занимающихся расстройствами речевой (и шире семиотической) деятельности при нарушении нормальной работы человеческого мозга.

² Исследования по вопросам языка слепоглухонемых, проводившиеся крупнейшим советским специалистом в этой области А. И. Соколянским, позволили выявить важнейшие особенности развития семиотических систем, которые отчетливо выступают в этих предельно трудных условиях.

знакового программного управления человеческим поведением, выработанные благодаря переходу внешних знаков внутрь, обычно работают автоматически, т. е. бессознательно (с этим связано и сохранение многих пережиточных форм, позволяющих реконструировать архаичные типы поведения). Следующим — и наиболее высоким — этапом в развитии личности является осознание этих бессознательных программ, т. е. овладение теми системами знаков, с помощью которых человек овладевает своим поведением (осмысление родного языка, происходящее при обучении письму; овладение бессознательными программами в психоанализе и т. п.). Точно так же сознательное изучение знаковых систем, бессознательно употребляемых всеми членами коллектива, является необходимым звеном в интеллектуальном развитии общества.

3. Сознательное изучение языков (знаковых систем) науки оказалось необходимым для дальнейшего прогресса науки, так как неизученность языка науки препятствовала ее дальнейшему развитию. С наибольшей отчетливостью и ранее всего это было осознано в математике, где соответствующие семиотические работы по математической логике и метаматематике, вначале носившие чисто теоретический характер, в дальнейшем оказались основой для решения практических кибернетических задач. Другие науки (в том числе лингвистика) лишь в настоящее время подходят к построению метаязыков, которые могут быть использованы и в качестве машинных информационно-логических языков. Развитие науки осуществляется посредством взаимодействия формализуемого (или уже формализованного) лингвистического материала науки и неформализованного естественного языка (т. е. языка опыта, который всегда может описываться естественным языком). Поэтому естественный язык всегда остается основной интерпретацией и резервуаром для развития искусственных формализованных языков науки.

4. Как и другие науки, смежные с кибернетикой, семиотика имеет дело прежде всего с моделями, т. е. с образами отображаемых (моделируемых) объектов, состоящими из конечного числа элементов и отношений между этими элементами. Эти образы (модели) стремятся к такому отношению между моделируемыми объектами и образами, при котором все элементы и объекты, имеющиеся (с прагматической точки зрения потребителя данной модели)

в моделируемом объекте, имеются и в образе (модели), но обратное может не иметь места. Построение моделей мира осуществляется посредством моделирующих семиотических систем с различными степенями моделирующей способности (т. е. различным числом элементов и отношений, соответствующих элементам и отношениям моделируемого объекта). Система, обладающая, с прагматической точки зрения данного ее потребителя, высокой моделирующей способностью, в позднейшие эпохи развития моделирующих систем может оказаться набором знаков, не имеющих денотатов (ср., например, современную оценку семиотических способов гадания, игравших определяющую роль при принятии важнейших государственных решений в древневосточных обществах).

Моделирование мира осуществляется в человеческом обществе благодаря наличию ряда знаковых систем, дополнительных по отношению друг к другу. Для исследования более архаических периодов истории семиотического моделирования мира представляет интерес изучение таких моделирующих систем с высокой степенью моделирования и с высокой прагматичностью, как мифологические и религиозные системы знаков. Эти архаичные системы являются удобным объектом для семиотического анализа, в частности, и потому, что число других систем, выступавших одновременно с ними в качестве дополнительных средств моделирования, было существенно меньшим, чем в современном обществе.

5. Различные моделирующие семиотические системы образуют сложные иерархические ряды уровней, где система низшего уровня (например, естественный язык) служит для кодирования знаков, входящих в системы высшего уровня (например, знаковых систем искусства и науки); в свою очередь, каждая из знаковых систем, входящих в эти иерархические ряды, может образовывать упорядоченную (или частично упорядоченную) последовательность уровней. Наиболее разработанными являются методы исследования отношений между разными уровнями в естественных языках (в структурной и математической лингвистике). Сходные задачи возникают в мета-теориях тех наук, которые пользуются знаковыми системами других наук для кодирования своих результатов (ср. отмеченное выше соотношение между биологией и физикой, биологией и химией и т. п.). Особенно удобный

материал для исследования отношений между разными уровнями моделирования представляют знаковые системы искусства. Применительно к художественной литературе, музыке и кино семиотический анализ формальных уровней был предвосхищен исследованиями советских ученых — представителей «формальной школы», а также С. М. Эйзенштейном и другими советскими теоретиками искусства, итоги работ которых обобщены в обзорном докладе А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова на настоящем симпозиуме. Кибернетические методы исследования уже сейчас эффективно прилагаются к поэтическим текстам, где наложенные на текст формальные ограничения поддаются точной количественной характеристике. Традиции отечественного стиховедения, заложенные Андреем Белым и Б. В. Томашевским, в недавнее время были продолжены А. Н. Колмогоровым, использовавшим в стиховедении идеи и методы теории информации (популяризации этих идей А. Н. Колмогорова посвящен доклад А. М. Кондратова «Теория информации и поэтика», тезисы которого публикуются в настоящем издании).

6. Количество и сложность знаковых систем, используемых для моделирования мира, может служить способом оценки уровня развития отдельной личности и целого коллектива. Постоянное увеличение числа знаковых систем делает необходимым исследование проблем перевода с одной системы знаков на другую (в том числе автоматического перевода на естественные и искусственные языки), а также унификации различных знаковых систем, что должно явиться одним из важнейших приложений семиотики к синтезу научных проблем. Развитие средств массовой коммуникации сделало исследование каналов передачи информации в обществе насущной потребностью, чем и обусловлены исследования последнего десятилетия по теории информации. Анализ сети каналов связи в обществе является одним из кибернетических методов изучения коллектива, в связи с чем интерес представляют не только случаи распространения знаковой системы на все общество (современные литературные языки), но и особенности криптографического использования знаковых систем замкнутыми коллективами в пределах данного общества. Как продемонстрировали труды Ю. В. Кнорозова, лекции которого по разработанной им теории сигнализации в коллективе предполагается предпослать настоящему

симпозиуму, эта теория может быть положена в основу дешифровки различных систем письма, а также и для анализа других кодовых систем (в том числе и неизвестных до настоящего времени).

7. Основополагающая роль семиотических методов для всех смежных гуманитарных наук смело может быть сопоставлена со значением математики для естественных наук. Но при этом, с одной стороны, сама математика как система знаков вовлекается в сферу объектов анализа семиотики, с другой стороны, семиотика, как и все другие гуманитарные науки, постепенно все больше проникается математическими идеями и методами. Показательно, что создателем семиотики был один из родоначальников математической логики Перс, чьи работы нашли продолжение в трудах Морриса и других современных исследователей, объединивших традиции Перса с логистическими методами Карнапа. Другое направление семиотических исследований, связанное с именем Соссюра, ориентировалось прежде всего на идеи новой лингвистики (ср. работы Бейссанса, Мунена и др.); начиная с Ельмслева, эти два направления начинают объединяться; позднее синтезу этих направлений способствовало возникновение теории информации, математической лингвистики и других дисциплин, группирующихся вокруг кибернетики. Нельзя, однако, преувеличивать значения того, что уже достигнуто в области семиотики. Наиболее простые знаковые системы (например, этнографические — типа одежды, рассмотренные на славянском материале еще в пионерских исследованиях П. Г. Богатырева) позволяют выработать методы, которые в дальнейшем могут быть применены и к более сложным системам (поэтому существенно изучение таких элементарных систем, как карты, способы дорожной сигнализации и т. п.). Но даже и по отношению к этим простейшим системам описание часто еще приходится вести в гуманитарных терминах, далеких от точности математики. По отношению же к более сложным объектам исследования разработка формализованных языков описания только еще начинается.

Естественно, что доклады на настоящем симпозиуме отражают состояние этой науки лишь очень неполно, так как из круга рассмотрения были сознательно исключены такие области (как машинный перевод или изучение афазий), где достигнуты существенные результаты, обсуж-

дающиеся на специальных конференциях. Целью настоящего симпозиума является прежде всего привлечение внимания к аспектам семиотики, до сих пор не получившим достаточного развития в нашей науке, хотя (как это видно уже из вышеизложенного) именно в советской науке были заложены основы ряда направлений семиотики, рассматриваемых на нашем симпозиуме. Сектор структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР, организующий симпозиум совместно с Лингвистической секцией Научного совета по кибернетике АН СССР и другими организациями, предполагал, что обсуждение выдвинутых проблем может оказаться полезным для развития семиотики, которая без сомнения в близком будущем должна занять первостепенное место в ряду новых наук, определяющих перспективы развития современной науки в целом.

1. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Ю. С. Мартельянов

(Москва)

К ПОСТРОЕНИЮ ЯЗЫКА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

I. Относительно каждого объекта, имеющего по предположению знаковую функцию и представленного с достаточной частотой в некотором наборе (текстов или речевых актов), можно однозначно ответить на ряд вопросов, например.

Встречается ли этот объект, хотя бы один раз для данного набора, в окружении точек или молчания (т. е. является ли он «высказыванием»)?

Может ли он быть представлен как разность хотя бы для одной пары «высказываний» из этого набора (т. е. является ли он «сегментом»)?

Всегда ли объект, признанный «сегментом» (точнее — «минимальным сегментом» или «единицей речи текста»), отсутствует при отсутствии некоторого соседнего «сегмента» в том же «высказывании» (т. е. входит ли он в подкласс «активно-зависимых единиц» — АЗ)?

Всегда ли данный «сегмент» присутствует в «высказывании», где присутствуют некоторые другие «сегменты» (т. е. входит ли он в подкласс «активно-главных единиц» — АГ)?

Выполняется ли требование, необходимое для АЗ или АГ, у единицы соответствующего подкласса — при речевом соседстве с единицами некоторого заданного подкласса

(т. е. входит ли заданный подкласс в «узкую дистрибуцию»¹ этой единицы)?

Входит ли «узкая дистрибуция» данной единицы целиком в «узкую дистрибуцию» другой единицы или является дополнительной к ней (т. е. находятся ли рассматриваемые единицы в отношении «корреляции» или «тождества»)?

II. Названные свойства могут быть фиксированы с помощью достаточно строгих определений, например: «отрезок a текста A из набора $\{V\}$ называется с е г м е н т о м этого текста, если в том же наборе существует такое высказывание B , что $A \setminus B$ -а».

Через понятия: «высказывание», «сегмент», «активная зависимость», «активное главенствование», «узкая дистрибуция» и другие, определяемые подобным образом, — взору лингвиста открывается целый ряд фактов, имеющих прямое отношение к устройству языка. Эти понятия, в указанном смысле, полезно ввести в язык лингвистических описаний (метаязык реальных языков), причем соотношения и операции, фигурирующие в их определениях, смогут послужить основой формальной процедуры оценки объектов в терминах метаязыка.

III. Процедура описания слагается из трех последовательных этапов:

1) «полное разграничение», понимаемое как описание исходных объектов (текстов набора) в терминах «минимальных сегментов», образующих, в результате, «класс единиц текста (речи)»;

2) «полное расчленение» — под которым имеется в виду описание полученного «класса единиц» в терминах «минимальных подклассов» A_3 , A_7 , $A_3 + A_7$ ... и т. п., конституирующих «синтаксические части речи»;

3) «узкое распределение» — определяемое как описание единиц из «минимальных подклассов» в терминах «коррелирующих единиц языка», «вариантов» — а также «парадигм» и «морфологических частей речи».

Совокупность взаимно-определенных минимальных подклассов, обнаруживаемая к концу такой процедуры, близко напоминает то, что, по-видимому, и принято называть «структурой языка»².

¹ В отличие от просто «дистрибуции» дескриптивной лингвистики.

² Под «системой языка» понимается все чаще совокупность классов и таких правил, применением которых к этим классам создаются

IV. В свойствах, фиксируемых предлагаемой терминологией, находит отражение знаковая природа соответствующих объектов. Например, в форме «высказывания» проявляется тот факт, что содержание, закрепленное за таким объектом, является относительно-законченным; форма «сегмента» отражает наличие у объекта отдельного содержания, хотя бы и незаконченного; формальные требования АЗ, АГ и т. д. соответствуют различной степени смысловой самостоятельности сегмента среди других сегментов (ср. содержание «прилагательного» и «личного глагола», «предлога» и «существительного», «корня» и «аффикса») — и т. д.

Таким образом, начальные понятия такого метаязыка опираются в конечном счете на сущность всякого языка — его знаковую природу, чем гарантируется в известной мере успех разработки дальнейших понятий.

V. Соответствие, обнаруживаемое между приводившимися выше речевыми фактами, доступными объективному выявлению, с одной стороны, и их скрытыми содержательными мотивами, с другой, позволяет лишней раз осознать, что своеобразие формальных методов описания заключается не в отказе использовать план содержания — в этом случае языковые единицы оказались бы равноценными и разрозненными — а лишь в стремлении опереться на такие его проявления, которые поддаются формальному определению.

Нетривиальное, целостное и целесообразное «видение» в сфере такой привычной, пестрой и многосторонней материи, как тексты естественного языка, нуждается в системе формально-операционных понятий. Построение таких понятий оказывается необходимым условием расширения и уточнения научных представлений о языке и языках.

VI. Подобно тому, как в физике каждое новое понятие определяется через уже существующие путем подбора подходящей функции, — определение лингвистического понятия должно устанавливать соотношение, связывающее новый языковой объект с другими, уже включенными в метаязык. Найти соотношение, процедуру, посредством которых из уже «окрещенных» объектов получаются все

некоторые новые правильно построенные единицы — т. е. «системой» моделируется процесс, обратный выявлению «структуры».

объекты интересующего нас качества — только они — это составляет основную проблему построения языка лингвистики.

VII. Формально-процедурный характер вводимых понятий обеспечивает независимое, более или менее полное, но всегда адекватное описание структуры различных языков, а единство процедуры позволяет их типологическое сравнение. С другой стороны, соотносительность таких понятий делает возможным в дальнейшем разработку, наряду с языком описания, т е о р и и я з ы к а, содержащей формальное доказательство присутствия тех или иных свойств у тех или иных объектов.

VIII. Предлагаемый способ описания вплотную подводит к переходу в сферу языковой семантики. Установив некоторые регулярные соответствия между различными типами речевого поведения и содержанием, обычно за ними стоящим, можно использовать факты, собранные в ходе описания некоторого объекта, для построения гипотезы касательно его инвариантного значения. Правда, «разрешающая способность» разрабатываемого метаязыка позволяет уловить различие в поведении (а следовательно, и значении) лишь для целых подклассов («частей речи»), а также для «грамматических» слов и аффиксов. Дальнейшее исследование плана содержания, доходящее до лексических групп, а тем более отдельных не-грамматических слов, предполагает либо разработку более тонких «процедурных» понятий («трансформационный анализ», работы Ю. Апресяна), либо переход к совершенно новой методике, выходящей за пределы структурной лингвистики.

С. К. Шаумян
(Москва)

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

От иных семиотических систем естественные языки отличаются прежде всего семиотической двуплановостью: в естественных языках над первичной семиотической системой знаков надстраивается вторичная семиотическая

система диакритических элементов знаков. В отличие от естественных языков искусственные языки математики, физики, химии, биологии и других абстрактных наук обходятся только системами знаков.

Необходимость вторичной семиотической системы в естественных языках объясняется ограниченным объемом человеческой памяти: естественные языки настолько богаты большим количеством разнообразных знаков, что если бы не было диакритических элементов, то было бы невозможно запомнить все знаки; запоминание знаков и пользование знаками в естественных языках возможно только потому, что любой знак может быть представлен в виде последовательности диакритических элементов, запас которых строго ограничен и легко обозрим. Что касается искусственных языков, то поскольку они не обладают большим количеством знаков, то не возникает нужды в системе диакритических элементов.

Конечно, в принципе возможны искусственные языки также и с двуплановыми семиотическими системами, но такие искусственные языки должны считаться аналогами естественных языков.

Ограниченным объемом человеческой памяти объясняется и другая специфическая черта естественных языков — развитие усложненных синтаксических конструкций для ограничения регрессивных конструкций (в смысле В. Ингве).

В отличие от искусственных языков естественные языки служат не только интеллектуальным целям, но также выражают и эмоциональные аспекты человеческого общения, поэтому естественные языки обладают богатым запасом экспрессивных средств, которые вовсе отсутствуют в искусственных языках. Но и в чисто интеллектуальном плане между искусственными и естественными языками существуют глубокие различия, которые в значительной мере объясняются тем, что на структуру естественных языков влияет ограниченность объема человеческой памяти.

Исследование, как влияет ограниченность объема человеческой памяти на лингвистическую структуру, ставит перед структурной лингвистикой как теорией объяснительных моделей языка специфические кибернетические проблемы, представляющие первостепенный теоретический и практический интерес.

В соответствии с семантической двуплановостью естественных языков структурная лингвистика состоит из двух отделов: из теории порождающих грамматик и фонологии.

В теории порождающих грамматик мы считаем необходимым различать в структурных исследованиях две главные ступени абстракции — фенотипическую ступень и генотипическую ступень.

Различение фенотипической и генотипической ступени проливает новый свет на теорию порождающих грамматик. Как известно, одним из существенных недостатков порождающей модели непосредственно составляющих является то, что эта модель не применима к конструкциям, заключающим в себе разрывные морфемы, поскольку в этой модели запрещается перестановка элемента. Этот недостаток преодолевается в трансформационной грамматике, которая разрешает перестановку элементов. Можно, однако, показать, что запрещение или разрешение представлять элементы связано с пространственными представлениями, с признанием принципиальной линейности языка. Но, в действительности, линейность есть только внешнее свойство языка, относящееся к фенотипической ступени. Если же подняться на генотипическую ступень, то мы приходим к открытию, что языку в принципе чужды пространственные представления и что язык в принципе не линеен. Отсюда возникает общая проблема: нельзя ли заменить модель непосредственно составляющих и трансформационную модель, которые связаны с пространственными представлениями и исходят из признания принципиальной линейности языка, более абстрактной моделью, свободной от пространственных представлений и таким образом находящейся в соответствии с генотипической ступенью? Эта проблема решается нами положительно. Мы предлагаем новую порождающую модель, основанную на некоммутативной операции установления связей между лингвистическими элементами, которую мы называем операцией аппликации.

Связи, устанавливаемые операцией аппликации, иерархические, но эта иерархия чисто абстрактная, совершенно независимая от пространственных представлений. Поскольку новая модель основана на операции аппликации, то мы называем эту модель аппликативной порождающей моделью.

В аппликативной порождающей модели трансформации не отменяются, но здесь они служат не для устранения недостатков модели непосредственно составляющих, связанных с пространственными представлениями, а для экономного описания языка путем установления отношения инвариантности между ядерными и деривационными предложениями. В рамках аппликативной модели трансформации освобождаются от внешних для них пространственных представлений и приобретают чисто объяснительную функцию на базе принципа простоты. Такое толкование трансформаций — что касается сути дела — не только не противоречит понятию трансформаций в работах Н. Хомского, но напротив, освобождает это понятие от некоторых чисто внешних моментов, до сих пор заслонявших наиболее глубокие и существенные стороны этого понятия.

В соответствии с различием фенотипической и генотипической ступеней мы различаем два вида дистрибуции лингвистических элементов: линейную дистрибуцию и метрическую дистрибуцию. Линейная дистрибуция — это пространственная дистрибуция лингвистических элементов на фенотипической ступени. Метрическая дистрибуция — это свободное от пространственных представлений иерархическое соотношение лингвистических элементов на генотипической ступени.

Различение фенотипической и генотипической ступени проливает новый свет и на гипотезу глубины В. Ингве. В рамках аппликативной модели гипотеза глубины должна быть переформулирована таким образом, чтобы ее можно было связать с отображением элементов генотипической ступени на элементы фенотипической ступени в процессе порождения предложений. В этом случае пространственные, линейные представления, связанные с гипотезой глубины, сохраняют полную силу, образуя органический сплав с аппликативной моделью.

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ
СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ
ЯЗЫКОВ¹

0.0. При построении семантической модели для естественного языка прежде всего необходимо выяснить круг основных, исходных понятий, задаваемых в модели. По-видимому, наиболее важно при этом выяснить, в каком соотношении находится, с одной стороны, распределение некоторого слова x (т. е. совокупность контекстов, в которых оно может быть осмысленно употреблено в данном языке) — то, что соответствует в какой-то мере «объему понятия» в логике, или экстенсионалу у Карнапа², и, с другой стороны, совокупность дифференциальных признаков, сопоставленных слову в этом языке — то, что соответствует в какой-то мере «содержанию понятия» в логике и по форме (но не по существу) близко к интенционалу у Карнапа. Для Карнапа интенционал есть внеязыковая данность³: это совокупность реальных физических свойств, между тем лингвист обязан учитывать категоризацию мира языком, при которой каждая совокупность свойств есть зависящий от языка образ внешнего мира.

0.1. Это обстоятельство связано с самой природой языкового знака. Любой знак есть материальный объект, поставленный в соответствие с другим объектом. При этом наиболее существенно существование некоторого закона соответствий между обоими объектами. В реальных языках это соответствие осуществляется при помощи системы категорий, в частности, при помощи дифференциальных семантических признаков⁴.

¹ Эти тезисы излагают содержание главы «Семантические модели», исключенной автором (по причинам, которые станут понятными из дальнейшего) из его книги «Модели языка». Поэтому в тезисах не определяются понятия, используемые в книге.

² Р. Карнап. Значение и необходимость, перевод с англ. М., 1959, стр. 52.

³ Там же, стр. 53.

⁴ В этой связи интерес представляет теория «коннотации», выдвинутая Миллем (см. Mill. A system of logic Ratiocinative and Inductive. New York 1911.) Критика этой теории Айдукевичем

1.1. Необходимо поэтому подчеркнуть, что модель, в которой понятие совокупности дифференциальных семантических признаков вообще не вводится в рассмотрение (т. е. не задается в качестве исходного или не выводится из других исходных понятий), вряд ли целесообразно считать семантической моделью для естественного языка, поскольку такая модель не отражает основной особенности реального языка, семантика которого составляет то, что называется в школе Вейсгербера *geistige Zwischenwelt* между миром реальных объектов и миром единиц выражения. Установление простого соответствия между словами и объектами, необходимое, как показано в «Моделях языка», для грамматических моделей и осуществляемое путем задания так называемого Γ -разбиения, или разбиения на окрестности, оказывается недостаточным даже для них, поскольку только введение в рассмотрение категорий дает возможность приемлемого описания грамматики. Вряд ли разумно считать модель с заданным Γ -разбиением семантической, хотя соответствующая модель для искусственного языка и называется семантической. Может быть вообще целесообразно рассматривать не три, а четыре функции знака, а именно:

а) денотационную (ту, что обычно в логике называют семантической); это двухчленное отношение: знак A называет вещь α ;

б) синтаксическую; это также двухчленное отношение: знак A связан со знаком B ;

в) прагматическую; это трехчленное отношение: знак A называет вещь α для индивидуума I ;

г) категориальную (ту, которая для естественного языка и является основной семантической функцией); это также трехчленное отношение: знак A относит вещь α к категории K (или в общем виде к категориям: $K_1, K_2 \dots K_n$.)

Собственно говоря, денотационная функция есть частный случай как прагматической, так и категориальной (в последнем случае категории находятся во взаимно однозначном соответствии со знаками).

Мы и будем в дальнейшем иметь в виду модели, в которых каждый знак обладает категориальной функцией.

1.2. Важно выяснить, может ли совокупность диф-

(К. А ж д у к и е в и с з. *Język i poznanie*, t. 1, Warszawa, 1960, str. 120—123) не затрагивает основ этой теории.

ференциальных признаков, поставленная в соответствие со словом, быть выведенной из распределения на основе рассмотрения класса эквивалентности этого слова. Ответ на этот вопрос важен для моделирования потому, что он предопределяет отчасти и решение следующего вопроса: можно ли построить для семантики такую аналитическую модель, обращением которой явилась бы порождающая модель, исходящая из дифференциальных семантических признаков, или же такое обращение в принципе невозможно и мы не можем описывать семантику теми методами, которые оказались достаточно продуктивными для грамматики. Если это так, то уже нельзя говорить об обратных по отношению друг к другу моделях, а следует говорить о моделях дополнительных, причем аналогия с широким пониманием дополненности Бором становится более значимой, если учесть, что задание распределения соответствует объективному анализу поведения, в то время как задание дифференциальных семантических признаков соответствует интроспекции⁴.

2.1. При работе над книгой «Модели языка» автор считал, что семантическая модель может быть просто надстроена над грамматической путем установления соответствия между словами и семантическими единицами, «семантическими категориями», «семантическими полями» и т. п., т. е. задания в модели разбиения слов на подмножества, связанные с определенными семантемами. Это показалось особенно легким после того, как удалось так перестроить теоретико-множественную модель Ляпунова-Кулагиной, что в ней задается для каждого слова принадлежность к некоторой совокупности категорий (см. «Модели языка», гл. IV).

Оказалось, однако, что подобная надстройка теоретико-множественной модели — формально, разумеется, легко выполнимая — не дает никаких содержательных результатов, подобных тем, которые удалось получить для грамматических моделей при подобной надстройке.

2.2. Для того чтобы выяснить, в чем здесь дело, лучше всего обратиться к упомянутой выше грамматической модели. Уже в ней обнаруживается явная гетерогенность исходных объектов — с одной стороны, это

---

⁴ См. Н. Б о р. Атомная физика и человеческое познание, перевод с англ. М., 1961, стр. 107, 125 и др.

конкретные объекты: фразы, словоформы, данные нам в непосредственном опыте, или окрестности, полученные путем установления соответствия с предметами реального мира, также данными нам в опыте, а, с другой стороны, задаются такие «метафизические сущности», или, если угодно, гипотетические конструкты, как падеж, род, число, которые ни в каком опыте нам не даны. Единственное оправдание для такого задания гетерогенных объектов состоит в том, что в самой модели удастся установить определенные «правила корреспонденции» между этими конструктами и наблюдаемыми объектами, что позволяет, например, по поведению последних косвенно оценить число первых. Если бы подобные правила удалось найти, то задание определенных семантических свойств (например, семантических множителей) в модели описанного выше типа было бы оправданным. Но это пока не удалось и, может быть, вообще не удастся.

3.1. Другой подход к созданию семантической модели, аналогичной теоретико-множественной, был предложен автором еще раньше в статье, написанной совместно с В. К. Финном и Д. Г. Лахути⁵. Этот подход предусматривает перенесение всех определений теоретико-множественной модели с множества отмеченных фраз на множество «осмысленных фраз». Некоторые примеры, приводимые в этой работе, казалось бы, убеждали в том, что вместо «семейств» мы в данном случае получим «семантические поля» или даже «синонимы». (Некоторые грамматические трудности, которые препятствуют, например, объединению в один класс слов разного рода, снимаются, если вместо фраз рассматривать их G -структуры, иначе говоря, фразы, в которых не обращается никакого внимания на грамматические форманты.) Оказалось, однако, что эта теория основана на некоторых предпосылках, которые вряд ли выполняются в естественных языках.

3.20. Для такого перенесения прежде всего должен быть оправдан параллелизм между понятиями «множество отмеченных (или в основной интерпретации: потенциально возможных) фраз» и «множество осмысленных фраз» (основное понятие семантики).

3.21. Между тем, если иметь в виду основную интерпретацию «отмеченных фраз», то потенциальная по-

---

⁵ См. «Философские науки», 1959, 1, изд. МГУ.

полнимость этого множества соответствует тому свойству грамматики, что она способна описывать ситуации, имеющие место в хотя бы одном из возможных миров (в смысле Лейбница — Витгенштейна).

3.22. Семантика же имеет дело с одним фиксированным миром. Поэтому множество осмысленных фраз должно исчерпывающе описывать мир (или некоторый его фрагмент); в частности, так, чтобы для каждого предиката в нем можно было бы — на основании анализа множества фраз — определить его экстенционал в смысле Карнапа. Такому требованию не удовлетворяет ни один фрагмент реального языка.

3.23. Единственное исключение, известное автору, это тексты упражнений в учебниках иностранных языков. Однако именно эти тексты поражают своей неестественностью и представляют поэтому благодарный материал для пародирования, а это показывает, что носители языка резко отделяют такие «тексты» от остальных.

3.24. Язык избегает полноты описания мира. Это достигается путем склеивания предложений (введения однородных членов, словечек типа «также» и «т. п.», эллипсисов, которые вовсе не ограничиваются разговорной речью).

3.25. Поэтому любой текст, который мы захотели бы подвергнуть анализу в рассматриваемой модели, необходимо предварительно трансформировать.

3.30. Второе требование, которое следует предъявить множеству осмысленных фраз, в свете 3.22, это замкнутость этого множества относительно рассматриваемых объектов. В самом деле, введение одной фразы с новым объектом требует одновременного введения фраз, говорящих об отношении между этим объектом и всеми остальными. В действительности же вводится именно одна фраза (это также своеобразный эллипсис).

3.31. В этой связи представляет интерес теория «открытых» и «замкнутых» языков, выдвинутая К. Айдукевичем⁶. Пусть даны два языка L и L' , причем для любого выражения x в L найдется тождественное ему по форме и равнозначное выражение x' в языке L' . Пусть в L' имеется выражение x' , связанное по значению с x , но не имеющее соответствия в L . Тогда L называется открытым по отно-

⁶ К. А j d u k i e w i c z. Указ. соч., т. 1, стр. 160—161.

шению к L' , или просто открытым. Всякий не открытый язык называется замкнутым. В открытом языке можно пополнить запас фраз, не меняя значения других фраз. С этой точки зрения реальные языки как раз открытые.

3.32. Необходимо также учитывать еще одну особенность носителей языка, которая может быть названа «презумпцией осмысленности».

Пусть некоторая часть фразы воспринята как осмысленная, т. е. установлено соответствие (через систему категорий данного языка) между элементами фразы и вещами. Тогда весь предыдущий опыт заставляет считать значащими и остальные элементы фраз, т. е. носитель языка скорее склонен раздвигать границы мира вещей, чем сужать рамки своего языка.

3.33. В этой связи чрезвычайно интересно вспомнить различие, проведенное Гуссерлем⁷ между актами семиотизации и реализации значения.

3.34. «Презумпция осмысленности» проявляется и в том, что носитель языка обычно склонен представить себе ситуацию, в которой получает смысл некоторая фраза⁸. С этой точки зрения выражение: «поэт создает свой собственный мир» может быть истолковано следующим образом: «поэт создает мир, в котором оправданы фразы, не имевшие раньше смысла в языке». Впрочем, для этого не надо быть специально поэтом. Любой может произвести эксперименты подобного рода. Например, пресловутая фраза Хомского получает смысл в четверостишии: «Идея яростно спит | Ворочается во сне | Идея в висках стучит | Нашептывая мне...».

3.35. Все это показывает, что семантика естественных языков не может иметь дело с замкнутым множеством фраз.

3.4. Перейдем теперь к другой, еще более сомнительной предпосылке рассматриваемой модели. Пусть отдельные семантемы выявлены дистрибуционным анализом. Основная, синтагматическая часть модели служит для выявления отношений между элементами (отношения подчинения, соподчинения и т. п.). Семантическая парал-

⁷ E. H u s s e r l. Logische Untersuchungen, Bd. II, Halle a. d. S., § 9.

⁸ Ср. моделирование перехода от temporally ill-formed frases к well-formed frases в модели Кэрка Рэнкина (см. National Bureau of Standards Report 7352, June 30, 1961).

лель этой модели имеет определенное познавательное значение, если можно установить изоморфное или в крайнем случае гомоморфное соответствие между словами и семантемами. Иначе говоря, соответствие должно сохранять отношения подчинения. Это требование также не выполняется в реальных языках⁹. Если, например, перейти (для того, чтобы отвлечься от грамматики) от фраз к их Γ -структурам, то в ряде случаев отношению подчинения типа Γ (зеленый) Γ (травы) между окрестностями (во фразе «зеленая трава») будет соответствовать обратное отношение между понятиями: Π (зеленый) $\supset$ Π (травы)¹⁰. Дело обстоит так, как будто в семантике существует следующее отношение объекта (Ob) с его атрибутами (A_1^{ob} , A_2^{ob} ... A_n^{ob} : $Ob = A_1^{ob} \vee A_2^{ob} \dots \vee A_n^{ob}$ (где любой из символов Ob и A_i^{ob} принимает значение нуля или единицы). Поэтому $A_i^{ob} \times Ob = A_i^{ob}$, в то время как в грамматике имеет место обратное отношение. $Ob = A_1^{ob} \times A_2^{ob} \times \dots \times A_n^{ob}$. Поэтому $A_i^{ob} \times Ob = Ob$.

3.50. Возможным выходом из последней трудности было бы первоначальное проведение последовательного трансформационного анализа (ср. 3.25), причем сопоставление с единицами информации проводится только для фраз ядра. Тогда фраза «зеленая трава» должна рассматриваться как депрецированное высказывание¹¹ «травы есть зеленая».

3.51. Однако тогда придется признать, что основной аппарат грамматического исследования (анализ и соответственно синтез по непосредственно составляющим) не имеет никакой связи с семантикой языка. Поэтому и здесь мы приходим к выводу в том, что семантическая модель вряд ли может быть построена как распространение грамматической.

4. Общие теоретические рассуждения, проведенные выше, будут в докладе сопоставлены с результатами чрез-

⁹ Ср. общие замечания Гуссерля об отсутствии параллелизма между грамматическим и смысловым рядом (Bd II, стр. 6—13).

¹⁰ См. по этому поводу: L. T e s n i è r e. *Eléments de syntaxe Structurale*. Paris, 1959.

¹¹ О понятии депрецикации см. И. И. Р е в з и н. Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке. — Сб. «Применение логики в науке и технике». М., 1960.

вычайно важного эксперимента И. П. Севбо, которая изучала семантику глаголов механического движения с точки зрения объема понятия и содержания понятия.

5. Несмотря на такой пессимистический вывод, по-видимому, не следует отказываться от продолжения попыток найти аналогии между механизмом семантики и грамматическим механизмом. В частности, может оказаться, что механизмы внутреннего упорядочения в семантике окажутся изоморфными механизмам внутреннего упорядочения в морфологии (ср. понятия формальной и категориальной однородности и т. п.). Интересно было бы найти аналог «языку с полной трансформацией» в правилах семантической сочетаемости, а именно рассмотреть язык, в котором для любых семантем A, B, D , таких, что AC и BC — допустимые сочетания, из допустимости AD следует допустимость BD . Но и здесь нужно, по-видимому, не просто расширять грамматические модели, а строить новые модели, учитывающие принцип дополнительного описания.

В. В. Иванов

О ФУНКЦИЯХ
СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

1. Сложносокращенное слово (аббревиатура) обозначает такой концепт или денотат, который в том же языке может быть обозначен несокращенным (полным) сочетанием слов, причем каждый из элементов несокращенного сочетания представлен в усеченном виде в качестве компонента аббревиатуры¹. Соотнесение сложносокращенного слова с денотатом может осуществляться без перекодирования в полное сочетание слов, благодаря чему аббревиатура из элемента вторичного кода превращается в обычное слово, входящее в словарь языка.

2. Вторичным кодом, к которому принадлежат аббревиатуры, первоначально является письменный язык, где

---

¹ Ср. Р. И. Могилевский. О некоторых особенностях аббревиатур как особой знаковой системы. — Сб. «Вопросы словообразования и фразеологии». Фрунзе, 1962.

сокращенные написания обладают специфическими особенностями, отличающими их от всех слов устного языка, в том числе и сложносокращенных (например, русские письменные сокращения, не имеющие флексий, образуют множественное число посредством удвоения: *тт.* = товарищи). В дальнейшем некоторые письменные сокращения читаются согласно написанию (а не согласно произношению соответствующих полных сочетаний слов устного языка); таким образом, в устном языке их форма является производной от соответствующей формы в письменном языке (ср., например, чтение инициальных сокращений собственных имен в американском английском). В этом отношении сложносокращенные слова можно объединить с псевдосокращениями, т. е. с теми терминами научного языка, одним из компонентов которых является буква, не соотносимая ни с каким словом обычного языка и произносимая согласно алфавитному чтению: англ. *X-ray*, *h-rule* (ср. сокращения типа *A-bomb*, и такие промежуточные случаи, как *H-bomb*, где *H* одновременно является компонентом сложносокращенного слова и буквенным обозначением, заимствованным из языка химии). Чисто графическим сокращением является запись стандартной фразы коммерческого английского языка «I owe you» в виде буквенного сокращения *Io U* (произношение одинаково в обоих случаях); обратный случай чисто графической игры сокращениями в письменной литературе представляет запись буквенного сокращения *R. G.* как фамилии *Hergé* (псевдоним бельгийского писателя; ср. псевдоним Анненского *Ник. Т-о*, где слово обычного языка «никто» записано в виде омофоничного сокращения). Графические сокращения встречаются уже в письменностях древнего Востока: хеттское клинописное *gip* = *gipeššar* (сокращенное обозначение меры длины типа рус. *км*), хеттские иероглифические сокращения собственных имен, ср. также сокращения в китайской и японской иероглифике. Проникновение сокращений из письменных европейских языков (в том числе латинского) в устные уже осуществилось к началу XIX в., ср. фиксацию произношения *MS*, *MA* как сложносокращенных слов в поэзии Байрона, латинское сокращение *A. M. D.*, выступающее в качестве трехслогового слова в стихотворении Пушкина (соответствующее место этого стихотворения намеренно превращено в сокращенное обозначение

инициалов русского собственного имени в чтении Аглаи в «Идиоте» Достоевского).

3. Сложносокращенные слова используются в функции, близкой к функции собственных имен, ср. широкое применение сокращений по отношению к собственным именам людей (инициальные и ласкательные сокращения), домашних животных (коннозаводческие патронимические термины, по способу образования из одного слога имени отца и одного слога имени матери аналогичные древнегерманским сложносокращенным собственным именам людей), машин (марки автомобилей, самолетов и т. п.); характерно также переосмысление сокращений типа нем. *NI* как собственных имен². Широкое распространение сложносокращенных слов связано с тем, что они являются способом называния сложно-организованных систем, начиная с коллективов из нескольких людей (Кукрыниксы, ЮрТынккоммуна — «коммуна Юрия Тынянова») до целых областей (Донбасс), стран (СССР, США), государственных объединений (Venilux) и международных организаций (ООН). При преобразовании или переименовании такой сложно-организованной системы (например, учреждения) меняется конкретное название, но сохраняется его сложносокращенный характер (ср. РОСТА и ТАСС и т. п.). Сложносокращенные слова, относящиеся не к коллективам людей, а к отдельным людям, чаще всего являются обозначениями их «ипостаси» — функции в коллективе, т. е. в сложно-организованной системе (*управдом* и т. п.). Поскольку исследование всех сложно-организованных систем является объектом кибернетики, анализ семантики сложносокращенных слов должен составить специальную тему лингвистико-кибернетических исследований. В этой связи показательна также роль сложносокращенных слов в современной кибернетической ономастике — собственные имена машин *БЭСМ*, *АРЕХС*, названия электронных черепак Грэй Уолтера и т. п., ср. также новые научно-технические термины типа англ. *radar*, *lazar*, *mazar*, *Algol*, *MP*, рус. *МП* и т. д. В научно-фантастических рассказах польского писателя Лема сложносокращенные имена даются и тем сложно-организованным системам, с которыми человечество встретится в космосе.

² Ср. E. Seidel und I. Seidel-Slotty. Sprachwandel im dritten Reich. Halle, 1961.

4. Название посредством сложносокращенных слов происходит применительно к таким сложно-организованным системам, которые часто упоминаются в текстах на данном языке (или в текстах, посвященных данной специальной области). С точки зрения экономного кодирования часто употребляемые сочетания слов выгодно заменять одним сокращенным словом. Поэтому распространение сложносокращенных слов в русском языке периода первой мировой войны объясняется отчасти их использованием в качестве элементов кодов, применявшихся для передачи речи на расстояние (по телеграфу и телефону). Уменьшение или полное устранение избыточности, осуществляющееся при замене полных сочетаний слов аббревиатурами, приводит к надежной шифровке и тем самым к уменьшению численности коллектива, понимающего смысловое строение данного термина (при увеличении коллектива, использующего термин, внутренняя форма может стереться); поэтому оказывается необходимым давать расшифровку сокращения (ключ) при первом же его вхождении в текст. Такая же тенденция к устранению избыточности и экономному кодированию ведет к уменьшению длины употребительных слов в разговорном языке, ср. разговорный характер сокращений типа фр. *bat d'af* < *bataillon d'Afrique*. В социальных диалектах (а затем отчасти в общем языке) компоненты сложносокращенных слов могут использоваться в качестве коротких самостоятельных слов: студенческое *госы* < *госэкзамены*, ср. использование этого приема в поэзии; «Кто в глав, кто в ком, кто в полит, кто в просвет», Маяковский; «Отсталый зам, растущий пред», «Сам себе и глав, и лит», Твардовский; «Много всяческих загот», Евтушенко. Такие выделившиеся компоненты сложносокращенных слов можно сравнить с английскими разговорными усечениями («clippings») типа *prop*, *hip* (< *hypochondria*) и выделившимися компонентами интернациональных терминов типа *phone* (ср. *изм* как отдельное слово в русском и другие примеры лексикализации морфем). Сложносокращенные слова могут выступать в качестве элементов разговорного кода ограниченных социальных групп, в том числе возрастных (данные о речи молодых русских офицеров периода первой мировой войны, называние сослуживцев инициалами, описанное в «*Men at work*» Грэма Грина как особый социальный тип обращения, принятый среди молодых

английских чиновников во время второй мировой войны, ср. аналогичные обращения типа М. П. = «Мария Павловна!» в русском языке и т. п.). Противопоставление полной и сокращенной — разговорной или канцелярской формы сокращения обыгрывается в поэзии (МА — Master of arts у Байрона; Лукоморье — *Луккрай* у Мартынова). Это соотношение может рассматриваться как пример соответствия между эллиптической формой, принятой в разговорной речи, и полной торжественной формой (ср. соотношение между стилями произношения, например, в шведском языке). Разговорные формы, употребляемые младшим поколением, можно рассматривать как вероятные предтечи будущего состояния языка.

5. Потребности связи в современном обществе вызвали появление и широкое распространение сложносокращенных слов в разных языках мира, причем этот процесс осуществлялся параллельно в разных социальных условиях. В отличие от интернациональных слов греко-латинского типа аббревиатуры в разных языках мира объединяются не материально (субстанцией морфем), а структурно. Число сложносокращенных слов резко возрастает в переломные годы жизни общества (русский язык после революции), когда осуществляются социальные сдвиги и поэтому резко увеличивается число новых сложно-организованных систем. Но при этом статистические данные о числе сложносокращенных слов могут указать только на наличие социальных сдвигов, тогда как характер самих сдвигов может быть обнаружен только при анализе семантики, а не формы этих слов. В этом смысле можно сказать, что статистика увеличения числа сложносокращенных слов в таких современных языках, как русский, английский, немецкий, итальянский, сербохорватский, позволяет сделать только общие заключения о статическом или динамическом состоянии данного языкового коллектива (подобно тому, как статистический анализ биотоков мозга позволяет сделать общий вывод о наличии возбуждения, но не дает возможности определить его причины, а статистический анализ ритмических форм стиха позволяет указать на отличие текста от остальных текстов, но ничего не сообщает о функции этого текста). Этот общий вывод может представить интерес для социологии языка в целом, так как он определяет границы возможных социологических заключений, кото-

рые можно делать на основе формального статистического анализа лингвистического материала. Особое значение может иметь анализ повторяющихся выступлений против излишне широкого использования сложносокращенных слов, так как на этом примере удастся исследовать соотношение между сознательной языковой политикой и неосознанным языковым выражением политических изменений.

6. Поскольку сокращения, в которых устранена избыточность, являются идеальным шифром, они могут играть роль криптограмм, понятных только посвященному. Поэтому письменные сокращения могут служить тайнописью для двух людей, желающих обособиться от остальных (объяснение Левина и Кити в «Анне Карениной» и жизненный прототип этого объяснения). Сокращение инициалов собственных имен порождает такие биографические загадки, как загадка Н. Ф. И. в лермонтоведении, загадка Mr. W. H. в шекспироведении, а также споры о расшифровке псевдонимов типа *И. Т.* (=Радищев, по правдоподобной гипотезе Г. А. Гуковского, согласующейся с публикацией *И. Т.* в «Утреннем свете»). В качестве криптограмм сокращения выступают в древних сакральных формулах (талмудических, индийских — типа *нимачивайя*, $om < a + y + M$ и т. п.). В современных языках аналогию этому представляет эвфемистическое употребление сокращений при табу (ТБЦ, WC). Удобством сокращений для шифровки отчасти объяснялось и включение их в военные коды во время первой мировой войны, послужившее одной из причин их распространения (ср. в языке более позднего времени сознательное употребление буквенных выражений типа *город N, N-ская часть*). В языке польских социал-демократов и в языке представителей русского революционного движения конца XIX—начала XX вв. сокращения могли иметь конспиративную функцию (польск. *kon* «конспирация»).

7. Отсутствие мотивированности у сокращений, их ребусный характер делает возможным аффективное и стилистическое, в том числе каламбурное, употребление в художественной литературе (англ. *PEN-club*, рус. *ФИГА* < физио-геоцентрическая ассоциация в «Житии блохи» Замятина, ср. обыгрывание сложносокращенных слов в анекдотах и насмешливых прозвищах типа *Амвол* < Американская вонючка в «Республике Шкид» Панте-

лева, *дубль-ва* = В. В. в «Звездном билете» Аксенова). Пародийные сложносокращенные слова были широко распространены в русской литературе 20-х годов («партия И. И.» — «испуганных интеллигентов» в «Записных книжках» Блока, *Обезвелоопная* Ремизова, *ускомчел* Эренбурга); в то же время весь тип сложносокращенных слов в целом осмысливается как семиотическое выражение эпохи («Сумасшедший корабль» Форш, «Голый год» Пильняка). Увлечение некоторых теоретиков языка этим типом слов вызвало возражения Маяковского, выступившего в Московском лингвистическом кружке против аббревиатур как элементов, противоречащих поэтическому языку; немногие новые аббревиатуры, созданные им самим, всегда носят морфемный (а не буквенный) характер, т. е. более близки обычным словообразовательным типам (*Млечпуть*, формально совпадающее со сложным словом; морфемные сокращения *лап-*, *люб-* в *Грен-лап-люб-ландия*). В новой западноевропейской литературе некоторые принятые употребительные сокращения выступают с эмоциональной негативной окраской: англ. *GI* в «Across the river» Хемингуэя, шв. *AK* в стихотворении Арвида Эрвика «Nodhjälparbetare», ср. ироническую расшифровку *SAS* в разговорном норвежском языке, замечания о редукции немецких слов в статье Х. Панкок «Der Mensch und das Wort» и т. п. Изобретенные авторами ложносокращенные слова вводятся для стилизации языка в современном духе в романах с обобщенным социальным фоном (агентство *Ransdoc* в «Чуме» Камю) и в социальных утопиях — ср. *D. H. C.* в «Brave New World» Хаксли и *Newspeak* Оруэлла, относительно сложносокращенных слов которого на основе сравнения с немецким языком Н. В. Гяч утверждает, что «в фантастике Орвелла есть доля правды»³. Ср. также выше об аббревиатурах в космической фантастике Лема.

8. Сложносокращенные слова, само появление которых зависит от современных форм коммуникации, общих для разных языков мира, в деталях своего строения зависят от типа данного языка. В русском языке более 40% аббревиатур (по данным Л. А. Шеляховской) принадлежит к морфемным, которые легко включаются в традиционные

---

³ Н. В. Гяч. О сокращениях в современном немецком языке. — «Ученые записки ЛГУ», № 260, 1958, стр. 61.

типы словосложения без соединительной гласной (тип *особторг*, *сберкасса*, *агитпароход*, *Млечпуть*, ср. также новообразования этого типа в «Крысолове» Цветаевой) и с соединительным -о- (ср. *метрострой*, *автобаза*, где в морфемах иноязычного происхождения конечное -о- первой морфемы переосмысливается как соединительный элемент сложного слова). Усеченные алломорфы (*хоз*-) в дальнейшем используются в обычном словопроизводстве — *бес-хоз-ный*, ср. сочетание сокращения с суффиксацией — *обериуты* (<Объединение реального искусства). Отступление от статистически преобладающей морфонологической нормы закрытого слога в морфемных сокращениях используется как каламбурный прием «ЛИЖИ» <«Литература и жизнь», «ВОПЛИ»> «Вопросы литературы». Избегание открытых слогов (типа *ли*-) может объясняться отсутствием флексий у неизменяемых сокращений типа *Районо*, включаемых в чисто аналитические конструкции. На основе сложносокращенных слов типа нэпо (позднейшее нэп с заменой открытого слога закрытым), *рабкооп* и их компонентов типа *ком*-, *проф*-, *сов*- Ленин сделал наблюдение о развитии русского языка в сторону английского (план к статье «Заметки публициста», составленный в 1922 г.). Для типологической характеристики русских сложносокращенных слов представляет интерес определение числа и порядка инкорпорированных компонентов (ср. *Мосгорпроизводбыткоопинснабсбыт* и т. п.). Между разными европейскими языками можно установить статистические различия в зависимости от соотношения между буквенными и морфемными сокращениями (англ. *MP* — *techdata*, ср., например, преимущественное использование буквенных сокращений в языке нацистов), компонентами аббревиатур с преимущественно закрытыми слогами (как в русском) и с открытыми слогами (ср. чешский, немецкий — тип *Ge-sta-po*-, английский, итальянский). Отступления от преобладающей морфонологической нормы открытого слога используются в пародийных целях в таких аббревиатурах, как англ. *Fic-dep* <*Fiction department* у Оруэлла, ит. *Minculprop*. Для типологического исследования сокращений богатый материал дает сравнение с языками Дальнего Востока (современный японский, где компоненты сокращений типа *со* могут записываться слоговой азбукой) и Ю.-В. Азии (ср. вьетнамские названия континетов). Типологическая интер-

претация аббревиатур как инкорпорированных комплексов (А. Бэклунд, Зумтор, Капанцян) была предвосхищена еще создателем семиотики Персом, сравнившим сложносокращенные слова в английских химических текстах со словами языков американских индейцев.

9. Необходимо продолжить на современной основе те многочисленные исследования роли аббревиатур в современном русском языке, которые были успешно предприняты в 20-е и 30-е годы в связи с изучением воздействия революции на русский язык (работы Поливанова, Селищева и др.). Встречавшиеся в лингвистических работах 50-х годов утверждения об отсутствии новых сложносокращенных слов были бездоказательны и могли появиться только в условиях, когда отсутствовало систематическое постоянное наблюдение за развитием русского языка, которое заменялось соображениями общего характера. Налаживание такого наблюдения (прежде всего, по данным радио, телевидения, кино, ежедневной печати связи) с использованием всех необходимых технических вспомогательных средств могло бы сделать возможным составление полного статистического (и исторического) словаря аббревиатур и соответствующих им полных сочетаний слов. Такой словарь был бы полезен, во-первых, для построения на статистической основе новейшей истории современного русского языка (где имеется достаточно надежный материал для статистических выводов), которая позволила бы делать обоснованные прогнозы (т. е. статистические предсказания) о будущем состоянии языка и, во-вторых, для автоматического анализа русских научно-технических текстов, где наличие большого числа аббревиатур может оказаться существенной трудностью при решении задач машинного перевода и поиска информации. Желательно одновременно предпринять аналогичную работу применительно к тем языкам народов СССР и зарубежных стран (в частности, славянским, а также румынскому и др.), где развитие сложносокращенных слов было в известной мере определено характером аббревиатур современного русского языка.

К СЕМИОТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ
«ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ»

Памяти Лени Магда

1. 1. Прием «остранения» был выдвинут Шкловским в качестве основного принципа х у д о ж е с т в е н н о г о построения. Можно показать, что этот прием имеет гораздо более общее семиотическое значение и не обязательно связан с эстетической задачей.

1. 2. В общем виде прием остранения сводится к отталкиванию от общенародного языка, в частности к такому разрыву скрытого или стертого отношения между означаемым и означающим, который воспринимается именно на фоне этого отношения.

2. 1. В качестве объекта исследования мы выберем своего рода предельный, вырожденный случай знаковой системы, а именно современный воровской жаргон, ибо в предельных ситуациях некоторые черты знаковых систем проступают более отчетливо.

2. 2. Мы попытаемся показать, что прием остранения используется в качестве основного конституитивного фактора при формировании воровского жаргона.

3. 1. Обычно считается, что основная функция воровского аргю состоит в том, чтобы зашифровать сообщение кодом, который незнаком большинству слушающих. Такого рода коды действительно были отмечены (например, язык дореволюционных владимирских офеней). Однако для анализируемого в данном сообщении теперешнего воровского жаргона это не подтверждается, так как большинство употребляемых в нем слов обладает довольно прозрачной смысловой структурой и во всяком случае легко распознается в соответствующем контексте, ср. *отломиться*, *(об)тяпать*, *маслина* («а теперь маслину получай» — из известной блатной песни), *серьга*, *по(за)*, *путать*, *кашалотничать*, *толкнуть*, *стукнуть*, *припущать*, *промеж роги*, *в натуре*, *грабки*, *храп*, *врезать дубаря*, *дешевка*, *мадера*, *пальтуган*, *подзалететь*, *рвать когти* и т. п.

3. 2. Эта же черта — прозрачность смысловой структуры слов отмечается, между прочим, и в немецком и

французском солдатском аргю времен первой мировой войны, ср. нем. *Hungerabwehrkanone* (походная кухня) или фр. *gazer* (курить).

4. 1. В литературе давно ведется спор, идет ли развитие аргю естественным путем или же путем сознательного отбора. ср. полемику между Эну (Esnoult) и Сенеаном. Анализируемый материал позволяет прийти к выводу, что имеет место скорее первое, но при этом явно проявляется некоторая бессознательная, но живая тенденция, связанная с основной семиотической функцией жаргона.

4. 2. Основная функция воровского аргю это «функция пароля», функция выявления принадлежности к данной социальной группе (различения своих, тех, кто могут *по фени ботать*, и не своих). Отметим, что эта же функция (между прочим, отсутствующая в схеме Якобсона) была отчетливо выявлена для общенародного языка Хаугеном в его исследованиях по билингвизму.

4. 3. Преимущественным значением этой функции объясняется поразительная устойчивость арготической лексики, или во всяком случае ее «основного фонда», от записей Гиляровского и Трахтенберга до наших дней.

5. 0. В связи с этим и строится лексика воровского жаргона. В частности, все принципы арготического словообразования, отмеченные В. М. Жирмунским¹, могут быть интерпретированы с этой точки зрения. Отметим некоторые другие черты отталкивания от общенародного языка, которые показывают, что имеет место именно «остранение» в смысле 1.2 (что недостаточно учитывается исследователями).

5. 1. Происходит «переоценка ценностей»². Например, словом *подлость* (к нему помен *agentis падла*) квалифицируются следующие поступки: «перестать воровать, работать, воровать друг у друга, отнимать у кого-н. пайку», для того, кто не является вором, употребляется следующий набор слов: *фрайер, черт, асмоед* (асмодей), *фрей, фраеришко, пес*; понятие «работать» передается словами: *мантулить, втыкать, ишачить*.

¹ «Национальный язык и социальные диалекты». Л. 136.

² Ср. также: Ст. С т о й к о в. Социальные диалекты. — ВЯ, 1957, № 1, стр. 81. Несколько по-другому (с более явным проявлением аффективно окрашенных представлений) такая переоценка происходит в солдатских жаргонах, ср. В. Ж и р м у н с к и й. Указ. соч., стр. 118 и сл.).

5. 2. Часты элементы бравады; например, *дура* вместо: пистолет.

5. 3. Используются архаизмы высокого стиля; например, *лобзать* вместо: целовать, или же создаются псевдо-аристократические слова: *это тебе не проханже* (вместо: не пройдет), *кашенция* вместо: каша, *баландеус* наряду с *баланда* (тип словообразования, характерный для студенческого жаргона), *мадера* вместо: водка и т. п.

5. 4. Слова используются в противоположном значении; например, *бацильное* как обозначение всего съестного, в особенности мяса, сала, масла.

6. 0. Интересно, что в большинстве примеров мы имеем дело со случаями изоморфными «поэтическому глоссемо-сочетанию», как оно проанализировано Якубинским.

6. 1. Что касается слов с неясной смысловой структурой, в первую очередь заимствованных, то любопытен самый принцип их отбора: это слова, отличающиеся по фонологической структуре от русских и сохраняющие отличную дистрибуцию фонем (это также служит отталкиванию от общенародного языка).

В этой связи интересно обилие слов, начинающихся с *ш*, *шт*, *шв*, *шн*, *шк*; ср. *шмотки*, *шмальнуть* (убить), *шмон* (обыск), *штефкать* (есть), *шнифты* (в выражении: «я тебе *шнифты* на лоб поставлю»), *школа*, *шкаренки* (брюки). Обилие слов, начинающихся с *ш*, использовано Сельвинским как художественный прием в стихотворении «Вор»: «Вдруг чья-та *шмара* *шипит*: *шестая*».

7. 1. Как построение, целиком основанное на острашении, воровской жаргон очень богат синонимией (ср. цит. работу Ст. Стойкова, а также характеристику, даваемую Шпербером солдатским жаргоном) и, за исключением некоторых областей, о которых ниже, не стремится к терминологической точности.

Вот некоторые синонимические ряды (в которых не удалось выявить никакого стилистического или идеографического различия):

<i>шнифты</i> , <i>фары</i> , <i>бибики</i>	— глаза,
<i>штефкать</i> , <i>хавать</i> , <i>рубать</i> , <i>хряпать</i> , <i>метать</i>	— есть,
<i>шмальнуть</i> , (<i>начисто</i>) <i>обтяпать</i> , <i>сделать</i>	— убить,
<i>колеса</i> , <i>прохара</i>	— сапоги,
<i>сплавить</i> , <i>слагавить</i> , <i>стукнуть</i> ,	— донести,
<i>калган</i> , <i>котел</i>	— голова,

<i>кешер, берданка</i>	—передача,
<i>костыль, птенчик</i>	—пайка хлеба,
<i>косить, восьмерить, придуриваться</i>	—симулировать,
<i>врезать дубаря, дойти, отдать концы</i>	—умереть,

7. 2. Многие слова многозначны, вернее обладают весьма широким значением; например, *пригужать* означает «отдыхать» и «сидеть в тюрьме», *притыривать* означает 1) «загородить при воровстве» и 2) «спрятать ворованное».

7.3. Но в лексике воровского жаргона наблюдаются и противоположные тенденции, а именно в некоторых своих слоях лексика его обнаруживает черты крайней детализации, что типологически сближает воровской жаргон с профессиональными жаргонами. В качестве примера можно привести детальное разграничение самих воровских профессий: *утюг* или *медвежатник* (взломщик нестораемых шкафов), *краснушник* (по товарным вагонам), *щипач* (часы, браслеты), *скокарь* (налеты по квартирам), *фармазонщик* (обманщик на рынке) или детальную номенклатуру карманов: *верха* (внешние нижние карманы), *пистон* (передний карман для часов в брюках), *скуло* (внутренний боковой карман в пиджаке), *чердак* (наружный верхний карман пиджака). В этой связи интересны аналогичные наблюдения Ст. Стойкова, а также характеристика, даваемая В. М. Жирмунским профессиональным диалектам.

8. Воровские жаргоны — благодарный объект изучения с точки зрения происхождения отдельных слов (так, можно установить, что *фарт* с его производными, *бан* произошло из немецкого, *ксивы* из древнееврейского, *мандра* из цыганского). Эти работы, прерванные у нас, должны быть продолжены³. Интересен также типологический анализ жаргонов. В частности, любопытно, что

³ В этой связи хочется вспомнить замечательные работы Б. А. Ларина: «О лингвистическом изучении города» («Русская речь», вып. III, Л., 1928) и «Западноевропейские элементы русского воровского арго» («Язык и литература», т. III. М.—Л., 1931). К сожалению, до сих пор не опубликована картотека по русским арго, собранная Б. А. Лариным (см. В. М. Ж и р м у н с к и й. Указ. соч., стр. 125).

вскрытые здесь черты русского воровского жаргона прослеживаются и в немецком (Rotwelsch, Gaunersprache), как он описан в классических трудах Клуге, Аве-Лаллеманта и Гюнтера.

9. Прием остранения не делает воровской жаргон художественным построением, любопытно, однако, частое использование жаргона как материала для художественного построения (ср. некоторые баллады Фр. Вийона, написанные на жаргоне банды кокильяров).

10. Исследование воровского арго важно не только для общей семиотики, но и для культуры речи. Чтобы бороться с загрязнением русской речи, нужно знать, откуда проникает новое употребление слова *правильный* («я правильно пообедал») или же группы *всю дорогу* (в смысле «все время»), *иди ты* (возглас удивления).

П. Г. Богатырев

(Москва)

ВЫКРИКИ РАЗНОСЧИКОВ
И БРОДЯЧИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ —
ЗНАКИ РЕКЛАМЫ

В докладе использованы следующие материалы:

«Выкрики разносчиков. Записи Янчука, Гречанинова, Листопадова и др.» — «Труды музыкально-этнографической комиссии им. Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии», т. I. М., 1906. Кратко: «Труды».

Рукописный труд Симакова. Из рукописного собрания Сектора библиографии источниковедения и издания памятников Института русского языка АН СССР: Единица хранения № 5 (машинопись). Кратко: Симаков.

Рукописный труд Иванова «Красное крылатое словцо». Кратко: Иванов.

1. Основная функция выкриков разносчиков, скупщиков и бродячих ремесленников известить, что в деревне, на базаре, на дворе дома находится продавец или скупщик товара, ремесленник, выполняющий определенную работу и т. п.

Примеры (лудильщик):

Лужу, паяю,
старые керосинки покупаю,
примусы чиню.

Или:

Ведро починяю,
старые кровати покупаю,
у бадей дны вставляю,
старые тазы покупаю.

Мастер замков:

Ключи подбираем,
старые замки починяем,

Стекольщик:

Стекла вставляем,
стекла.

Точильщик:

Точим ножи-ножницы.
Бритвы правим.

Бондарь:

Бочки, шайки, чиним,
дны вставляем, вновь перебираем.

В вышеприведенных примерах нет элемента рекламы. Но, например, в выкриках старьевщиков-татар уже находим элемент рекламы:

Всякий хлам берем —
дорого даем

Или:

Все, все берем,
за все дорого даем.

2. Выкрики бродячих разносчиков товаров и бродячих ремесленников выполняют ту же функцию, что и вывески магазинов и лавок, а также вывески мастерских.

3. Вывески имеют и имели различные формы. Наиболее распространенные современные вывески с надписями товаров (овощи, фрукты, мясные, молочные продукты, сладости, промышленные товары и т. п.) или наименование специальности ремесленника (парикмахер, портной, сапожник и т. д.)

Помимо вывесок с надписью были особенно широко

распространены в свое время вывески с изображением предметов, продаваемых торговцами или выделяемых ремесленниками: ключ — мастерская слесаря, сапог — мастерская сапожника и т. п., иногда эти знаки имели символическое значение (например, медный таз у парикмахерской).

В Словакии владельцы виноградников имели право осенью открывать в городе или поселке винный погребок для продажи вина из собственного виноградника. Над дверью погребка висела виноградная ветка. Временный винный погребок именовался «pod veytkou» («под веткой»). Итак, здесь вывеской была ветка.

Иногда помещались вывески различных видов: рядом со словесной вывеской «парикмахерская» вешается медная тарелка. Рядом с вывеской «аптека» в окнах выставляли шары — знаки аптеки и т. п.

4. Выкрики бродячих торговцев и ремесленников можно разделить на выкрики-песенки, исполнявшиеся на определенную мелодию, а также речитативом, и выкрики, исполнявшиеся сказовым стихом.

5. В выкриках-песнях знаком, обозначающим продаваемый товар, были не только такие фразы, как: «о ягод земляники» или «зеленчик пришел», «сахарное мороженое», «молоко» и т. п. или выкрики-песни ремесленников, но и те мелодии, музыкальные фразы, на мотив которых исполнялись эти выкрики. Издалека по мелодии можно было определить, что пришла торговка с ягодами, даже и в том случае, когда трудно было расслышать слова, ею распеваемые.

6. Исполнение выкриков-песен, обозначающих продаваемый товар или специальность ремесленника, должно было быть возможно громким, forte. Слова иногда сильно растягивались. Отсюда многие выкрики-песни отличались своим языком от разговорной речи и были близки или совпадали с песенным языком.

Так, в выкриках-песнях торговцев и ремесленников появляются *postlaut* после согласных, также как и в эпической и лирической песнях: «баран(ы)ки» — баранки (Янчук); «б(ы)ритвы» (Листопадов); «бу-ба-лика» — бублика; «сах-ха-ры-ный марожный».

Гласные разговорного языка заменялись другими гласными, которые, по-видимому, легче было выкрикнуть: «тэчить, тэчить» (Листопадов, № 4).

Не произносился конец слова, как в некоторых песнях, например, «сахарный марожный, марож».

Вспомним выкрики извозчиков: «пожя...»

7. Знаком товара, который продается или покупается, являлось особое произношение человека иной национальности, отличающееся от обычных норм языка. Так, деформированный русский язык, произносимый татаринном, был знаком татарина-старьевщика. Профессор С. И. Ожегов вспоминает, что татары-старьевщики кричали в Москве на татарском языке. Обычно они выкрикивали на деформированном русском языке.

Точно так же выкрики китайцев на деформированном русском языке были знаком продавцов определенных товаров, которые продавали бродячие торговцы-китайцы в России: «чесунчи» и т. п.

Интересны выкрики крысомора-чуваша (Иванов).

Крысоморами были чуваша, которые на ломаном русском языке выкрикивали:

Крыскам морить,
на музычку играть,
мышек, клопчиков вон гонять!

8. На специальность крысолова-чуваша, помимо его деформированного русского языка, указывали и другие знаки.

Вот как описывает Е. П. Иванов обходы крысоморов: «Крысоморы-чуваша обходили провинцию с самодельной флейтой, иногда с национальным инструментом, подобным рожку, соединенному с надутым пузырем. Имели они за плечами помимо дорожного мешка шест или палку с висевшей на верхнем конце набитой соломой шкуркой крысы». Встав на улицу или дворе дома крысомор играл на своем инструменте, а затем возглашал приведенные нами выше выкрик на деформированном русском языке: «крыскам морить...» и т. д.

Итак, здесь знаками крысомора, помимо его выкриков, было исполнение музыкального номера или на самодельной флейте, или на особом национальном чувашском инструменте, а также чучело крысы, так сказать вывески изобразительного характера.

Выкрик дополнялся особыми знаками и у бродячих ремесленников, занимающихся починкой железных пред-

метов. Ведерник или железняк выкрикивал:

Ведра, ковши чиним, паяем,
свинцом и серой заливаем...
Ухваты, петли
да бабы сплетни.

Иногда при этом выкрике «брал ведро и начинал колотить его дно, стараясь шумом обратить на себя особое внимание» (Иванов). Здесь, помимо выкрика, зна́ком служил еще шум. Точно так же тряпичник-рухлядник свои выкрики, подкрашенные юмором:

Старые поньки, спорки,
ватные салопы, капоты,
тряпье, рванину,
худую приданую перину,
сваленую подушку,
путаную Аксюшку,
всячину, лохмотья,
пьяную Авдотью!
Собираем покупаем,
хозяина ослобоняем!

— произносил на ходу, постукивая двумя палочками. Здесь, помимо выкрика, зна́ком было постукивание двумя палочками.

Гармоник — продавец гармоник — ничего не выкрикивал, а только играл на гармонии. Этот знак был более выразителен и служил лучшей рекламой, чем выкрики. Исполнял он на гармонике песни, не имевшие отношения к продаже его музыкального товара.

10. Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников, исполняемые на определенные мелодии, служа знаком, извещающим о приходе бродячего торговца, скупщика или ремесленника в село или во двор дома, привлекали своей музыкальной стороной — напевом, и это являлось своеобразной рекламой, невольной заставлявшей прислушаться к содержанию выкрика.

На базаре, где было много торговцев, торговавших одним и тем же товаром, естественно, торговец был заинтересован, чтобы купили у него, а не у другого. Отсюда выкрик из знака извещения о приходе торговца или ремесленника становился знаком-рекламой.

11. Помимо выкриков-песенок, исполняемых на определенную мелодию, широко были распространены, отчасти и теперь бытуют, выкрики-стихи, созданные главным образом народным сказовым стихом. Стих этот издавна использовался в обрядовой поэзии (приговоры свадебного дружки), во многих народных сказках и анекдотах, в народной драме и в народной городской поэзии (приговоры балаганных дедов). Широко распространен был этот стих и в надписях под лубочными картинками.

Выкрики-зазывы, исполняемые сказовым стихом, — яркие образцы знака-рекламы.

12. В выкриках-стихах широко использовались тропы. Особенно широко использовалась гипербола:

Вот спички Лапишна
горят, как солнце и луна.
Диво-дивное! Чудо-чудное,
а не товар!

Выкрик при продаже куклы:

Ай да кукла,
Ай да Малаша,
Неслыханное чудо,
Невиданное диво!

Продавец брусков Карбарум так рекламирует эти бруски:

«Оттачивает, как дьявол»

Продавец яблок кричит:

Яблок ранет,
каких на свете больше нет!

С этими народными выкриками-рекламами переключаются стихи-рекламы В. В. Маяковского вроде:

Лучше сосок
не было и нет.
Готов сосать
до старых лет!

Одно из средств рекламы — превосходная степень прилагательного в определении товаров:

Шоколад, шоколад,
самый лучший шоколад!

Широко распространена уменьшительно-ласкательная форма наименования товара.

Симаков в «Торгово-бытовом словаре» как выражение похвальбы товара приводит: «Извольтеко-с, вот этот товарчик».

Часто товар сначала только называется, а затем ласкательная форма определяет его высокие качества:

Торгаш квасом выкрикивает:

Кому квасу,
холодного квасу?

и добавляет:

С мого *кваску*
не бросишься в печаль и тоску.

или (продавец сбитня):

Ай да сбитен-сбитенек!
(повторяется два раза)

или:

Ай да мыло-мыльце!

или:

Вот блины-блиночки.
Ай да блины...
вкусные блиночки.

Помимо превосходной степени в оценке товара, помимо гиперболической его оценки, восхищение торговца выражается в восклицаниях: Ай да мыло-мыльце! Ай да сбитен-сбитенек! Ай да блины! Ай да подсолнушки! Ай да калены! Ай да кукла, ай да Малаша!

13. Помимо тропов, ласкательной формы при наименовании товаров, восклицаний и т. п., торговцы в выкриках и зазывах публики используют целые куски из фольклорных произведений.

Торговец шаром-летуном использует «общее место» былины:

Выше лесу-то стоячего,
выше облака ходячего.

В прибаутке торговец использует шутку, встречающуюся в народной драме. Другой торговец использует частушку:

Колеса вертятся паром,
а водка подносится даром.

В выкриках торговцев мы встречаем цитаты из литературных произведений: из «Конька-горбунка» Ершова, из «Дядюшки Якова» Некрасова, и, наконец, из «Крокодила» Чуковского.

Все эти знакомые, часто еще по школе, места из стихотворений известных поэтов, своеобразно и оригинально использованных торговцами, останавливают внимание прохожих и заставляют их выслушать весь стихотворный выкрик-рекламу. Задача продавца достигает своей цели.

14. Одно из средств, употребляемых торговцами, остановить внимание прохожих — это уснащение своих выкриков юмором и сатирой. Рядом с деловыми фразами о скупке товаров, тряпичник предлагает вместе с тряпьем и рваниной купить и «путаную Аксютку», и «пьяную Авдотью». Бондарь предлагает набить обручи «на ушаты, на бадьи, на толстые животы», и т. д. Продавец перемежал деловые предложения своих товаров шутками, присказкой, небылицей.

15. Одной из основных черт различных знаков является их неизменяемость. Это еще в большей мере относится к сигналам (красный и зеленый цвет на железнодорожном пути и другие сигналы). Выкрики разносчиков и ремесленников как знаки имеют тенденцию не изменяться, только незначительно варьируясь в своей словесной и музыкальной фразе. Выкрики продавцов и бродячих ремесленников переходят из поколения в поколение. Одинаковы они и у скупщиков.

Ягодник, — пишет Иванов, — скупщик в деревнях собранных ягод всех сортов, несмотря на разнообразие названий своего товара, всегда «выпевал» только одни и те же фразы:

По ягоду, по клюкву — по спелую, по красную...

Бабы и девоньки толстопузые тащите ко мне кузовы, — ослобоню!

Здесь интересно, что выкрик-призыв скупщика ягод, хотя упоминал только клюкву, был знаком того, что он купит все сорта ягод.

Однако, несмотря на тенденцию оставлять выкрики неизменными, они, как и песни и другие виды фольклора, варьируются¹.

Для того чтобы оживить старый выкрик и тем привлечь внимание прохожих, продавцы вставляли новые слова

¹ О тенденции внести изменения в прифты см. интересную статью, вышедшую в 20-х годах по-немецки и по-чешски, Ильи Лисицкого «Книга с точки зрения зрительного впечатления. Визуальная книга».

из политического лексикона, делали политические намеки и т. п.

Так, продавец «игрушки — живого Петрушки» свой призыв купить куклу, заключал:

Ай да Петрушка,
ноги дубовые,
кудри шелковые,
сам ходит,
сам бродит,
сам шевелится
и никакого квартального
не боится.

Здесь намек на избиение Петрушкой квартального в народном кукольном театре.

После революции 1917 г. вводятся новые слова из политического лексикона:

Махорка вырви глаз,
подходи рабочий класс.
Чудо-юдо табачок,
закуривай мужичок.

Выкрик-присказка чистильщика сапог:

Чистим-блестим,
вновь полируем,
рабочим и буржуям.
или
Чистим полируем
Рабочим и буржуям.

Изменения выкриков происходят также от того, что меняется продаваемый товар или наименование его марок. При этом новый выкрик часто изменяется лишь в незначительной степени, подчиняясь форме старого выкрика. Так, при продаже папирос старой фирмы Дюбек кричали:

Папиросы «Дюбек»,
от которых сам черт убег.

При появлении папирос советского производства старый выкрик остался почти без изменения, со старой рифмой:

Папиросы «Узбек»,
от которых сам черт убег.

Но часто изменение названия марки товаров заставляло существенно изменять выкрик, например, подбирать новые рифмы. Если, — пишет Симаков, — при продаже папирос старой фабрики «Трезвон» продавцы кричали:

Папиросы есть «Трезвон»,
Подходи со всех сторон,—

то когда в 1922—1923 гг. на рынке появились папиросы советского производства «Дели», мальчишки-продавцы кричали:

Папиросы «Дели»,
кури две недели.

16. Зазывы-выкрики торговцев и бродячих ремесленников мы можем подразделить на лирические, эпические и драматические, но все зазывы-выкрики преследуют одну и ту же цель — побудить прохожих заинтересоваться продаваемым товаром.

Так, в лирическом зазыве с восклицаниями «ай да» мы слышим:

Ай да подсолнышки,
ай да каленые.
Все сейчас бы их приел,
да хозяин не велел.

Торговец в этом лирическом выкрике передает свое восхищение продаваемым товаром, желание съесть все подсолнухи. Этим самым он стремится заразить своим восторгом прохожих и заставить их «приесть» подсолнухи.

Здесь разница с народной лирической песней, там, например, в причитании о покойнике или причитании невесты выражается скорбь самих причитальщиц, в лирической песне восхваляется возлюбленный или возлюбленная. Но исполнитель лирических песен далек от того, чтобы своими чувствами заражать присутствующих.

Точно так же в эпических зазывах торговец как бы объективно рассказывает о приготовлении его товара:

Сбитен тетупка варила,
сама кушала, хвалила
и всем ребятам говорила:
Вы, ребята, пейте,
сбитен не жалейте.
сбитен варен на меду,
не на рашенном солоду.

Дальше торговец от эпического повествования, как варили сбитен, переходит к зазывам:

Ай да сбитен-сбитенск,
кушай девка, паренек,
кушайте и пейте
денег не жалейте.

И здесь эпические зазывы отличны от народной эпической поэзии, которая не призывает так энергично совершать то, что совершает действующее лицо или даже герой, хотя внутренне ему и сочувствует.

Некоторые зазывы исполнялись как драматические сценки. В Саратове на пасху на площади, где располагались балаганы, у входа в один балаган актер-зазывальщик подбегал к публике и кричал: «Опять полно, ей-богу, полно». Когда я, соблазненный его зазывами, вошел в балаган, тот оказался пустым.

Точно так же «уличный и базарный крикун», свое пожелание, чтобы у него было много покупателей, изображает перед публикой как совершившийся факт. Говоря про себя:

Он не дорого берет,
по дешесвке продает,—

зазывальщик драматически рисует такую сцену:

Вот где пошло-то,
вот где повалило-то!
шумят, гамят,
надвигаются,
к моему-то шалашу
подбираются!

Другой зазывальщик-торговец после восхваления своих товаров рассказывает:

Да и бабы там гладкие
и до товару падкие.
Как ко мне соберутся,
так из-за товара
все и раздерутся.

Этим описанием драматической сценки торговец призывает прохожих последовать примеру баб.

Есть целый ряд приемов заставить прохожих купить товар. Один из таких приемов: перечисление различных

имен, которые должны стать покупателями товара.

Семячки калены
продают Алены:
Нюркам и Шуркам,
Сашкам и Пашкам,
Варюшкам, Манюшкам,
Наташкам, Парашкам,
Тишкам и Мишкам,
Ваненькам и Васенькам,
Гришуткам, Мишуткам,
Ганькам и Санькам.
Всем продаем
и всем
сдачу даем, и . т . д.

Пли (Симаков):

Вот орешки-то калены,
где вы девушки хвалены?
Татьяны, Олены,
Марьюшки и Матрены,
Пашки — Сашки,
Феклушки и Машки
на орешки глядят,
покупают да едят.

Привлекаются покупатели также и ласковыми наименованиями: продавец блинов говорит о своих будущих покупателях:

Кушайте, сыночки
и мои любимы дочки.

Иногда торговец обращается к родительскому чувству покупателя:

Купи-ка мамаша, папаша,
деточка-то ваша
с этой игрушкой пусть
он поиграет, повсеселится,
потешится, порезвится.

17. Выкрики торговцев в песенной форме и в форме сказового стиха вошли в оперную музыку и в литературу. Выкрики торговцев были использованы Римским-Корса-

ковым в опере-балете «Млада» и в небольшой части «Садко». Выкрики-завывы мы встречаем и у Некрасова, и у А. Н. Островского, и у Бунина.

В. Ю. Розенцвейг
(Москва)

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

1. При семиотическом подходе к явлениям языковых контактов интерес представляет процесс сосуществования и взаимодействия в мозгу человека двух языковых систем, способы кодирования и декодирования речевых сообщений в условиях двуязычия.

2. Языковые контакты могут быть описаны синхронно и вместе с тем как динамический процесс, своеобразно протекающий в плане содержания, в плане выражения и в соотношении этих двух планов.

3. На начальном этапе становления двуязычия говорящий и слушающий устанавливают взаимнооднозначное соответствие между единицами всех уровней контактирующих языков. Построение такой произвольной системы назовем интерференцией.

4. Размеры и длительность интерференции зависят от того, происходит ли усвоение народного языка в процессе регулярного обучения или имеет место самообучение. В первом случае интерференция уступает несмешанному двуязычию, во втором она приводит к возникновению двуязычия смешанного.

5. На первой стадии несмешанного двуязычия происходит упрощение контактирующих языков: говорящий не употребляет единиц, не встречающихся в одном из языков. Систематическое изучение народного языка, введение в память правил трансформации, обеспечивающих переход от «общей части» двух языков, в пределах которой их единицы взаимнооднозначно соответствуют друг другу, к той части усвояемого языка, в которой находятся категории, свойственные лишь этому языку, приводит к «адекватному» двуязычию.

6. Смешанное двуязычие означает такое состояние языковых контактов, при котором создается единый план

содержания и два плана выражения, т. е. язык с двумя терминами (Л. В. Щерба). Переход от одного плана выражения к другому является перекодированием.

7. Особый вид двуязычия представляет собой креолизация, наличие языка с единым планом содержания (созданном, в основном, на основе системы родного языка) и единым планом выражения (построенном, в основном, на основе чужого языка).

8. Протекание контактов зависит от социальных условий и от пропускной способности каналов, связывающих носителей двух данных языков.

М. В. Софронов

(Москва)

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕКИТАЙСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ САНСКРИТА

1. Китайская транскрипция санскрита появилась одновременно с распространением буддизма в Китае. Полезно различать два вида транскрипций: транскрипции собственных имен, географических названий, философских, религиозных и прочих терминов и транскрипцию дхарани, к точности которой предъявлялись особенно высокие требования. Ценность китайско-санскритских транскрипций до Сюань Чжуана трудно оценить по достоинству, потому что нет уверенности в том, что в те времена транскрибировался именно санскрит, а не какой-либо из пракритов. После Сюань Чжуана переводы буддийских сочинений и, следовательно, транскрипции осуществлялись непосредственно с санскрита. Фонетика санскрита хорошо известна по описаниям индийских грамматиков, поэтому транскрипции Сюань Чжуана и других крупных буддийских деятелей Китая имеют большую ценность для реконструкции фонетики среднекитайского языка.

В докладе рассматриваются технические приемы среднекитайской транскрипции санскрита, разработанные школой Амогхаваджры и развитые более поздними деятелями китайского буддизма. В качестве материала были использованы транскрипции санскритских гимнов, сде-

лапные Дхармадевой (Фа Тянь) в течение первой четверти XI века.

2. Конечная цель любой транскрипции — это отображение множества фонем одного языка на множество фонем другого. Такое отображение осуществляется не непосредственно, а через графические символы. Поэтому транскрипция — это также и сравнение графических систем языков, принимающих участие в транскрипции. Так, при среднекитайской транскрипции санскрита возникла не только проблема отображения одного множества фонем на другое, но также и проблема внешнего выражения этого соответствия, вызванная принципиальным несхождением графических систем санскрита и китайского. Санскритская и китайская графика, будучи, в принципе, — как одна, так и другая — слоговой, по-разному трактуют слоги своих языков. Санскритская графика ставит графическое соответствие каждой фонеме, входящей в слог, между тем как китайская графика ставит специальное графическое соответствие всему слогу в целом, но не его отдельным частям. Это обстоятельство вызывает значительное увеличение китайских иероглифов, участвующих в транскрипции, потому что каждой новой комбинации одних и тех же фонем (графем) санскрита соответствуют разные китайские графические элементы. Эмпирические данные показывают, что отображение одного множества фонем на другое происходит таким образом, что фонема-прообраз и фонема-образ связываются не только артикуляторным или аудитивным сходством (хотя без такого рода сходства связь установить невозможно) но и стремлением установить как можно больше однозначных соответствий между элементами множества фонем, принимающих участие в транскрипции. Взаимно-однозначные соответствия между множествами фонем установить обычно не удается. Поэтому некоторые точки отображаемого и отображения неизбежно бывают связаны соотношением «один — много». Любая тщательная и систематическая транскрипция стремится к тому, чтобы число таких точек было бы минимальным.

3. При изучении проблем санскритско-китайских транскрипций следует иметь в виду, что эти два языка типологически значительно удалены друг от друга. Типологические отличия обнаруживаются на уровне фонем и, прежде всего, на уровне слога.

Количество согласных среднекитайского языка превышает количество согласных санскрита, поэтому часть среднекитайских согласных не принимает участия в транскрипции. При установлении соответствий между фонемами санскрита и среднекитайского действует принцип установления максимального возможного числа однозначных соответствий. При этом для установления однозначных соответствий бывает достаточно даже весьма малого артикуляторного сходства. Так, например, санскритские церебральные регулярно передаются через среднекитайские палатализованные; санскритскому *g* было поставлено в соответствие среднекитайское *ɟ*. Точками неоднозначного соответствия являются соответствия санскритским *b*, *m*, *d*, *n*. Фонологическая система санскрита с ее симметричным расположением глухих, звонких и придыхательных согласных типологически отличалась от среднекитайской системы XI века, где расположение указанных согласных не было симметричным. Поэтому согласные, которые артикуляторно подходили более всего — *p*, *p'*, *b'* и *t*, *t'*, *d'*, уже были заняты однозначным соответствием с санскритскими *p*, *ph*, *bh* и *t*, *th*, *dh*. Поэтому при транскрипциях устанавливалось неоднозначное соответствие между санскритским *b* и *m*, с одной стороны, и среднекитайским полуносовым *mb*, с другой. Поскольку среднекитайское *mb* не противопоставлялось ни чистому *m*, ни чистому *b*, которых не было в числе среднекитайских согласных, то, естественно, *mb* могло произноситься и как *m*, и как *b*, без изменения смысла высказывания. То же самое относительно отображения санскритских *n* и *d* на среднекитайский полуносовой *nd*. Кстати сказать, вероятно, существовали такие окружения, где среднекитайские полуносовые могли реализоваться как чистые сонанты или смычные, однако дополнительной дистрибуции между этими видами реализации, видимо, не было.

Типологически существенным отличием санскритского вокализма от среднекитайского является фонологическая долгота. Совершенно очевидно, что в среднекитайском гласные, произносимые под разными тонами, имели разную длительность, но сама по себе длительность не была релевантной для среднекитайского вокализма. Для передачи этой совершенно чуждой ему категории вводится специальный диакритический знак долготы. Однако Фа Тянь пользуется этим знаком более широко — с его

помощью он иногда указывает на необходимость более долгого произношения тех среднекитайских согласных, которые обычно произносились кратко, для того, чтобы сделать их более похожими на те или иные санскритские фонемы. Как и в случае консонантизма Фа Тянь стремится установить однозначные соответствия между гласными санскрита и среднекитайского, но здесь достигнуть этой цели намного трудней, ввиду указанной особенности китайской письменности. Выбор гласной зависел от предшествующей и последующей согласной. В связи с этим для гласных характерно частое соотношение «один—много», но при этом требование артикуляторной и аудитивной схожести по-прежнему выполняется главным образом благодаря тому, что среднекитайский вокализм был богаче санскритского. Большое количество неоднозначных соответствий при отображении гласных вызвано не несовершенством метода транскрипции, а несовершенством иероглифической письменности, которая вынуждала искать в среднекитайском не единичные соответствия отдельным гласным фонемам санскрита, а сразу такие пары и тройки, которые бы соответствовали парам и тройкам санскритских фонем. В связи с этим в некоторых случаях соответствия устанавливаются между санскритскими гласными фонемами и среднекитайскими вариантами фонем. Поскольку для этих целей чаще всего использовались тональные варианты фонем, в качестве технического средства для образования нужного варианта использовался либо подбор слога в соответствующем тоне, либо нужный слог сопровождался указанием на необходимость чтения не в основном этимологическом тоне, а в том, где появляется нужный вариант фонемы.

4. Структура среднекитайского слога типологически весьма удалена от санскритского. Различие прежде всего касается распределения согласных по слогу. Санскрит допускает стечение двух и более согласных в начале слога, между тем как среднекитайский этого не допускает. Санскрит и среднекитайский имеют ограничения на конечный согласный слога, но эти ограничения не совпадают. Это обстоятельство скорее является источником затруднения, чем облегчения транскрипции. Для преодоления трудностей, связанных с несходством структуры слога, был разработан ряд технических приемов.

а) Метод эр хэ, т. е. «два вместе»; согласно ему у пер-

вого из двух слогов, представленных иероглифами, которые объединены этой пометой, читается только начальный согласный, а второй читается полностью, — в результате получается транскрипция санскритского слога, с двумя согласными в начале. В случае сань хэ, т. е. «три вместе», передается чтение санскритского слога с тремя согласными вначале.

б) Транскрипция без разрыва. В связи с тем обстоятельством, что в санскритских текстах разрыв между словами отсутствовал, транскрипция санскритского слова целым числом китайских слогов была необязательна. В удобных случаях на стыках двух слов среднекитайский слог подбирался таким образом, чтобы его согласная часть передавала бы конечный согласный первого слова, а гласная часть — начальный гласный следующего. Иногда в подобных случаях прибегали также к эр хэ или сань хэ.

в) Транскрипция с удвоением. При транскрипции с удвоением санскритский открытый слог транскрибируется китайским закрытым слогом, но при этом обязательно условие, чтобы конечный согласный китайского слога совпадал с начальным согласным последующего санскритского слога. Этот способ важен потому, что позволяет судить о реальном произношении конечных гласных. Разработан статистический метод определения характера конечных согласных в слогах среднекитайского языка.

г) Метод фаньце и искусственные иероглифы. Фонемы санскрита и китайского отличались не только по количеству и качеству, но также и по дистрибуции. В тех случаях, когда бывает нужно передать санскритский слог, элементы которого присутствуют в среднекитайском, но дистрибутивно несовместимы в пределах слога, прибегают к методу фаньце. Этот метод состоит в том, что чтение неизвестного слога передают с помощью известного чтения двух других, из которых первый начинается на тот же начальный согласный, а второй имеет ту же вокалическую часть, что и искомый слог. После таких иероглифов ставится специальная помета: фаньце или шэньце. В некоторых случаях — как представляется, именно в тех, когда участвующие в фаньце иероглифы сравнительно компактны, — оба иероглифа связываются в один сложный, который служит обозначением санскритского слога, дистрибутивно невозможного в среднекитайском языке.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЙ
«АВТОМАТИЧЕСКОЙ ВЫВОДИМОСТИ»
И «ЗАВИСИМОГО ПРИЗНАКА»
ПРИ ОПИСАНИИ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

Если значение некоторого признака у каждого из объектов определенного рода может быть однозначно установлено по значениям других признаков этого объекта или по характеру его окружения (контекста), то обычно говорят, что значения этого признака «автоматически выводятся» из указанных данных (или «автоматически распределяются» в зависимости от указанных данных), а сам признак является «зависимым» (или «избыточным») для объектов данного рода. Например, говорят, что для представителей русской фонемы $|r|$ признак «звонкость—глухость» является зависимым (избыточным), поскольку его значения однозначно определяются контекстом (ср. *шар* и *смотр*). В приведенном определении формулировка «может быть однозначно установлено» есть не что иное, как неявный вариант формулировки «существует алгоритм однозначного установления». На практике под данное определение подводят лишь случаи, когда этот алгоритм прост. Однако такое ограничение отнюдь не вытекает из строгого смысла определения. Например, ничто в принципе не мешает нам считать, что у русских глаголов на -чь форма 1 л. ед. ч. наст. вр. «автоматически выводится» из исходной формы, поскольку возможен следующий алгоритм: заменить -чь на -жу, если исходная форма входит в список... (следует полный список глаголов с основой наст. вр. на -к); заменить -чь на -гу в прочих случаях.

Таким образом, «автоматическая выводимость» не есть абсолютное качество, могущее только наличествовать или отсутствовать; она допускает градацию, причем мерой выводимости является простота алгоритма выведения. Сама эта простота, однако, плохо поддается формальному измерению. Разработка критериев ее оценки составляет важную предпосылку экономного описания знаковых систем.

А. А. Зализняк

(Москва)

О ВОЗМОЖНОЙ СВЯЗИ
МЕЖДУ ОПЕРАЦИОННЫМИ ПОНЯТИЯМИ
СИНХРОННОГО ОПИСАНИЯ И ДИАХРОНИЕЙ

Строя синхронное описание лингвистической или иной знаковой системы, исследователь руководствуется только принципами адекватности объекту и максимальной простоты. Никакие диахронические соображения не участвуют в выборе типа описания. Тем не менее нередко оказывается, что операционные понятия и вспомогательные построения, используемые в оптимальном синхронном описании, в той или иной мере соответствуют понятиям и построениям, известным из истории данного языка. Например, условные единицы, обобщающие в синхронном описании ряды чередований, в большинстве случаев соответствуют фонологическим единицам предшествующих этапов развития языка. Другой пример: при строго синхронном описании русского словоизменения в некоторых случаях (например, в словоформе *стол*) удобно считать, что ударение падает на окончание, хотя окончание не содержит гласной. Таким образом, для удобства описания вводится операционное понятие «условного ударения». При специальном рассмотрении оказывается, что место условного ударения в большинстве случаев совпадает с местом ударения в соответствующей древнерусской словоформе эпохи до падения сверхкратких (ср. др.-рус. *стол-ѡ*). Случаи такого рода составляют особый тип «следов прошлого в настоящем»: прошлая реальность отражается в виде удобного средства описания настоящего.

II. ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА И ДЕШИФРОВКА

В. В. Шеворошкин
(Москва)

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕШИФРОВКИ БУКВЕННЫХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

1. При изучении структуры буквенного текста вскрываются некоторые очень простые закономерности, позволяющие чисто комбинаторным путем отделить гласные от согласных, выделить их подклассы, определить структуру слога, выделить лексические и грамматические морфемы и т. д. При этом выясняются также некоторые специфические особенности, касающиеся синхронии и диахронии алфавитных систем. Методика подобного рода исследований может быть использована при дешифровке.

2. Буквенные цепи представляют собой отражение — непосредственное или опосредствованное — звуковых цепей. Структура этих последних такова, что даже на основе небольших их участков (например, в несколько десятков знаков) удастся отделить гласные от согласных и выделить в одном из этих классов элементы, относящиеся к различным подклассам.

3. Отношение количества согласных к количеству гласных в звуковых цепях различных языков колеблется между 2 и 0,5. К первому полюсу относятся германские языки, ко второму — полинезийские, однако это не значит, что в названных языках отношение числа согласных к числу гласных равно 2 или, соответственно, 0,5. Оно лишь приближается к этим цифрам. Промежуточное положение занимают языки типа яванского или японского

с отношением $N_C : N_V \approx 1$. В большинстве языков это отношение значительно превышает единицу.

4. Гласные и согласные в звуковых цепях распределяются равномерно, так что значительные скопления однородных элементов — например, VVV (. . .) или CCC (. . .) — довольно редки. Что касается двучленных групп VV или CC , то их количество в звуковых цепях определяется вышеупомянутым соотношением, причем, если в одном и том же языке допустимы сочетания обоих типов, то один из них всегда оказывается преобладающим. Все это позволяет разработать несложную методику поляризации классов, основанную на поляризации столбцов трехчленных сочетаний, знаков фонетической транскрипции (эти столбцы строятся по принципу идентичности центрального члена). Действительно, если в идеальном языке с $N_C : N_V = 1$ и со строго равномерным следованием гласных и согласных возможны лишь трехчленные сочетания со структурой CVC и VCV , то в реальных языках близких этому типу, сочетания типа CCV , VCC , VVC и CVV в количественном отношении настолько незначительны, что несколько не препятствуют поляризации столбцов по схеме $CVC : VCV$; что же касается тех языков, в которых соотношение $N_C : N_V$ в очень значительной степени отличается от единицы, то часто встречающиеся трехчленные сочетания элементов звуковых цепей противопоставляются в них следующим образом: $CVC : VCV$, CCV , VVC либо $VCV : CVC$, VVC , CVV , что также позволяет противопоставить столбцы с центральным V столбцам с центральным C и, следовательно, отделить гласные от согласных.

5. На основе текста в фонетической записи нетрудно выявить подклассы, — например, в языке, допускающем сочетания согласных, можно определить подклассы элементов, входящих в класс согласных. Какие бы сочетания согласных ни допускались языком в пределах фонетического слога, всегда преобладают сочетания, которые могут быть свернуты в схему $STR - V - RST$, где в подкласс S могут входить звуки s, z, f и т. д., в подкласс T — t, d, p, b, k, g и т. д., в подкласс R — r, l, v и т. д. (причем возможно варьирование даже в пределах одного и того же языка: например, $V = S$ и R в русском). В развернутом виде эта схема имеет следующий вид: $ST -$, $TR -$, $SR -$, $STR -$;

— *RS*, — *ST*, — *RT*, — *RST*, причем язык может допускать либо все эти типы сочетаний либо только некоторые из них: в этом последнем случае иногда бывает целесообразнее придать схеме более сжатый вид, введя обозначение *C*.

6. Выделение классов в вышеуказанном смысле возможно и на основе буквенных текстов. Выделение подклассов на основе небольшого буквенного текста может оказаться затрудненным, в том случае, если в письменности не фиксируются редуцированные гласные и отсутствуют специальные обозначения для слоговых согласных (если таковые имеются). Однако текст в несколько тысяч знаков позволяет и в этом случае выявить истинное положение вещей.

7. В результате поляризации трехчленных сочетаний оказывается возможным выделение гласных и согласных в недешифрованном карийском языке. Карийская письменность является чисто буквенной (не смешанной), причем в целом карийские буквы, сходные по начертанию с греческими, лидийскими и ликийскими согласными, оказываются согласными, а карийские буквы, сходные по начертанию с греческими, лидийскими и ликийскими гласными, оказываются гласными. Отсюда следует вывод, что карийское письмо в целом соответствует греческому не только в отношении формы знаков, но и в отношении их звукового содержания. На основе сопоставления частотности карийских букв с частотностью греческих букв в карийских именах, сохранившихся в греческой передаче, а также на основе данных Цицфа и его последователей (имеется в виду абсолютная и относительная частотность букв в текстах на разных языках) удастся идентифицировать отдельные карийские буквы. При этом определяется состав локальных карийских алфавитов, по своему происхождению и структуре сходных с алфавитами соседних малоазиатских языков — лидийского и ликийского.

8. Выводы, полученные на основе изучения малоазиатских алфавитов, сходны с теми выводами, которые можно получить, изучая развитие и структуру языковых элементов, в частности эволюцию и структуру фонологических систем. Так, в структуре отдельных знаков выделяется примета, отличающая их от других знаков (например, кар. *m* отличается от кар. *s* наличием

штриха под знаком μ), причем в системах письма маркированными могут быть и более употребительные знаки, чем немаркированные (в случаях, когда более употребительный знак приобретает форму менее употребительного).

9. Существует знаковая полисемия и знаковая синонимия, знаковая омонимия и знаковое варьирование. В результате сравнения знаков, находящихся в отношениях варьирования, выявляются несущественные характеристики знаков (например, левая или правая направленность карийских букв, что имеет большое значение при дешифровке). В двух данных надписях могут иметься знаки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции. Иногда это отношение может рассматриваться как один из случаев варьирования, но оно может свидетельствовать и о диалектальных различиях.

10. Алфавитные знаки могут быть рассмотрены с точки зрения их мотивированности или немотивированности в истории соответствующего алфавита. Мотивированными могут быть названы те знаки, которые соответствуют знакам исходного алфавита как по начертанию, так и по звуковому содержанию (такие отношения существуют, например, между большинством букв ликийского, лидийского и карийского алфавитов и соответствующими буквами греческого алфавита). В конечном итоге мотивированными являются и те знаки, которые произошли из рисунков-символов. Особо можно говорить о мотивированности моделей (стилизация). Немотивированными могут быть названы заимствованные знаки, не связанные с исходными по звуковому содержанию. В малоазийских алфавитах это, как правило, знаки, передающие специфические звуки. Вновь изобретенные знаки могут быть немотивированными в тех случаях, когда алфавит предназначается для тайнописи.

Естественно, что при изобретении письменности обычно опираются на какую-нибудь из уже существующих систем (как в плане начертания, так и в плане звукового содержания знаков): это экономичнее. Поэтому, например, предположение, что карийские буквы, кроме начертания, ничего общего не имеют с греческими буквами (такое предположение высказывалось некоторыми учеными в связи с неудачными попытками дешифровки карийских текстов) уже а priori должно казаться сомнительным. С другой стороны, попытки формального сопостав-

ления с греческими буквами букв сидетского письма нельзя признать доказательными по той же причине: между звуковыми значениями сидетских букв, отдаленно напоминающих греческие, и звуковыми значениями этих последних нет ничего общего.

Б. В. Сухотин

(Москва)

ОБЩАЯ ЗАДАЧА ДЕШИФРОВКИ.
АЛГОРИТМ УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗИ СЛОВ
В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Общая задача дешифровки заключается в отношении способа перевода данного сообщения на другой язык, например на русский, или на язык изображений, или на язык предметов и явлений действительности.

Возможность такого отыскания такого способа основывается на том, что в строении всех языков имеется существенная общность. Мало того, мы только постольку можем считать один текст переводом другого, поскольку строение элементов языка одного текста и взаимосвязь этих элементов повторяют строение и взаимосвязь элементов другого текста.

Поэтому есть надежда найти универсальные законы строения языков. Самые простые и важные из этих законов составляют универсальную грамматику.

Зная универсальную грамматику, мы можем анализировать тексты на любом языке, не раскрывая, правда, смысла этих текстов; зная же все универсальные законы, мы можем проникнуть и в их содержание.

Таким образом, общая задача дешифровки совпадает с задачей обнаружения универсальных законов языка и, в первую очередь, универсальной грамматики.

Под правилом универсальной грамматики мы понимаем алгоритм, точную и общепонятную инструкцию, позволяющую обнаружить данное грамматическое явление в любом тексте на любом языке.

Общепонятность этих инструкций объясняется тем, что в их основе лежат некоторые простые операции, выпол-

няемые одинаково всеми исполнителями. Простота этих операций обусловлена тем, что они используют предельные различающие способности органов чувств, имеют дело с микрособытиями, т. е. такими событиями, в которых данные органы чувств более ничего не различают.

В математике алгоритмы, сведенные к некоторым простым операциям, называются нормальными алгоритмами. По-видимому, все математические алгоритмы можно сделать нормальными алгоритмами. Для универсальной грамматики понятие нормального алгоритма не достаточно специализировано, т. е. некоторый нормальный или нормализуемый (приводимый к нормальному) алгоритм обнаружения некоторого грамматического явления может быть неудовлетворительным.

Ниже мы определим понятие нормального лингвистического алгоритма, исходя из определения нормального алгоритма. Ограничение будет наложено на информацию, перерабатываемую алгоритмом.

1. Все нормальные лингвистические алгоритмы являются алгоритмами с математической точки зрения (суть нормализуемые алгоритмы).

2. Нормализуемый алгоритм является нормальным лингвистическим алгоритмом, если он использует только следующую информацию о тексте: дано, где расположена любая черная точка и где белая (предполагается, что текст написан черным по белому). Размеры точки определяются предельной разрешающей способностью устройства (например, глаза).

3. Нормализуемый алгоритм является нормальным лингвистическим алгоритмом, если он использует результаты работы другого нормального лингвистического алгоритма.

Таким образом, нормальные лингвистические алгоритмы помимо самого текста могут, в конечном счете, использовать только возможность отличия черного от белого.

Последовательность все более сложных нормальных лингвистических алгоритмов примерно такая: алгоритм выделения букв (этот алгоритм можно построить на основе того, что буквы суть в некотором смысле устойчивые сочетания черных точек); алгоритмы классификации букв (например, на гласные и согласные и т. д.); алгоритм выделения морфем; алгоритмы классификации

морфем; алгоритм выделения слов; алгоритм классификации слов; алгоритмы выделения предложений; алгоритмы установления связей слов внутри предложения. В этом перечне опущены очень многие возможные алгоритмы.

Однако в практической деятельности по созданию алгоритмов нет необходимости придерживаться некоторой строгой последовательности. Нужно только принимать в качестве известного минимальное количество сведений, причем таких, для получения которых не слишком трудно составить нормальные лингвистические алгоритмы.

Лингвистические алгоритмы, которые можно сделать нормальными, называются нормализуемыми лингвистическими алгоритмами.

В настоящее время нами разработаны следующие алгоритмы:

Группа 1. Алгоритмы выделения единиц.

- а. Алгоритм выделения морфем.
- б. Алгоритм выделения слогов.
- в. Алгоритм выделения предложений.

Для работы 1а и 1б нужно знать буквы (предполагается установленным, что письменность буквенная и найдены сами буквы); для работы 1в нужно знать классы слов, т. е. отличать, что данное слово принадлежит к классу x , а не классу y , но не нужно знать, что x есть, скажем, существительные.

Группа 2. Алгоритмы выделения классов.

аа.)	} Алгоритмы выделения классов букв (гласные — согласные).
аб.)	
ав.)	
б.	Алгоритм выделения классов морфем.
в.	Алгоритм выделения классов слов.
г.	Алгоритм нахождения максимального числа классов.

Для работы 2аа, 2аб, 2ав нужно знать то же, что и для 1а и 1б; для работы 2б нужно уметь отличить одну морфему от другой; для работы 2в нужно различать слова, как для работы 2г — единицы соответствующего уровня.

Группа 3. Алгоритмы установления связей.

- а. Алгоритм установления связей слов в предложении.

Для работы этого алгоритма нужно знать то же, что и для 1в плюс границы предложений.

Этот перечень создает картину известной полноты охвата грамматики, но нужно учитывать, что качество этих алгоритмов, т. е. точность определения соответствующих явлений не определена для большинства из них. Проверка алгоритмов может быть осуществлена только в экспериментах на вычислительных машинах, поскольку они требуют весьма громоздких вычислений. Экспериментальная проверка 2аа и 2аб дала весьма удовлетворительные результаты. Готовятся новые эксперименты.

Ниже, в самых общих чертах, мы изложим алгоритм 3 в качестве примера.

Текст на некотором языке кодируется номерами классов слов. С помощью несложных подсчетов определяется условная вероятность появления в предложении символа y , если появился символ x . Затем для пар $xу$ и yx вычисляется средняя из соответствующих условных вероятностей (взаимная прогнозируемость).

Для каждого предложения строится граф, где стрелками соединены все вершины. Вершины озаглавлены символами слов, входящих в предложение. Каждой стрелке ставится в соответствие взаимная прогнозируемость связанных ею вершин. Из этого графа выбрасываются стрелки, начиная с той, которой соответствует наименьшая взаимная прогнозируемость. Выбрасывание продолжается до тех пор, пока граф остается связным.

В этом графе средняя из всех взаимных прогнозируемостей максимальна, поэтому мы называем его максимально устойчивым. Мы предполагаем, что стрелки такого графа дают хорошее приближение к связям слов в соответствующих предложениях.

III. НЕЯЗЫКОВЫЕ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

---

*З. М. Волоцкая, Т. М. Николаева,
Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян*

(Москва)

ЖЕСТОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ СИСТЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

1. Нерасчлененный поток человеческого поведения характеризуется многомерностью как в отношении манифестаций поведения, так и в отношении его функций. Любой акт человеческого поведения передает некоторую информацию, так как он может быть воспринят другими членами общества. В этом смысле все поведение можно считать информативным. Мы будем называть поведение коммуникативным в том случае, если субъект поведения вкладывает в свои действия намерение передать некоторую информацию.

Различение информативного и коммуникативного поведения равнозначно различению сигнала как материального носителя информации и знака как элемента системы, выделяемой в процессе коммуникации.

2. Предполагается, что не все поведение коммуникативно. В частности, можно указать на трудовое и биологическое поведение, которые не содержат обязательного намерения передать информацию. Человеческая речь является частью поведения, выполняющей сугубо коммуникативные функции. Предполагается, что все коммуникативное поведение является структурно организованным. Для языка такое утверждение равносильно различению речи и языка, или, в других терминах, сообщения

и кода, и является общепризнанным. Для того чтобы коммуникация была возможной, любое коммуникативное поведение должно быть устроено подобным образом.

3. Звуковая и письменная речь — это поток сообщений, построенных по правилам кодов, устроенных одинаковым образом, но различных по физической субстанции элементов.

В первом случае мы имеем дело с акустическим, а во втором — с оптическим вариантами одного и того же кода. Известно, что наряду с речью существуют и другие типы коммуникативного поведения, использующие для кодирования сообщений коды, отличные от естественного языка как по субстанции, так и по правилам соотношения элементов кода с элементами сообщения.

К коммуникативному поведению, используемому неязыковые коды, относится кинетическая (двигательная) активность человека (оптический код), пластические искусства (оптический код), музыка (акустический код), тактильная коммуникация (осязательный код) и т. д. Интересующая нас двигательная коммуникация отличается от так называемой пластической коммуникации (живопись, скульптура) тем, что элементы сообщения, кодируемые кинетическим кодом, развертываются во времени.

4. Изучение двигательной коммуникации основывается на следующих предпосылках. Предполагается, что есть способ, позволяющий выделять специфически коммуникативные элементы двигательной активности. Возникает вопрос, нельзя ли при анализе кинетической коммуникации идти путем формального дескриптивного описания, подобно тому как это может быть проделано для языка. По-видимому, на современной стадии решения вопроса придется дать отрицательный ответ. Дело в том, что в случае речи расщепление речевого континуума на дискретные элементы на «этическом» уровне и последующее выделение семиотически релевантных единиц на «эмическом» уровне может быть проведено строго формально, поскольку а priori известны субстанциональные характеристики человеческой речи и, в частности, предполагается, что вся «продукция» речевого аппарата семиотически релевантна.

По-иному обстоит дело с двигательной коммуникацией. Коммуникативная функция не является единственной функцией двигательной активности человека, ей присущи также биологические и трудовые функции.

5. Поэтому предлагается начать анализ двигательной коммуникации с высшего уровня, а именно с уровня прагматики, поскольку, опираясь на знание функций движений, мы сможем приступить к выделению в континууме двигательной активности специфически коммуникативного уровня. Для этой цели избирается наиболее общая схема функций коммуникации, предложенная Р. О. Якобсоном¹ (фатическая, конативная, металингвистическая, экспрессивная, референционная, поэтическая). Определение функций движений происходит непосредственно в общем континууме коммуникации. Выше (пункт 1) указывалось, что поведение многомерно. Это относится и к коммуникативному поведению. Оно может быть устроено так, что посылающий одновременно (в силу многомерности коммуникативного аппарата) может передавать как одно, так и несколько сообщений, кодируя это (или эти) сообщения либо одним, либо несколькими кодами.

В дальнейшем мы будем говорить о смешанной и однородной коммуникации в зависимости от того, представляет ли поток коммуникации набор сообщений, кодируемых разными кодами или одним кодом. В качестве примера смешанной коммуникации можно привести речь, сопровождаемую диапозитивами, иллюстрациями, жестами, музыкой и т. д., цветомузыку, балет, музыкальное программное произведение, оперу и т. д. Однородная коммуникация — это пантомима без сопровождения, речь без сопровождения, музыкальное непрограммное произведение и т. д.

6. Определение того, какую коммуникативную функцию выполняет движение, — задача весьма сложная. Она может быть облегчена, если будет учитываться характер ситуации общения. Предлагаемое деление ситуаций общения является в большой мере предварительным.

- 1) Общение при явном наличии адресата.
- 2) Общение при явном отсутствии адресата.

Интересующий нас первый случай можно подразделить на следующие подтипы:

- а) диалог;
- б) массовая коммуникация.

---

¹ R. Jakobson. Linguistics and Poetics.— In «Style in Language», Symposium, ed. T. Sebeok. N. Y., 1960.

В диалоге может встречаться как смешанная, так и однородная коммуникация, в частности и двигательная коммуникация.

При смешанной коммуникации наиболее распространенным случаем смешения кодов является смешение языкового и кинетического кодов.

7. При нормальном незатрудненном общении речь выполняет референционную функцию коммуникации, в то время как кинетическая коммуникация играет чрезвычайно важную роль в осуществлении фатической, конативной и экспрессивной функции. Если на экспрессивную функцию в некоторых социальных коллективах накладываются ограничения, связанные с этикетом (что вводит в коммуникацию поэтическую функцию), то фатические и конативные жесты присутствуют при любом акте смешанной коммуникации. При этом фатические жесты (скандирование рукой) выполняют функцию установления дополнительного (оптического) канала связи. Как правило, фатические жесты производятся (во всяком случае в ряде европейских языков) параллельно с речевыми сегментами, несущими словесное или фразовое ударение, и могут, таким образом, быть соотнесены с такими суперсегментными элементами, как ударение или интонация.

По-видимому, при обычном диалоге семантика жестов, имеющих фатическую и конативную функцию, может быть сравнима с так называемым грамматикализованным значением и имеет весьма обобщенный характер. Характерно, что в обычном диалоге главное бремя фатической и конативной функции возлагается на кинетическую коммуникацию, что позволяет за один и тот же отрезок времени передать большую информацию, ввиду большей лаконичности жестов по сравнению с речевыми элементами, которые могли бы употребляться в этих функциях.

8. Фатические и конативные жесты, сопровождающие диалог, по-видимому, однотипны для более или менее однородных социальных групп (в некоторых группах, где не налагается ограничений на экспрессивные жесты, эти жесты столь же однотипны), поэтому их легко выделить из общего континуума двигательной активности (ср. для некоторых современных европейских обществ указание на предмет (конативность), всплескивание руками (экспрессивность), скандирование рукой). Несмотря на

это, трудно говорить о синтаксисе или грамматике этих жестов. Последовательность подобных жестов скорее накладывается на речевое высказывание подобно языковым суперсегментным элементам, и синтаксис жестов в этом случае может быть очерчен лишь в самых общих рамках, подобно синтаксису интоном (ср. обязательное повышение тона в конце так называемого «общего вопроса» в английском языке).

9. При затруднении (или невозможности) речевой коммуникации (шум в капале связи, незнание языкового кода, расстройство типа афазии) кинетическая коммуникация, становясь в крайних случаях однородной, приобретает референтную и металингвистическую функцию. Последняя особенно ярко выступает в случае затрудненной коммуникации на иностранном языке. В силу того что возможности затруднения коммуникации могут быть самыми разнообразными, однотипность жестов здесь, по-видимому, меньшая, чем при обычном диалоге. Здесь представляется целесообразным поставить вопрос о становлении системы коммуникации. При более или менее регулярном повторении идентичной ситуации затрудненного общения в одной социальной группе (общение группы иностранцев с замкнутой группой местных жителей при взаимном незнании языка) определенные группы жестов могут приобретать постоянную соотносительность с объектами реального мира, т. е. выступать в определенном зафиксированном значении.

В целом динамику развития подобных коммуникативных образований можно представить следующим образом — от совокупности знаков, по своей семантике сходных с пиктограммами, т. е. обладающих комплексным значением и, следовательно, имеющих тенденцию к омонимичности, до систем, сходных по своему строению с естественным языком (в случае полной невозможности или запрета употребления естественного языка, ср. межплеменные языки жестов североамериканских индейцев, системы жестовой коммуникации, используемые глухонемыми, языки жестов монашеских орденов средневековой Европы). Семантика знаков, образующих лингвообразные системы коммуникации, ближе к семантике слов естественного языка, хотя, по-видимому, знак в кинетической системе коммуникации дольше может сохранять мотивированность.

Синтактика жестов развивается от правил комбинации, подобных правилам простейших логических исчислений, до более сложных систем, напоминающих строение идеографического алфавита (наличие детерминантов). Эти системы существенным образом отличаются от системы языка, в частности, тем, что в них отсутствует сложная иерархизация единиц разных уровней (ср. фонологический, морфологический и синтаксический уровни языка). В этом смысле грамматика языка жестов может быть представлена (в терминах системы языка) в виде правил синтаксиса. В кинетических системах коммуникации не может быть морфологии в ее общепринятом понимании, ибо морфемы как метаединицы — это абстракции самого высшего порядка. По-видимому, отчасти аналогами грамматических средств выражения могут выступать фатические и конативные жесты, при этом их «грамматическое значение» может быть расширено и за пределы элементарных значений конативности и эмфатичности. С другой стороны, и референционные жесты могут выступать одновременно как конативные и фатические. Подобное склеивание функций жестов может быть использовано для выражения грамматического значения (т. е. придания первоначальному референционному значению дополнительного смысла). Это явление наряду с порядком расположения знаков в высказывании является, по-видимому, единственным грамматическим средством выражения.

10. Представляется целесообразным ввести дополнительное подразделение ситуаций общения, образующих массовую коммуникацию. Предлагаемое деление весьма условно и основывается на функции того или иного вида массовой коммуникации, независимо от технических средств, используемых при общении.

Мы выделяем публичные лекции, публичные выступления и публичные представления. Промежуточной стадией между публичным выступлением и публичным представлением являются публичные церемонии.

11. Публичная лекция представляет собой редуцированный вариант обычного диалога. Соответственно, так же как и в диалоге, при публичной лекции налагаются ограничения на экспрессивные жесты. Фатические жесты представлены не столь широко, как в диалоге, вследствие ограничений, налагаемых так называемыми правилами

лекторской культуры; хотя в случае несоблюдения этих правил фатические жесты могут употребляться даже чаще, чем в диалоге. С другой стороны, вследствие того, что на лекциях может сообщаться новая информация и могут демонстрироваться новые объекты, референционные и конативные жесты используются весьма часто. Последние по своему характеру соответствуют столь часто встречающимся в научной литературе сокращенным императивам типа «см.» и «ср.», а также императивам I лица типа «возьмем», «предположим» и т. д.

Референционные жесты в принципе, так же как и в случае диалога, встречаются в ситуации затрудненного общения. Однако, поскольку трудно предположить в качестве причин, мешающих коммуникации, взаимное незнание кода, афазию или шум в канале связи, остается одна причина — незнание сообщения или его референта. В этом случае референционные жесты можно рассматривать как аналог вводных конструкций в речи или, в терминах другого кода, как аналог иллюстраций в тексте.

Соответственно, трудно говорить о грамматике подобных жестов. Их синтаксис зависит не от структуры самих жестов, а от структуры текста, который они сопровождают.

12. По своей прагматической функции публичное выступление отличается от публичной лекции. Цель лекции — передача информации, в то время как цель выступления — передача стратегии поведения. В связи с этим возникает необходимость дополнительного воздействия, налагаемого на передаваемую информацию. Это воздействие использует все стороны коммуникации, за исключением, пожалуй, обращения к коду. Поэтому в публичных выступлениях, которые представляют собой типичный случай смешанной языково-кинетической коммуникации, роль кинетической коммуникации как средства дополнительного воздействия при передаче стратегии поведения чрезвычайно велика (добавим в скобках, что на языково-кинетическую коммуникацию могут одновременно накладываться и другие виды коммуникации, кодируемые акустическим кодом — музыка, массовая рецитация, оптическим кодом — различные пластически-живописные аксессуары и т. д.).

Здесь большую роль играют жесты, относящиеся ко всем функциям коммуникации. Ограничения на экспрессивные жесты снимаются, и они, наряду с фатическими

и конативными жестами, выполняют роль не только суперсегментного сопровождения, но и производную от него роль своеобразного музыкального аккомпанемента (ср. зависимость музыкального строя от речевой интонации). При этом информация, передаваемая этим кинетическим аккомпанементом, по своей величине может быть сравнима с информацией, передаваемой речью (ср. уникальные случаи понимания стратегии поведения при речи на неизвестном слушателям языке). Правда, в этом случае референтные жесты до некоторой степени позволяют понять сообщение. Отметим, что жесты, применяемые в публичных выступлениях, могут составлять системообразные совокупности. Это, в частности, имеет место в разного рода правилах ораторского искусства. Синтаксис подобных ораторских жестов может быть сравним с построением музыкального произведения, а не с построением звуковой речи в том смысле, что здесь семиотически релевантны более крупные единицы континуума.

13. Хотя для публичных выступлений и существует определенная система правил употребления некоторых жестов, однако форма самих жестов является довольно свободной. Иное дело в публичных церемониях. В отличие от других видов индивидуальной и массовой коммуникации публичные церемонии (почетный караул, церковные служения, сложные формы этикета и т. д.) включают небольшое и жестким образом ограниченное число ситуаций поведения. Если сообщение, передаваемое в диалоге или лекции, каждый раз является новым, то сообщение, передаваемое при той или иной церемонии, — всякий раз одно и то же. С этим связано то, что жесты, употребляющиеся в одной и той же церемонии, каждый раз совершенно однотипны. Форма этих жестов, равно как и их значение, строго предписаны и не могут свободно варьироваться. В каждой церемонии существует своя, заранее заданная система жестов и синтаксис, предписывающий порядок употребления жестов. Подобные системы удобно сравнить с системами типа логического языка, причем это сравнение в данном случае будет более точным, чем для случая лингвообразных систем кинетической коммуникации, ибо в последних, как это уже было отмечено выше, значение знака комплексно, а в системах церемониальных жестов значение каждого жеста однозначно и задается извне.

Публичные церемонии могут быть как смешанными, так и однородными в коммуникативном смысле. В церемониях смешанного типа жесты могут являться аналогами языковых фраз или даже целых высказываний. Здесь жест может выполнять несколько коммуникативных функций, например жест воздевания рук к небу во время богослужения может рассматриваться как конативно-референционно-экспрессивно-поэтический жест. Синтаксис подобного рода жестов может быть приравнен к правилам цитирования. Смешанный «текст» церемонии представляет собой куски языкового текста, перемежающиеся кинетическими цитатами из текста, как бы написанного на другом языке. В этом смысле такой текст отличается от текста лекции, снабженной жестами-иллюстрациями, тем, что кинетические цитаты; являются структурными частями того же текста, они «грамматически» неотделимы от текста церемонии.

Затрудненная коммуникация с обильным использованием жестов также отличается от церемонии. В первом случае жест является как бы глоссой, переводом уже сказанного, а во втором он почти всегда сообщает дополнительную информацию.

Коммуникационно однородные публичные церемонии могут рассматриваться как частная разновидность смешанных. Здесь языковые куски текста как бы изымаются, и сообщение передается одними жестами. Синтаксис подобных жестовых высказываний весьма строг, нарушение последовательности жестов может существенно изменить смысл «фразы» (ср. в военном церемониале порядок салютования: сначала стойка «смирно», а затем отдача чести рукой. Обратный порядок, в случае его гипотетического осуществления, означал бы не почтение, а пренебрежение). В однородных системах церемониала подобный строгий порядок следования знаков важен, ибо он служит для раскрытия смысла кинетического акта.

14. Публичные представления — это совершенно особая форма массовой коммуникации, включающая в себя различные искусства: театр, кино, балет, пантомиму и т. д. В публичных представлениях смешение кодов наиболее разнообразно.

Поскольку в публичных представлениях основной функцией является передача эстетического чувства,

рассмотрим различные манифестации поэтической функции жестов в сфере искусства.

В различных школах драматического театра жестам отводится неодинаковая роль в передаче эстетического сообщения. На одном полюсе находится классический японский театр (Но, Кабуки), где жесты являются равноправной с речью частью системы выразительных средств. Система возможных жестов строго определена, и каждый жест имеет раз и навсегда установленное значение и форму. Поэтическая функция заключается в идеальном воспроизведении формы жестов; эстетическая значимость подобного воспроизведения состоит в том, что зрители снова переживают ситуации, место которых в эстетическом пространстве уже известно.

На другом полюсе находится европейский реалистический театр, где подавляющая часть эстетического общения возложена на слово. В этих рамках по-другому выглядит и поэтическая функция жестов. Отвергается какая бы то ни была канонизация жеста, закрепление за определенным жестом определенного значения. Жесты выступают не в замкнутой системе, а как часть естественного сценического поведения. Поэтому эстетическая ценность жеста не в его воспроизведении, а в его создании *ad hoc*. Поэтическая функция жеста в театре подобного рода не в совершенстве формы жеста как части системы, а в спонтанном творении жеста, что находится в соответствии с установками на естественное переживание. Сказанное о двух подходах к жестам как эстетическому средству в равной степени относится и к музыкальному театру, особенно к китайской классической опере, с той, однако, оговоркой, что в классической опере европейского типа свобода создания сценического жеста как части сценического поведения более ограничена, чем в драматическом театре. Это связано с большей условностью поведения в опере, а также с тем, что значительная часть общения со зрителем осуществляется посредством музыки. Это налагает специфические требования на пластику актера оперы, что приводит к появлению так называемых оперных жестов, образующих более или менее постоянную систему.

15. Наиболее полно поэтическая функция человеческих движений представлена в искусстве танца. В танце жесты образуют замкнутую систему и являются основным средством эстетического воздействия. Каждый танец харак-

теризуется своим набором жестов, следующих друг за другом в определенной последовательности. Поэтическая функция движений в танце накладывается на другие коммуникативные функции. В этом смысле объем значений жеста в танце шире, чем в музыкально-драматическом театре. Различие между школами танца заключается в том, какие функции, кроме поэтической, может выполнять танец. В некоторых видах классического индийского танца семиотически релевантны очень мелкие отрезки континуума движений, при этом каждый такой элемент соотносится с определенным, часто весьма конкретным референтом (жесты обозначают предметы, чувства, действия). Таким образом, танец выполняет референционную функцию и может передавать содержание литературных произведений. Конативная и экспрессивная функция в таком танце отсутствуют (если считать получателем сообщения зрителя).

С другой стороны, в классическом европейском балете семиотически релевантны весьма крупные отрезки танца; они соотносятся с более абстрактными референтами и в целом танец в балете обозначает лишь самую общую схему чувств, которая конкретизируется наличием костюмов, декораций и т. д. Современные школы абстрактного танца мало чем отличаются от европейского балета по принципам семиотического деления потока движений. Отличие заключается в том, что в подобном танце чистое движение несет на себе большую смысловую нагрузку, чем в балете, в связи с изменением характера сценических аксессуаров (отсутствие декораций, характеристики, изменение костюмов). В целом современный балет отказывается от соотношения танца с конкретными предметно-действенными референтами.

16. Современное искусство пантомимы налагает на жест наибольшую эстетическую нагрузку. В ряде школ столь мощное средство эстетического воздействия, как музыка, либо вообще исключается из арсенала выразительных средств пантомимы, либо ей отводится явно подчиненная роль по сравнению с жестом. Поэтому жестам приходится выполнять весь сложный комплекс функций коммуникации. В зависимости от того, какой фрагмент действительности подвергается эстетическому преобразованию средствами пантомимы, референтом жеста может быть либо конкретный предмет или действие, либо

абстрактное понятие или качество. В первом случае жест служит для воссоздания пространственной формы предмета (очерчивание рамы кукольного театра в пантомиме театра Ж. Л. Барро «Кукольник») или для показа действий в их «реальном» виде, что заставляет зрителя «подставлять» предметы в известную схему действий. Наконец, жест может опосредствованно характеризовать качество референта («ветер» М. Марсо). Во всех этих случаях весьма важной с эстетической точки зрения является проблема «семантического ключа». Дело в том, что простой показ последовательности физических действий, даже если актер имеет целевую установку на переживание в рамках некоторой, известной ему поэтической модели, лежащей за этими действиями, еще не может сообщить зрителю адекватного эстетического чувства. Для того чтобы сделать пантомиму не только понятной зрителю, а это само по себе достаточно трудно, но и ввести в свои действия поэтическую функцию, актер должен найти среди ряда жестов один или несколько по своей форме отличных от других, которые бы давали ключ к постижению скрытого эстетического смысла всей пантомимы. Разумеется, каждый раз нахождение такого жеста есть творческий акт. Интересно, что в процессе обучения пантомиме учащиеся сознают необходимость найти этот «семантический ключ», и первый шаг к его созданию — это подчеркивание некоторых обыкновенных жестов, стремление найти внешнюю подпорку, с помощью которой удалось бы вскрыть смысл этюда.

В пантомиме изобразительно-переживательного плана (а это объединение не случайно, ибо оно подчеркивает общность референции, — пантомима есть поэтическое воспроизведение обычных человеческих движений) проблема «жеста-ключа» как средства поэтического преобразования мира представляется основной.

17. Сходные проблемы возникали в период развития немого кино, когда жест и мимика также служили основным средством эстетического воздействия. Наиболее выдающиеся мастера кино этого периода (Чаплин, Эйзенштейн, Довженко) понимали необходимость такого выбора выразительных средств, связанных с человеческими движениями, который бы позволял добиться моментального эстетического «озарения» («усиления» в терминах А. К. Жолковского). Подобный эффект достигался различ-

ными средствами: композиция кадра (ср. индейские профили из незаконченного фильма «Que Viva Mexico!» С. М. Эйзенштейна), условные позы, жесты, аксессуары (Чап-лин). Подчеркнутая, реалистическая (в смысле соответствия обычным действиям в их последовательности) жестикуляция большинства немых фильмов не являлась фактом искусства, так же как и бессловесное натуралистическое копирование обычных действий в некоторых школах пантомимы.

18. Весьма сложен вопрос о передаче средствами пантомимы абстрактных понятий и качеств. По-видимому, здесь необходимо признать ограниченность моделирующей способности этого вида искусства. Разумеется, можно создать словарь жестов, которым бы соответствовали абстрактные понятия, типа любовь, гнев, мысль, свобода и т. д., но в таком случае трудность перенеслась бы в сферу синтаксиса. Жесты — единицы словаря — нельзя отождествить со словами человеческого языка, так как единственным средством образования более сложных единиц является соположение жестов в последовательности. Следовательно, возможности такого жестового языка создать эстетические ценности были бы весьма ограничены. Этим, в частности, можно объяснить трудности, возникающие при попытке переложения на язык пантомимы литературных произведений, в которых большое место занимают монологи, авторские отступления и т. п. По-видимому, для того чтобы адекватно передать сложные человеческие чувства и представления, пантомима должна найти свой специфический способ соотношения жеста и мира, способ, который бы не прибегал к посредничеству языка. В этом смысле интересны поиски некоторых школ хореографии (миниатюры К. Голейзовского, польский театр пантомимы), которые отказываются от эстетического воспроизведения обычных человеческих движений. В пантомиме этого направления жест не соотносится с конкретными объектами или качествами, а является частью композиции, которая по своему строению напоминает музыкальное произведение. Соответственно, так же как в музыке, здесь можно выделить лишь самые общие правила, по которым последовательность жестов связывается с определенными эмоциями или настроениями.

РЕГУЛИРОВАНИЕ УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ
КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

С методологической точки зрения большой интерес для семиотики имеет анализ наиболее простых знаковых систем, поскольку здесь легче всего выявить некоторые общие закономерности строения знаковых систем. Типичным представителем таких систем является система дорожной сигнализации, упоминаемая в качестве примера едва ли не в любой работе по семиотике.

Современная система регулирования движения на улицах и дорогах включает несколько подсистем. Важнейшей из этих подсистем является регулирование с помощью уличной (дорожной) сигнализации. В свою очередь внутри этой подсистемы можно выделить ряд частных случаев, например регулирование движения на перегоне, регулирование движения на перекрестке и т. д. Некоторые из таких случаев допустимо и удобно рассматривать как самостоятельные системы. Так, регулирование с помощью оптических сигналов движения транспорта на перекрестках образует весьма простую, поддающуюся четкому анализу систему. Она содержит определенный набор знаков — двусторонних единиц, внешней стороной которых («означающим») является какой-либо оптический сигнал (например, зеленый свет, определенная поза милиционера-регулирущика), а внутренней стороной («означаемым») — разрешение двигаться в одних и запрещение двигаться в других направлениях (например: «разрешено движение только направо»). Связь между означаемым и означающим — условная. Это «классический» пример простой знаковой системы.

Более сложный тип знаковой системы представляет собой регулирование движения транспорта (и пешеходов) в целом. Здесь, по-видимому, в качестве отдельных знаков выступают единицы более сложного строения. Означающим здесь является совокупность условий, определяющих ту или иную уличную (дорожную) ситуацию (например, водитель исправного автомобиля на мосту вне населенного пункта при гололедице). Означаемым является разрешенность одних действий и запрещенность других (например, «разрешено только движение прямо со ско-

ростью не более 20 км/ч; остановка, повороты и разворот запрещены»). Связь между означаемым и означающим и в этом случае условная.

Понятно, что такая система требует четкой и последовательной классификации а) всех возможных дорожных ситуаций, б) всех возможных действий водителя. Можно несколько идеализированно представить положение следующим образом. Дорога непрерывно посылает водителю определенную информацию. Водитель быстро анализирует эту информацию и приходит к выводу: «Имеет место ситуация такая-то. Она имеет следующее значение: такие-то действия запрещены, такие-то разрешены». Таким образом, положение водителя аналогично, например, положению наблюдателя, принимающего сигнал из морских флажков. Можно представить себе машину, которая бы анализировала информацию за водителя и выдавала бы ему, например, каждые 5 секунд итог: «имеет место ситуация номер такой-то». Водитель же, зная принятую знаковую систему, понимает отсюда, что ему разрешено и что запрещено. Легко видеть, что случаи, когда водитель видит перед собою уличный знак или светофор, производящий определенный сигнал, — это лишь частные случаи описанной общей картины, притом случаи самые простые, наименее затрудняющие водителя. Описанное положение имеет, по-видимому, наиболее близкую аналогию в праве, где также необходимы классификация возможных человеческих действий, возможных ситуаций и указание, какие действия в каких ситуациях допускаются правом и какие являются правонарушениями.

Т. В. Цивьян

(Москва)

К ОПИСАНИЮ ЭТИКЕТА КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Этикет¹ является одним из средств, выражающих некоторые отношения, непременно присутствующие в каждом обществе.

Этикет обслуживает три типа отношений:

- 1) отношение пола,

---

¹ Под этикетом понимаются вообще правила поведения в обществе.

- 2)   »   возраста,
3)   »   общественного положения.

Каждый тип отношений функционирует в виде взаимодействия двух составляющих. Составляющие могут быть одинаковыми (один пол, возраст и т. д.) или разными.

В зависимости от этого отношения можно разделить на равноправные или неравноправные.

А. Равноправные отношения:

IA. Одинаковый пол (женщ.—женщ., мужч.—мужч.).

II^A. Одинаковый возраст

III^A. Одинаковое общественное положение.

В. Неравноправные отношения:

IB. Разный пол (мужч.—женщ.).

II^B. Разный возраст (младше — старше).

III^B. Разное общественное положение (ниже — выше).

Содержательная сущность этикета в самом общем виде: оказание услуг — прием услуг.

При неравноправных отношениях одна сторона занимает преимущественное положение (т. е. принимает услуги). Выбор ее определяется обществом. (В европейском обществе преимущество предоставлено: 1) женщинам, 2) старшему возрасту, 3) более высокому общественному положению.) Типы отношений обычно реализуются в различных сочетаниях друг с другом. Сочетания осуществляются внутри А и В и между ними.

Например:

женщ.— старше — ниже/мужч.— младше — выше,

женщ.— младше — ниже/мужч.— старше — выше.

В зависимости от сочетания варьируется выбор правил этикета. Для отношений равноправия (А) существуют определенный этикетный набор только в том случае, когда они выступают в чистом виде. Входя в сочетание, тип А не оказывает влияния на выбор приемов и потому может не приниматься во внимание.

(женщ.— выше/мужч.— ниже) один возр., (младше — ниже/старше — выше) один пол и т. д.

Взаимовлияние разных типов отношений может выражаться: а) в усиленном употреблении определенных правил, б) в ограничении или в) снятии их. По распространению и характеру действия типы отношений В не рав-

нозначны. I^B и соответствующий ему набор правил является основой в сочетаниях. Именно на него накладываются все изменения. I^B может снимать или, по крайней мере, ограничивать (правда, факультативно) влияние II^B, особенно это касается III^B, который должен иметь преимущество только при церемониях. (Правила взаимодействия описываются на уровне langue, а не parole.) Выбор правил этикета диктуется не только видом сочетания, но и ситуацией в самом широком смысле: время, место, окружение, вид общения (прогулка, визит, прием) и т. д.

Каждый человек владеет активным и пассивным запасом правил этикета. В зависимости от ситуации он в разной степени использует его, изменяя объем и конкретные приемы. За исключением тех случаев, в которых изменения предписаны этикетом, предпочтительной является относительная стабильность системы.

Основным свойством этикета является его коммуникативность. Выполнение любого правила имеет точного адресата и требует обязательного ответа (хотя бы в степени «замечено»). Этикетное поведение обычно рассчитано по крайней мере из двух адресатов — непосредственного и дальнего («публику»); в этом смысле его можно сравнить с действиями актера, ориентированными на партнера и на зал. Предполагается, что дальний адресат присутствует постоянно (первая заповедь этикета — оставшись наедине с самим собой, вести себя «так же, как в обществе»).

Правила этикета можно разбить на 2 группы: положительные и запрещающие. Этикет — завоевание цивилизации — среди прочего призван подавлять некоторые естественные проявления (особенно экспрессивные) человеческого поведения. Запрещающие правила (как впрочем и положительные) могут быть специфическими для каждого типа отношений и общими. Последних (запрещающих) гораздо больше (например, запрещение зевать, лязгая зубами и подвывая). Запрещающие правила полностью сформулированы и фиксированы. Достижением общества является постепенное уменьшение специально записанных запрещений, — они начинают сами собой подразумеваться (сравни «Юности честное зерцало» и современные книги хорошего тона).

Положительные правила фиксированы в разной степени:

1) в некоторых случаях дается одно общее правило, указывающее стратегию поведения в разных ситуациях (скажем, иногда достаточно самого общего «оказать услугу», чтобы самостоятельно выбрать конкретные формы этикетного поведения);

2) правила могут излагаться более подробно, охватывая большое число ситуаций, но далеко не все (например, различные формы приветствия);

3) правила могут быть изложены с чрезмерной предусмотрительностью и обилием деталей, словом, явно слишком подробно и совершенно для того, чтобы выполняться (см., например, этикет званого обеда, где предусматривается сервировка, включая марки фарфора, меню, рассаживание гостей, время, отведенное на каждое блюдо, костюмы, цветы, беседы за столом, тосты и т. д.)².

Этикетное поведение на уровне *langue* в большой степени отличается от уровня *parole*. Отклонения происходят в сторону преувеличения и (чаще) в сторону уменьшения вплоть до исчезновения. Незнанием можно объяснить чрезмерное усердие, но не пренебрежение; доказательством этого служит почти постоянное соблюдение правил в III^B (общественное положение) при равнодушии к I^B и II^B, хотя формальные приемы во многом совпадают.

Средства выражения в этикете достаточно разнообразны. Некоторые из них универсальны (естественный язык и движения), некоторые предназначены для определенных ситуаций (сервировка, костюмы, визитные карточки и т. д.). Инвентарь этикета сравнительно невелик и постепенно упрощается (см., например, исчезновение реверансов и расшаркиваний). Более стабилен он в тех областях, где осуществление этикета предписывается административно (армия, дипломатический корпус).

Осуществление этикетного поведения заключается в правильном выборе приема и в применении его в нужном сочетании последовательности, темпе и т. д. Этикетное поведение представляет собой перевод ситуации на «язык» этикета. Ситуация полностью предопределяет построение этикетного поведения во всех его деталях.

Связь правил с моментами ситуации, которые их определяют (т. е. связь референта и знака), прочна и постоянна. Синтаксис знаков строится не столько на основании

² Не будут рассматриваться церемонии, где набор правил должен осуществляться совершенно точно.

их отношений друг к другу, сколько складывается под давлением ситуации.

Изучение синтаксиса знаков в этикете необходимо для выяснения степени его системности.

М. И. Лекомцева, Б. А. Успенский

(Москва)

ГАДАНИЕ НА ИГРАЛЬНЫХ КАРТАХ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

0.0. Гадание на игральных картах как относительно простая семиотическая система может представлять интерес для общей семиотики (например, для разработки методов дескриптивной семиотики), а также для общей лингвистики, поскольку для определения языка необходимо сравнивать его с другими семиотическими системами (а для этого надо разработать семиотическую типологию, путь к которой — через единообразное описание различных семиотических систем). Можно предположить, что описание простых семиотических систем так же существенно для построения общей теории семиотики, как описание простых игр (рулетка, игра в кости, «крестики и нолики») для построения математической теории конфликтных ситуаций.

0.1. Характеристика любой системы карточного гадания состоит из следующих частей:

а) раскладка — т. е. механизм порождения фраз,

б) словарь — показывает значения карт. Бывают случаи, когда несколько карт составляют новое значение.

0.2. Система гаданий как простая семиотическая система с малым словарем всегда содержит возможность нескольких интерпретаций. Гадающий (обозначим его *A*) всегда обладает несколькими степенями свободы (количество которых уменьшается от начала гадания к концу). Выбор той или иной интерпретации всецело определяется прагматикой.

1.0. *Прагматика.* К гаданию обычно обращаются, чтобы получить уверенность в той или иной программе поведения («что судьба скажет»). Из этого и исходит *A*. У *A* имеются прежде всего психологические задачи: ему нужно сильно подействовать на того, кому гадают (обоз-

начим его *B*) и привести его в какое-то крайнее психическое состояние — либо спокойное, либо взволнованное.

1.1. Значения карт (план выражения) известны и *A* и *B*. При этом значения эти выступают означающими, означаемое же может быть известно только *B*, который подставляет из своей ситуации конкретные значения в переменные — означающие (например, интерпретирует слова «благосклонный брюнет» как какое-то знакомое лицо); если же значение не подставляется, фраза забывается (опускается).

Таким образом можно сказать, что *A* и *B* употребляют одну и ту же систему гадания (один и тот же язык), но по-разному: элементы этой системы по преимуществу выступают для *B* как код (*code*), относящийся к сообщению (*message*), — т. е. как *c/m*, а для *A* — как код, относящийся к коду, — т. е. аналогично собственным именам (*c/c*). В этом заключается существенное своеобразие семиотики гадания на картах.

В терминах треугольника Г. Фреге (знак—значение—денотат) можно сказать, что *A* оперирует только значениями и знаками в узком смысле слова, а *B* — подставляет денотаты, дополняя этот треугольник, так что в целом он выступает только в акте коммуникации *A* и *B*. Это является, вероятно, характерной чертой и других программирующих систем.

1.2. Моделирующая функция гадания в плане интерпретации настоящего и прошлого. Для убедительности гадания от *A* требуется не только представить будущее, но и изложить настоящее и прошлое *B*, где *B* может контролировать *A*. Здесь возникает конфликтная ситуация, поскольку и *A* и *B* знают оба правила гадания (значение карт) и *B* знает свое настоящее и прошлое, но не сообщает о нем *A*.

Ситуацию относительно настоящего и прошлого можно описать как парную игру с пассивным противником, где делаются личные ходы, и элемент случайности вводится за счет того, что не все карты участвуют в раскладке некоторых систем. [В цыганском гадании в раскладке участвуют все карты и в этом смысле оно соответствует игре с личными ходами (например, шахматам)].

Ход *A* состоит в том, что он произносит какое-то предположение, интерпретирующее часть карт; ход *B* — реакция на это. Количество информации накапливается по ходу га-

дания в связи с ответной реакцией; в процессе гадания выбираются наиболее волнующие *В* моменты, на которых сосредоточивается особое внимание. На данном материале и собранной ранее информации последовательно строятся гипотезы, правильность которых проверяется. Сказанным обуславливается порядок чтения карт. Первыми читаются наименее информативные карты (например, «перемена»), от которых потом переходят к картам, несущим все большую информацию. В этом отношении показательны последовательные раскладки карт, где одни и те же карты получают более определенное значение.

Таким образом гадание прошлого и настоящего представляет собой игру, при успешном исходе которой завоевывается доверие *В*; если же это не получается (т. е. при проигрыше игры), то *А* обычно отказывается от продолжения гадания. («не вышла карта»).

В результате моделируется внутренний и внешний мир *В* (у которого устанавливаются условные связи между терминами *А* и собственными конкретными подстановками).

1.3. Далее *А* приступает к предсказыванию будущего *В*. Здесь выступает уже не моделирующая, но программирующая функция. При программировании у *А* уже гораздо меньше степеней свободы, многое определяется самой системой. Таким образом, все гадание в целом можно определить как самопорождающую систему.

2.0. Семантика.

2.1. Субъект и предикат в гадании. Карты по своим значениям принадлежат либо к классу субъектов (лица), либо к классу предикатов; причем наиболее ключевой показатель — лицо, кому гадают (*В*).

2.2. Как было сказано, значения могут конкретно интерпретироваться в зависимости от общего плана (ипостаси), в котором раскрывается ситуация (ср. роль ключа в музыке или квантора в математике); а также в зависимости от частных планов (для сердца, для мысли, что будет, что успокоит и т. д.).

2.3. Совокупность этих планов (общих и частных) с основными значениями карт и составляет реальные значения.

2.4. Семантику приведенной системы гадания (постоянные значения карт) можно описать при помощи таблицы семантических множителей.

3.0. *Синтаксис*. Порядок чтения карт, как говорилось выше, определяется их семантикой. Начинают с субъектов (лиц). Значение предикатов (остальных карт) можно распределить по силе, которая определяет порядок чтения; причем сила карты обратно пропорциональна количеству информации, которая содержится в ее значении.

4.0. *Система гадания на картах в сравнении с естественными языками*.

4.1. Система гадания есть язык с конечным числом состояний — с ограниченной семантикой и очень простым синтаксисом. Последовательность чтения при гадании определяется не порядком карт, а их семантикой (что можно сравнить с некоторыми искусственными языками ограниченной семантики).

4.2. Типологически язык гадания должен быть отнесен к числу изолирующих.

Как и в естественных языках, предыдущие фразы влияют на последующие.

4.3. Аналогично естественным языкам, системы гадания обусловлены социально-этнически.

4.4. В гадании может иметь место известная засекреченность некоторых связей: этим гадание близко секретным аргом замкнутых обществ.

В. В. Иванов

(Москва)

К АНАЛИЗУ
АБХАЗСКИХ НАРОДНЫХ ИГР

1. Игры как семиотическая система, моделирующая поведение коллектива.

2. Основные понятия абхазских игр (по описаниям О. Вахания) и возможность лингвистического выявления этих понятий (*амба* — «финиш, конечная цель» и т. п.). План содержания, общий для разных игр, и план выражения, специфический для данной игры.

3. Структура игры. Выявление пространственных соотношений. Синтаксис игры.

4. Прагматическая сторона игр. Возможности использования теории игр.

IV. ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Е. В. Падучева

(Москва)

ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК,
ОБНАРУЖИВАЮЩИЙ СХОДСТВА СИНТАКСИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА
И ФОРМУЛ ИСЧИСЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

1. Особым элементом структуры сложного предложения является его разложение на составляющие, т. е. способ группировки простых предложений в его составе. Смысл сложного предложения определяется не только смыслом простых предложений и характером связей, но и иерархической структурой этих связей или разложением предложения на составляющие: предложение с несколькими союзами может иметь различные понимания, если оно допускает различные разложения на составляющие.

Примером может служить следующая фраза из «Войны и мира»: «Земля была влажная, но грязи не было, и войска шли без шума». При одном понимании это предложение утверждает, что войска шли без шума потому, что выполнялись два условия — земля была влажная и не было грязи; при другом понимании причиной бесшумного передвижения войск является только отсутствие грязи, а влажность земли является дополнительным обстоятельством, которое скорее даже препятствует бесшумному передвижению. Наличие двух пониманий обусловлено неоднозначным разложением на составляющие.

Возникает вопрос, какова должна быть структура сложного предложения, чтобы его разложение на составляющие было однозначным, и можно ли любую «логически мыслимую мысль» выразить с помощью такого однозначного предложения.

2. Смысл поставленного вопроса станет более понятным, если сказать, что этот вопрос в действительности возник при решении вполне конкретной задачи — при составлении алгоритма перевода на естественный язык с языка исчисления высказываний (ИВ). Такой алгоритм представляет интерес потому, что язык исчисления высказываний так или иначе кладется в основу большинства информационных языков, рассчитанных на достаточно сложную логическую переработку информации. В таком информационном языке смысл формулы (предложения) определяется смыслом элементарных утверждений, характером логических связей и иерархической структурой этих связей, т. е. разложением формулы на составляющие. Разложение на составляющие выражается либо скобками, либо с помощью еще каких-то дополнительных средств, но всегда выражается однозначно. При этом никаких ограничений на иерархическую структуру связей в этом языке нет, — в каком-то смысле этот язык обладает семантической полнотой.

Перевод формул языка ИВ на естественный (имеется в виду однозначный перевод), например русский, возможен лишь в том случае, если в русском языке существует такой класс сложных предложений, которые имеют однозначное разложение на составляющие и которые в сумме образуют язык, не менее бедный семантически, чем язык исчисления высказываний (т. е. язык, в котором можно выразить «все те же мысли», что и в исчислении высказываний).

3. Ясно, что проблема перевода есть лишь формализация и некоторое сужение той проблемы, которая первоначально была сформулирована как чисто лингвистическая: формализация состоит в том, что от «любой мыслимой мысли» мы переходим к мысли, выразимой на ИВ; сужение состоит в том, что вместо всех связей между элементарными утверждениями, допустимыми в естественном языке, мы ограничиваемся только логическими связями (рассматриваются четыре вида связи — конъюнкция, дизъюнкция, импликация и эквивалентность).

4. Класс сложных предложений, которые могут быть переводами формул ИВ, естественно описать в виде грамматики, которая его порождает. То, что такой класс предложений вообще существует, выяснилось только после того, как были установлены принципиальные сходства между некоторыми конструкциями в сложных предложениях естественного языка и синтаксическими средствами, используемыми для выражения структуры составляющих в логических формулах. В частности, было установлено, что, хотя в формуле ИВ имеются два вида скобок — левые и правые, разложение на составляющие может быть однозначно выражено с помощью только одной левой скобки (получающийся при этом способ записи близок к бесскобочной символике Лукасевича). А для левой скобки в естественном языке имеется точный эквивалент в виде левой части прерванной союзной конструкции типа если..., то... Аналоги обнаруживаются и для других синтаксических приемов, использованных в логических исчислениях.

В силу обнаруженных структурных сходств между языком ИВ и естественным, требуемую грамматику сложных предложений можно построить следующим образом. Вначале строится некоторый искусственный язык, мы будем называть его языком-моделью (ЯМ). По алфавиту и правилам образования этот язык весьма близок к ИВ. Он получается из ИВ в результате ряда трансформаций. Все эти трансформации близки к тем сокращениям скобок, которые обычно используются при записи формул исчисления высказываний. Одна из трансформаций обязательная — это стирание правой скобки. Разложение на составляющие в ЯМ однозначно определяется особым алгоритмом, применимым и к формулам ИВ. Этот алгоритм таков, что для формулы ИВ он дает то разложение на составляющие, которое естественно определяется скобками, а для каждой трансформированной формулы он дает то же разложение на составляющие, что и для формулы, из которой она была получена. Поэтому любую формулу, полученную в результате произвольной серии трансформаций из некоторой формулы $\mathcal{A}$ из ИВ, можно считать однозначным переводом формулы $\mathcal{A}$. Поскольку обязательная трансформация применима к любой формуле ИВ, то в ЯМ существуют переводы для всех формул ИВ.

Но пока что это только перевод с одного искусствен-

ного языка на другой. Оказывается, однако, что ЯМ настолько близок по структуре к естественному языку, что «пословная» замена его символов на слова и выражения естественного языка дает грамматически правильные сложные предложения. При этом правила замены таковы, что все свойства, доказанные для ЯМ, переносятся на язык, порождаемый правилами замены. Таким образом, правила образования ЯМ вместе с правилами замены дают искомую грамматику сложных предложений. Разумеется грамматика строится на основе какой-то исходной предпосылки о грамматической правильности, и эта предпосылка не является бесспорной. В частности, в порождаемом языке не выполняется гипотеза Ингве.

5. Построенный искусственный язык моделирует некоторые синтаксические свойства естественного языка. Поскольку он при этом неизмеримо проще естественного языка, то он позволяет упростить рассмотрение некоторых вопросов, связанных, например, с построением трансформационных грамматик или с конфигурационным анализом естественных языков.

С. Е. Генкин

(Москва)

ЧИСЛОВОЙ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

Внешний мир действует на наши органы чувств. Мы получаем сообщения на языках этих органов. Назовем такие языки конкретными. Человек получает сообщения на нескольких конкретных языках. Они должны быть скоординированы. Эту функцию выполняет кодовый язык слов, отличный от конкретных. Некоторые фразы («холодный стол», «журчащий ручей») кодируют сразу сообщения двух конкретных языков.

Но бывают сообщения, которые трудно скоординировать с помощью языка слов. Через какие-то промежутки времени возникают короткие зрительные и одновременно звуковые сигналы. Установим, связь между этими двумя конкретными сообщениями с помощью последовательности (4, 5, 4, 9, 2). Каждое число — временной интервал между последовательными сигналами. Конкретному сообщению

ставится в соответствие числовая последовательность. Возникает новый язык. Вот фразы этого языка: (5, 2, 2, 7) (3) (4, 6, 7, 10).

Более сложные фразы: (3,6) (4,6) (((2) (3,5)) (2)).

Конкретное сообщение может иметь несколько числовых образов. Для решения вопроса, имеет ли конкретное сообщение A своим числовым образом B , поставим опыт. Человеку или автомату сообщим A и часть B . Если он угадает неизвестные числа, B является образом A .

Конкретная фраза языка имеет множество образов в числовом языке и в другом конкретном языке. Задача художника, создающего контрапункт, сделать выбор из этого множества.

Числовой язык может координировать фразы неконкретных языков (языка слов, языка научных символов). Числовой язык может быть посредником между фразами одного языка: «Если сложить 2 и 3, получится 5» имеет образ ((2,3) (5)). С ней связаны фразы любого языка, имеющие тот же образ.

V. МОДЕЛИРУЮЩИЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Д. М. Сега
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МИФОЛОГИИ

1. Семиотический подход к изучению мифологии рассматривает миф в общем контексте поведения группы людей как систему, моделирующую в умах индивидуумов, входящих в группу, окружающий мир или его фрагменты. Особый интерес представляет изучение того, как картина мира, складывающаяся в группе, влияет на поведение людей по отношению к этому миру.

2. Моделирующая способность мифа и его влияние на поведение определяются коллективным характером системы мифологии. Этим определяется и то, что миф имеет характеристики естественной системы знаков, с помощью которой осуществляется общение. Семиотика выделяет в этом общении знаковый процесс (семиозис) и знаковую систему (семиотику). Разделение процесса и системы связано с ограниченным объемом памяти индивидуума и группы, вследствие чего в семиозисе постоянно воспроизводятся некоторые элементы, число которых ограничено объемом памяти. Нахождение инвариантов в семиозисе ведет к выделению коллективно обусловленных знаков, связанных между собой определенными отношениями. Набор таких знаков и отношений между ними есть семиотическая система.

3. Общение людей оказывается возможным, вследствие того что семиотическая система является общей для определенной группы, вследствие того что группа

придает одинаковый смысл элементам этой системы и вследствие того что она одинаково реагирует на сообщения, передаваемые посредством знаков. Таким образом, семиотика изучает три аспекта знаковых систем: синтактику, семантику и прагматику.

4. Исходным объектом изучения являются устные или письменные мифологические тексты. Характер текста зависит от типа группы, создавшей его. Предполагается, что подобные тексты могут создаваться в любой группе вне зависимости от степени ее социально-культурного развития. Особый интерес представляют тексты, создаваемые в устойчивых группах, объединяемых общностью культуры и территории. Мифологичность текста определяется тем, что текст отражает глобальные представления группы о ее существовании в мире и/или нормативные правила такого существования. Понятие «мифологичность» не является оценочным и употребляется в качестве рабочего термина.

5. Мифологический текст является моментальным снимком мифологического семиозиса и служит отправным пунктом для выделения системы мифа. Конечной целью исследования мифа должно быть выделение элементов-знаков, установление возможной иерархии более простых и более сложных знаков, определение правил сочетания знаков; далее, получившаяся таким образом система должна интерпретироваться, т. е. знаки и отношения между ними должны быть сопоставлены с объектами, лежащими вне мифа; и, наконец, интерпретированная система мифа должна быть сопоставлена с поведением группы. Подобное описание явилось бы замкнутым и исчерпывающим в синхронном плане.

6. Так же как в истории лингвистики изучение языка началось с изучения единиц, обладающих значением, — слов, так и в мифоведении изучение синтактики мифа началось с изучения единиц, которым легче всего можно приписать смысл, — мотивов, собственных имен, поддающихся этимологизированию (А. Веселовский, Ч. Мюллер, А. Аарне). Поскольку изучение мотивов не в смысле их каталогизирования, а в контексте замкнутого мифа (или вариантов одного мифа) начато лишь недавно (работы В. Проппа, К. Леви-Стросса), постольку можно предположить, что тщательное определение критериев инвариантности различных мотивов и изучение механизма сцепле-

ний мотивов в мифе должны явиться необходимой предпосылкой возможного расщепления мотивов на более мелкие элементы или, наоборот, их объединения в более крупные единицы. Уже на данной стадии исследований можно заключить, что в мифе можно выделить несколько структур, каждая из которых является как бы обобщением предыдущей¹.

6. Установление инвариантов в мифологических текстах в виде линейного сцепления мотивов (как это сделано В. Я. Проппом в его работе «Морфология сказки», М., 1928) само по себе имеет большую ценность, поскольку оно позволяет вскрыть механизм формального порождения текстов, по своей сюжетной структуре сходных с мифологическими. Однако такой анализ недостаточен, если целью исследования является установление правил моделирования мира в умах членов группы. Если мы хотим искусственным образом (хотя бы с помощью электронных вычислительных машин) создать миф, который не только по своей структуре был бы мифом, но и мог быть принят как таковой членами некоторой группы, необходимо понять, с какими объектами вне мифа связываются его мотивы, герои, — необходимо смоделировать не только структуру мифа, но и мир, им моделируемый.

Для этого нам представляется существенным понять, какое место отводится мифологии различными группами в процессе моделирования ими окружающего мира. В этой связи уместно вспомнить об идеях, высказывавшихся Э. Кассирером в его «Философии символических форм». По Кассиреру, миф является первоначальной и единственной для первобытных племен системой, в терминах которой происходит восприятие мира. Эти мысли подтверждаются исследованиями Б. Малиновского и американской школы культурной антропологии (Ф. Боас, А. Кребер, Р. Бенедикт и др.). Подобная уникальность и глобальность мифа у первобытных племен может быть, в частности, проиллюстрирована на примере мифов Шауни, содержащих полное описание того, как Шауни представляют себе существование своего племени во

---

¹ Ср. анализ общей сюжетной схемы мифов с сотворения мира у американских аборигенов по S y k e s. Dictionary of non-classical mythology. Ldn, 1953, как пример схемы «первого приближения» и анализ мифов Зуни у Леви-Стросса как пример более обобщенной и абстрактной структуры.

вселенной, среди других племен, и дающих весьма детальные правила поведения членов племени в зависимости от типа ситуации, в которой они находятся (рождение детей, воспитание, правила брачной жизни, труд и т. д.)².

7. В процессе приближения группы к уровню современной цивилизации роль мифа в построении модели мира меняется. Единый первобытный миф уступает место сложной иерархии семиотических систем наук, искусства, права и т. д. Для различных групп, образующих современные цивилизованные общества, количество уровней в этой иерархии различно. Однако семиотическая система мифа продолжает использоваться людьми для создания коллективной картины мира. Это объясняется некоторыми особенностями эмоционально-психической деятельности групп. Мифологические построения первобытных и современных групп объединяются тем, что они возникают в результате сходных коллективных психических процессов. Первичные мифы (в любой группе) возникают как самая первая, непосредственная реакция на внешние воздействия. Все факты и ситуации, с которыми сталкивается группа, рассматриваются исключительно с точки зрения их влияния на жизнь людей. Соответственно, каждая ситуация оценивается как положительная или отрицательная, и, что особенно характерно для первичных мифов, подобные оценки носят подчеркнуто эмоциональный характер. Получающаяся структура оценок логически оправдана, если ее рассматривать изнутри группы, разделяя эмоционально-психическое состояние группы.

8. Семантическая интерпретация первичных мифов должна учитывать два класса объектов: внешние события, приведшие к возникновению мифа, и коллективные эмоционально-психические состояния группы. Опущение одного из этих двух классов объектов приведет к искажению смысла мифа. Учет исключительно эмоционально-психической стороны приводит к неправильному отождествлению мифов, созданных в различных социально-культурных обстоятельствах (ср. психоаналитическую интерпретацию различных мифов школой Юнга). С другой стороны, непосредственное выведение конкретных мотивов и героев из определенных исторических событий

² См. анализ Ч. Фегалином мифов шауни в «Language and Culture», ed by H. Hoijer. Chicago, 1954. Ср. также «Mythology and Values», by K. Spencer. Philadelphia, 1957.

(«эвхемеризм») не дает ответа на вопрос, почему одни и те же события по-разному отражены в различных мифах (ср. харизматическое и катаклизмическое представления о так называемых «летающих объектах» в Северной и Южной Америке).

9. Первичные мифы первобытных племен и современных групп интерпретируются по-разному потому, что они возникли в результате воздействия совершенно различных комплексов событий. Для первобытных племен миф как единственная моделирующая семиотическая система отражает весь континуум существования племени (ср. работы Б. Малиновского о мифах племен Тробрианских островов). В этом плане интересна работа В. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (М., 1945), интерпретирующая формальную структуру волшебной сказки как аналог структуры инициационных обрядов в первобытном обществе. Весьма поучительны исследования К. Леви-Стросса³, который восстанавливает структуру мифов зуни, интерпретируя ее как с точки зрения условий социально-экономической жизни зуни (изменения правил охоты), так и с учетом коллективных психических состояний.

10. Для первобытных групп характерна большая включенность в миф. Имеется в виду как конкретность и детализированность модели поведения, создаваемой мифом⁴, так и быстрота, с которой в мифе фиксируются изменения условий существования группы⁵. Современная группа имеет дело с гораздо более сложно организованным миром. Она связана с внешними событиями (изменение климата, условий труда; войны и т. д.) не непосредственно, а через сложную иерархию знаковых систем. Все знаковые системы, передающие информацию от мира к группе, как правило, имеют большую традицию. Модель мира, создаваемая этими системами, обладает тенденцией к длительному существованию. Однако вся информация неизбежно оценивается группой положительно или отрицательно в зависимости от характера изменений,

³ C. Levy-Strauss. The Structural Study of Myth.— In «Myth». Symposium, ed. by T. Sebeok. Bloomington, 1958.

⁴ Ср. правила первой брачной ночи у шауни (в сборнике «Language and Culture». Chicago, 1954) или правила посева маиса у хопи (у B. L. W h o r f. Language, Thought and Reality. N. Y., 1956).

⁵ Ср. описание возникновения нового тотема и связанного с ним мифа у канадских индейцев в XVIII в. (W. A b e l l. The Collective Dream in Art. Cambridge, 1957).

которые она производит в жизни группы. Поэтому любая современная группа неизбежно вырабатывает свое эмоциональное отношение к миру, и, при соответствующих условиях, это отношение может перерасти в миф. Современный миф создается на базе модели мира, выработанной всем комплексом семиотических систем, и может в качестве своих элементов использовать элементы этих знаковых систем.

11. Весьма интересно соотношение традиционных первобытных мифов и мифов, возникающих на основе современных знаковых систем, у некоторых народностей, сравнительно недавно перешедших к современным формам жизни. Наблюдения над вновь создаваемым фольклором енисейских кетов показывают, что первобытная и современная модели мира переплетаются таким образом, что иногда события, относящиеся к традиционной «первобытной» сфере, могут интерпретироваться в терминах современных представлений (ср. объяснение эффектов шаманизма «гипнотизированием», которое понимается как «замораживание глаз»). С другой стороны, форма первобытного мифа, его мотивы и фрагменты зачастую служат для описания вполне современных ситуаций (ср. рассказы о шамане Лесовкине или мотив съедения сердца и печени в современном кетском фольклоре). Подобные смешанные мифы встречаются у многих народов Полинезии и Океании в виде периодических «культов кораблей», где внешнее событие (периодическое прибытие корабля из Европы) интерпретируется двумя сосуществующими моделями мира — полинезийской и христианской. Корабль воспринимается как посланец умерших предков, везущий островитянам дары. С другой стороны, среди самих островитян возникает своеобразное мессианство, явно навеянное христианством и призванное подготовить жителей к приему кораблей и предотвратить захват корабля колонистами.

12. Поскольку исследователь является по отношению к мифу внешним наблюдателем, смысл мифа может быть или раскрыт лишь в результате анализа поведения группы, или, для древних мифов, путем экстраполяции данных о поведении современных групп. Правомерность подобной экстраполяции должна быть изучена специально.

За последние пятнадцать лет коллективная психология достигла значительных успехов (работы Тибо и Келли, Клейна, Гарднера и др., а также классические труды

Ле Бона), Бехтерева, Мак-Дуголла.) Выделены некоторые основные типы взаимоотношений внутри группы (социализация, отвержение, изоляция и т. п.) и реакций группы на внешние воздействия. Учитывая методы, предлагаемые групповой психологией, можно вполне эффективно выделить коллективные психологические состояния, соответствующие структуре событий, вызвавших миф.

Наряду с объективными показаниями о поведении, связанном с мифом, весьма существенны сведения субъективного характера, получаемые от «носителей мифа». Примером такого анализа может служить статья д. Эгган «Индивидуальное использование мифов в снах»⁶. Для индейца племени хопи, чьи самоотчеты о снах изучаются в статье, сон — это своеобразный вариант мифов хопи. Во сне информант видит, ситуации и героев мифа, сам он участвует в этих ситуациях, и каждая ситуация мифа объясняет ему некоторые моменты его личной жизни. Это помогает информанту преодолевать трудности, возникающие в его жизни. Исследование подобных субъективных сведений позволяет лучше понять весь комплекс эмоциональных состояний, связанных с мифом.

13. Влияние мифа на поведение группы зависит от свойств самого мифа, от реценсивности группы и от свойств канала связи. В этом смысле поведение первобытных групп оказывается наиболее зависимым от мифа.

Выше говорилось о нормативном характере некоторых первобытных мифов и о большой «включенности» общества в миф. Большую роль в функционировании мифа в первобытных группах играет своеобразный и отлично действующий канал связи — коллективное рассказывание, служащее как для передачи мифа во времени (социализация молодежи), так и для укрепления веры в миф, для консолидации духовной силы, заключенной в нем.

В современных обществах нормативность перестала быть основной функцией мифа. Поэтому современные мифы не содержат детально разработанных норм поведения. Однако миф продолжает оказывать весьма действенное влияние на поведение групп. Это связано с развитием средств массовой коммуникации, используемых для передачи мифа в обществе. Можно вспомнить об экспансии некоторых мифов (о неопознанных объектах якобы кос-

⁶ D. E g g a n. The Personal Use of Myth in Dreams.—In «Myth», Symposium.

мического происхождения) на весьма обширные территории с использованием таких средств общения, как печать, книги, радио (ср. передачу О. Уэллеса о нападении марсиан на землю), кино и др. С другой стороны, иерархизация знаковых систем также способствует быстрому распространению мифов⁷. С иерархизацией знаковых систем связано и то, что в случае их включения в миф поведение полностью определяется мифом, в случае же отстранения других знаковых систем от мифа поведение группы зависит от мифа лишь на уровне эмоционально-психических состояний.

В. В. Иванов, В. Н. Топоров

(Москва)

КЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА

1. Методы исследования моделей мира и их различных семиотических воплощений (сознательных или неосознаваемых). Различные сферы проявления модели мира (языковое поведение и другие формы поведения). Возможность сосуществования разных моделей у одного и того же коллектива и у одной и той же личности (одновременное сосуществование как источник для внутренней реконструкции последовательной смены моделей). Взаимодействие разных моделей в поведении коллектива и личности. Наличие двух или нескольких изолированных моделей мира и установление правил перехода от одной модели к другой. Креолизация моделей мира. Распределение сфер функционирования разных сосуществующих моделей. Способы хранения и передачи моделей и программ операций над моделями (переключение и т. п.) в коллективе, способы их введения в человека (типы обучения). Отличительные особенности бесписьменного общества; роль мифа, ритуала, фольклора и рассказывания; детские игры и их семиотическая функция. Патологическое разъединение моделей и его особенности применительно к элементарным обществам (роль массового гипноза при шаманских камланиях или в черном чуме, при массовом потрясении, опьянении и т. п.).

⁷ Ср. вероятностную схему управления поведением у L. P e n - r o s e. *On the Objective Study of Crowd Behaviour*. Ldn. 1952.

2. Тексты (в широком смысле слова), на основании которых могут быть синтезированы различные модели мира у современных кетов. Две основные идеализированные модели мира у кетов, которые строятся для описания более сложных реальных случаев — модель 1 (архаичный тип, условно «Федора») и модель 2 (наиболее продвинутый тип, условно «Ганька»). Набор черт, необходимых и достаточных для модели 2. Различительные признаки модели 1. Соотношение между моделью 1 и соответствующим набором операций, служащих для воздействия на мир, в человеческом поведении (хозяйственная деятельность, ритуал и т. п.). Модель как программа для совершения этих операций (модель мира в свете кибернетической физиологии активности Н. А. Бернштейна) и модель как проекция операций. Надязыковые области проявления модели 1 (в двух ее формах — как суммы и как произведения этих признаков): религиозные представления, шаманизм, мифологическая и фольклорная традиция, загадки как семиотическая система и их моделирующая роль, гадание, элементы драматического (при камланиях) и изобразительного искусства (зооморфный и «генитальный» орнаменты, алалты и т. п.), игры и состязания, сведения о внешнем мире и т. п. Подязыковый слой, в котором воплощается модель 1, — особенности быта (род и семья, занятия, промыслы, хозяйственный ритм жизни и календарь, жилища, утварь, одежда, орудия труда и средства сообщения, домашние животные). Языковое выражение модели 1: специфический набор ситуаций, связанных с набором операций, воздействующих на мир, и способы описания этих операций в языке; специфические сферы лексики (рыболовная, оленеводческая, охотничья, шаманская; циклы операционных терминов, относящихся к чуму, постели, лодке, одежде, бубну и их изготовлению); способы передачи абстрактных понятий и логических отношений средствами кетского языка; счет по-кетски, его ограничения для многих кетов и следы связи сохранившихся числительных с мифологической символикой (роль числа 7 как мировой константы в кетской модели мира 1 «Федора»); стилистические средства рассказывания как формы существования личности, связанной с коллективом; кетские имена и наличие двух параллельных имен у одной личности.

3. Характеристика некоторых определяющих кате-

горий кетской модели мира 1. Пространственная ориентация в кетском мире; одномерность кетской географии, противопоставление «верха» и «низа», «каменной» и «войлочной» сторон, Енисей (Qyq) как особый класс географических объектов, отличный от остальных рек (*сес* «река» — слово, не применимое к Енисею), роль Енисея в кетской мифологии (скала в устье Енисея как обиталище Хоседэм, легенда о происхождении Осиновских порогов, местоположение отверстия между небом и землей); представление о море и этимология названия моря, используемого в шаманских песнях. Языковые способы моделирования пространственных отношений; локальные падежи (морфологические способы их объединения и различения), указания на дальнее и ближнее (видимое и невидимое) в кетском и югском. Организация социального пространства в кетском мире; представления о народах, племенах и родах; организация поселений и ее моделирующая роль (гипотеза К. Леви-Стросса). Проблема соотношения кетов и югов. Организация мифологического пространства. Временная ориентация в кетском мире. Членение времени у кетов: кетский год, месяцы и их последовательность (этимология названий месяцев); замена отсутствующих кетских слов для передачи временных понятий русскими словами (слово *время* и др.); неграмматические способы выражения будущего времени и проблема соотношения так называемого прошедшего времени и вида. Глубина исторических временных представлений и соотношение исторического времени с мифологическим. Включение в модели 1 исторического времени в мифологическое. Логические категории в кетском мире. Способы выражения причинно-следственных отношений; отношения сочинения и подчинения, предшествования и следования, отождествления и различения, сравнения, артиклеобразные средства и указательные местоимения. Следы более архаичной классификации предметов (именные классы). Логические функции субъектно-объектного спряжения; аналогии с двуместными предикатами в логике и типологические параллели в естественных языках (абхазском, шумерском, баскском и др.). Двуместные предикаты и проблема глубины предложения, в смысле Ингве.

4. Место кетской модели 1 в сибирском культурно-языковом союзе (и шире — в «околополярной зоне», по Боасу). Отражение у кетов «околополярного» комплекса —

роль собаки и северного оленя, лодки и ее разновидностей, подземного жилища и бубна. Использование сравнения кетских, югских, котских и других енисейских терминов для указанных предметов в целях доказательства вторичного характера принадлежности кетов к «околополярному» комплексу (в частности, употребление древнего енисейского названия коня, сохраненного в мертвых енисейских языках и в югском в качестве кетского названия коровы *qусь* — как свидетельство переустройства семантического поля названий домашних животных в связи с появлением оленеводства у кетов; ср. следы знакомства кетов с конем в прошлом, проявляющиеся в фольклоре и при камлании). Возможности восстановления более древней «енисейской» культуры и соответствующей лексики. Экономические и другие термины, относящиеся к материальной культуре («покупать», «продавать», различные диалектные термины для денег, названия мыла, железа, комплекс «писать» — «читать» — «бумага», загадочный ввиду отсутствия достоверных сведений о письменности, за исключением следов пиктографии, у енисейцев). Следы исчезнувших слов с абстрактным значением — ср. названия человеческих отношений, «любить» и др. Датировка времени вытеснения этих терминов русскими словами по материалам XVIII в. Вопрос о реконструкции модели мира, предшествовавшей модели 1 и соотносимой хронологически с общеенисейской языковой системой. Проблема связи этой более древней модели с существенно более южными (и юго-западными) культурными комплексами (сохранение кетами воспоминаний об отдельных элементах этих культурных комплексов и черт материальной культуры, указывающих на более южную традицию) и оценка полноты модели 1 по сравнению с более древней моделью, вытесненной моделью 1 после включения кетов в сибирский «околополярный» комплекс.

5. Необходимость проведения культурно-языкового обследования всего сибирского ареала. Важность возобновления комплексных описаний типа издававшейся в 30-х годах «Сибирской энциклопедии». Возможность использования современных средств автоматического учета, хранения и поиска информации (построение информационных языков и машин для обследования сибирского культурно-языкового комплекса).

О КАТЕГОРИЯХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

0.1. Лингвистическая психология имеет своим предметом текст поведения, т. е. поведение, рассматриваемое в его возможности быть каким бы то ни было способом зафиксированным. (Текст в смысле уже зафиксированного поведения, обозначенный как текст *B* явится частным случаем текста поведения, обозначенного как текст *A*). Выражаясь в терминах общей семиотики (Morris, 1938), предметом лингвистической психологии окажется вся прагматическая область, в свою очередь рассматриваемая семиотически, т. е. в ее синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах.

0.2. Поведение рассматривается на конкретном уровне данной живой системы (living system, J. G. Miller, 1961). Живой системой называется объект, для которого рассматриваемая разновидность поведения возможна и значима как для субъекта поведения. Это может быть пояснено таблицей, ячейки которой показывают возможность и значимость пяти разновидностей поведения на четырех уровнях живой системы.

0.3. Поведение рассматривается в определенном временном плане. В пределах рассматриваемой части текста поведения какая бы то ни было временная характеристика может либо иметь значение (хронический план), либо не иметь значения (ахронический план). Описание должно проводиться последовательно

Разновидность поведения

Уровень живой системы	артикуляция	речь	пение	сигнализация по Морзе	рисование
Язык, ротовая область	++	--	--	--	--
Человек	--	++	++	+-	++
Микросоциум	--	+-	--	++	--
Социум	--	+-	--	+-	--

в двух этих планах. (Синхронное рассмотрение, очевидно, будет относиться все-таки к хроническому плану, поскольку оно, отвлекаясь, преобразует временные изменения в пространственные различия, предполагая при этом первые существующими.)

1.0. Все тексты A даны в наблюдении, эмпирически как наборы различных элементов (действий), различным образом расположенных во времени относительно друг друга. На основании общности признаков тексты A объединяются в типы поведения. Типология зависит от системы оценок признаков, предложенных тем или иным исследователем. Представляется, что можно выделить ряд самых общих критериев типа.

1.1. Тексты A могут отличаться по наличию или отсутствию одного или нескольких элементов. Выбор элементов определяется и членимостью текста, в свою очередь зависящей от размера текста, т. е. от подробности описания поведения на данном уровне в данных условиях. Говоря иными словами, различие будет состоять в наблюдаемых изменениях состояния данной живой системы.

1.2. В оценке типа может иметь значение и то, входят ли в набор элементов текста A действия, заключающиеся в создании текста B данного или другого акта поведения, своего или чужого, настоящего, прошедшего или будущего поведения. *С другой стороны, каждый элемент типа может быть оценен по признаку, относится ли он к тексту A , тексту B текста A , либо к тому или иному порядку описания внутри текста B текста A . (В B условно включены мыслительный текст †.) В этом смысле, говоря об A , мы имеем дело с категорией порядка поведения, которому в B соответствует порядок описания. Переходу описания с одного порядка на другой всегда соответствует какой-то описанный, акт текстового поведения (А. Пятигорский, 1962), называемый преобразователь порядка описания, по отношению к которому все акты поведения, лежащие внутри следующего за ним описания, будут внетекстовыми. Очевидно, что оценка и сопоставление типов возможны только на уровне одного и того же порядка описания (и, соответственно, — поведения).

1.3. Время может входить в критерий типа в а б с т

ракто-хроническом плане, т. е. когда при рассмотрении поведения имеет значение, происходило ли данное действие до, после или одновременно с другим (что обозначается, соответственно, знаками: —, +, о), либо в хронометрическом плане, т. е. когда имеет значение длительность текста или его отдельных элементов.

2.0. В лингвистической психологии поведению противопоставлена категория связи. Тип поведения предполагает временное отношение актов, действий; связь — это сумма обстоятельств, условий и действий, относительно которых предполагается, что все то время, в течение которого происходит (т. е. изменяется!) поведение, они остаются неизменными. Это ясно видно на примере порядков описания в тексте *В*. В начале «Евгения Онегина» вся часть текста до слов «Так думал молодой повеса..» содержит изменение поведения, в течение которого процесс «думанья» героя предполагается неизменным, т. е. относительно каждой фразы, каждого слова в этих строках можно сказать, что они находятся внутри действия «думал».

2.1. Связь это то, что всегда будет являться тем, чем обуславливается различие между двумя одинаковыми актами поведения, основным источником разнообразия в поведении. Одинаковые, сходные или сопоставимые друг с другом последовательности актов поведения будут противопоставлены связи как тип поведения — месту, в котором это поведение реализуется, как типологическое единство — топологическому разнообразию.

2.2. В общем случае тип поведения независим от топоса. Применительно к тексту *В* это будет означать следующее: как текст, взятый в целом, так и фрагмент текста не могут быть однозначно истолкованы в смысле одного конкретного порядка описания, порядка поведения, т. е. в смысле связи, в которой создавался весь текст, поскольку она не нашла в нем своего описания. Так фраза «Когда же черт возьмет тебя?», будучи вырванной из текста, не может указывать ни на порядок описания (в данном случае на четвертый), ни на преобразовательные описания (в данном случае: «И молча думать про себя...»). Применительно к *А* это означает, что наблюдаемый акт или последовательность актов поведения не могут быть однозначно истолкованы в смысле одной кон-

кретной связи. Так, взятые сами по себе такие действия, как преломление хлеба, едение жареных зерен или пахтанье масла не могут указывать на соответствующие разновидности культовой связи (здесь, соответственно: христианство, таптризм, ведийская религия), поскольку они могут выступать и в других связях.

2.3. То, что в *B* выступает как преобразователь описания, являясь актом или последовательностью актов текстового поведения в смысле создания к о н к р е т н о й р а з н о в и д н о с т и текста (как, например, в приведенном отрывке из «Онегина»: «Так думал», «И молча думать про себя», или в случае с телефонным разговором: «позвонил», «набрал номер», «взял трубку»), в тексте *A* выступает как акт или последовательность актов поведения, специфических для конкретной разновидности связи в смысле установления или воспроизведения последней. Такие акты или их последовательности мы условно называем специфическим для данной разновидности связи поведением или просто с п е ц и ф и ч е с к и м п о в е д е н и е м. Это поведение отграничивает и во времени одни акты неспецифического поведения от других, т. е. не только воспроизводит разнообразие поведения взятого одновременно, пространственно, но и членит процесс поведения, рассматриваемого как последовательность изменений состояний системы взаимодействия «субъект — объект».

2.4. В этом смысле специфическому поведению, как относящемуся к связи, будет противопоставляться в поведении, реализуемом внутри этой связи, так называемое м а р к и р о в а н н о е поведение, которое как психологическая абстракция относится к совсем иному уровню, нежели специфическое поведение. Последнее существует как нечто абсолютное, существующее само по себе, поскольку существует связь. Первое обнимает те черты в рассматриваемом типе поведения, относительно которых можно с большей степенью вероятности предположить, что они указывают на данную конкретную разновидность связи, нежели на какую-либо иную. И наоборот, при наличии ряда типов поведения мы назовем маркированным тот тип, о котором можно с большей степенью вероятности сказать, что он реализуется внутри данной связи, нежели о других рассматриваемых типах. (В то же время мы можем и сравнивать две разновидности связи с той

точки зрения, насколько сильно маркировано поведение, реализуемое внутри каждой из них, и в этом смысле можно говорить о данной связи как о связи, поведение которой более маркировано, чем поведение другой.)

2.5. Поскольку преобразователю текста *B* и *A* соответствует специфическое поведение, мы можем себе представить поведение не только как последовательность различных актов неспецифического поведения, отграничиваемого от другой последовательности специфическим поведением, но и как последовательность, расчленяемую и внутри себя актами специфического поведения. Таким образом и в тексте *A* становится возможным говорить о порядке связи, соответствующем порядку описания *B*.

Попытаемся теперь разъяснить это несколько иным образом. Мы предполагаем, что всякий тип поведения может оказаться в топосе всякой связи. Предположив обратное, мы лишили бы реального смысла противопоставление «тип поведения — топос связи». Равным образом мы можем сказать, что, каково бы ни было описанное в тексте *B* поведение, ему может предшествовать любой преобразователь описания. Но при этом очевидно, что если речь идет о не посредственно предшественном (в смысле номера порядка) преобразователе описания, то такое утверждение будет заведомо ошибочным. Возьмем такой пример. Текст: «Услышав обращенный к нему вопрос, он сказал: Простите меня, пожалуйста, но я не могу вам ответить, ибо я— глухонемой и вообще много лет тому назад умер» будет явной бессмыслицей с точки зрения непосредственного предшественного прямой речи преобразователя описания («услышал... сказал»). Но всегда можно как бы «подобрать» такой преобразователь описания, который сделает любое последующее описание реальным и с точки зрения непосредственно предшественного преобразователя. Таким «подобранным» преобразователем могли бы быть слова: «во сне», «уже погрузившись окончательно в бредовое состояние», и многие другие. Разумеется, что такой преобразователь может лежать и вне текста *B*, выступая как акт специфического поведения, преобразующий порядок связи.

Из вышеизложенного следует, что: а) противопоставление «поведение — связь» имеет смысл только относительно данной конкретной связи данного порядка, б) по-

нятие маркированности поведения имеет смысл только относительно данной конкретной связи, по отношению к которой все последующие акты специфического поведения выступают как акты неспецифического поведения, в) все оценочные характеристики поведения (такие, например, как «правильность», «эффективность», «нормальность» и т. д.) всегда лежат за пределами поведения и относятся к сфере той конкретной связи, которая избрана исследователем в качестве предмета изучения.

3. С точки зрения истории психологии интересным является тот факт, что вполне осознанное и четкое противопоставление действия связи было впервые описано в философских частях древнеиндийского эпического комплекса Махабхарата, в частности в Бхагавадгите (II, III, IV, XVIII, 26).

А. М. Пятигорский

(Москва)

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

0. «Состояние», или «начальное внутреннее состояние», в настоящем рассмотрении употребляется как технический термин, обозначающий особое понятие, являющееся результатом абстракции как от типологического, так и от топологического аспектов поведения. Топологическая абстракция, производимая при выработке этого понятия, состоит в том, что в субъективной ситуации связи (являющейся абстракцией от связи субъекта и объекта поведения, А. Пятигорский, 1962) мы отвлекаемся от самой связи, искусственно оставив одно субъективное. Типологическая, временная абстракция заключается в том, что мы допускаем существование суммы каких-то условий, уже сложившихся у субъекта к началу нашего рассмотрения (или описания) его поведения. Эти условия являются результатом каких-то предшествующих ситуаций и реализуемого в них поведения, но поскольку наблюдение поведения никогда не может начаться с его начала, *ab ovo*, поскольку оно всегда начинается во времени с чего-то неизвестного, предшествовавшего наблюдаемому и выводимого из последнего,

эти начальные субъективные условия можно представить себе как нечто определяющее наблюдаемое поведение, взятое в целом, т. е. типологически и топологически. (Разумеется, что аналогичным образом можно, абстрагируясь от субъективных условий, предположить и начальное объективное состояние.) Состояние, в нашем рассмотрении, является именно тем, что будет лежать в основе различия ряда **о д н о в р е м е н н о** рассматриваемых субъективных ситуаций, в которых все наблюдаемые или описываемые значимые моменты одинаковы. Знание состояния наблюдателем повышает предсказуемость поведения.

1. Принципиальная методика синхронного рассмотрения поведения в смысле состояния представляется примерно так. Сильное изменение ряда одновременно существующих и известных наблюдателю субъективных ситуаций вызовет различное у различных субъектов поведение, различные ответы. От этого различия мы и приходим к выводу о существовании различных состояний, которые уже сложились у этих субъектов до начала эксперимента или наблюдения, но не выявились в первой из рассматриваемых во времени субъективных ситуаций, т. е. на первом этапе наблюдения или эксперимента. Здесь, разумеется, самой серьезной проблемой будет проблема: каким же должно быть это «сильное, одинаковое изменение»? Ведь, допуская существование какого-то «предситуационного» состояния, мы тем самым предполагаем, что воздействие даст столько же различных эффектов, сколько будет существовать одновременно рассматриваемых субъектов. И далее: что значит сильное и одинаковое? Ведь всякое объективное воздействие будет и количественно, и качественно объективно неравным самому себе в различных точках ряда субъективных ситуаций. Очевидно, что воздействие должно быть сильным в том смысле, что оно вызовет изменение в таких фундаментальных моментах, существование которых можно предположить для большинства субъективных ситуаций данного субъекта, т. е. в моментах наименее ситуационных. И очевидно, что воздействие должно быть одинаковым в том смысле, что оно вызовет изменения в моментах общих для большинства субъективных ситуаций **р а з л и ч н ы х** субъектов, т. е. в моментах наименее личностных. И в этом отношении очень интересна идея А. В. Герасимова (Инсти-

тут народов Азии АН СССР), который предположил, что такими моментами являются прежде всего моменты в о л и т и в н ы е (желание или нежелание чего-либо), противопоставленные в о л ю н т а т и в н ы м, т. е. моментам, удовлетворение которых в поведении контролируется и между которыми возможен выбор. План предложенного Герасимовым идеального эксперимента таков: следующим за начальным этапом поведения идет этап, включающий в себя полное удовлетворение всех желаний субъекта, входящих в первую субъективную ситуацию, каковы бы ни были эти желания у данного субъекта и каково бы ни было в этом отношении различие между субъектами. Третий этап покажет различия в поведении субъектов, предположительно основанные на различиях их состояний, предшествующих начальному этапу наблюдения или эксперимента. Нам представляется, что можно наметить следующие принципиальные различия в поведении субъектов на третьем этапе идеального эксперимента.

Типологические различия: изменение типа поведения, неизменение типа поведения, многопорядковость поведения, включая текстовость.

Топологические различия: изменение топоса поведения, неизменение топоса поведения, многопорядковость топоса поведения.

(В этой классификации нам безразлично, как именно меняется тип поведения и в какой иной топос он перемещается.)

Вышеприведенные различия и соответствующие им состояния можно обозначить соответственно как a, b, g и α, β, γ .

2. Перечисленные шесть состояний можно назвать простыми, т. е. любая одна буква будет как бы минимумом общей характеристики поведения в смысле состояния. Сочетаниями букв будут обозначены сложные состояния; a, b (и α, β) не являются отрицанием одного другим — это независимые характеристики; запрет этих сочетаний не является естественным. Наряду с некоторыми другими запретами, он устанавливается при анализе акта поведения, не только синхронно рассматриваемого, но и рассматриваемого как минимальная часть текста поведения. Исследование конкретных текстов ряда разновидностей показывает, какие сложные состояния можно

считать наиболее вероятными. Слова «простой» и «сложный» здесь употребляются условно, поскольку в синхронном рассмотрении все возможные состояния будут одинаково простыми и несводимыми. Применительно к конкретным рассматриваемым текстам их можно было бы назвать минимальными и максимальными.

3. Размер текста или длительность времени поведения могут быть сколь угодно велики. Таким образом, начальное состояние может относиться к поведению, описываемому сколь угодно подробно в пределах от минимальной части текста до целого текста и от мгновенного акта до целой жизни субъекта. В последнем случае оно будет очевидно, входить как пространственный элемент в оценку личности. В случае же установления состояния с точки зрения мгновенного акта поведения мы можем его представить как своего рода мгновенный срез личности, рассматриваемой как временной континуум.

4. Синхронное рассмотрение должно учитывать и переход от одного состояния к другому, который, очевидно, можно себе представить как своего рода набор состояний, приписываемых одному субъекту и наблюдаемых исследователем, стоящим как бы в конце текста поведения данного субъекта. Этот набор строится ахронически как анкета, где не имеет значения ни расположенность элементов относительно друг друга, ни длительность действий, являющихся содержанием этих элементов, ни логические отношения элементов, ни то, продолжается ли действие к моменту составления такой анкеты.

5. Такого рода набор, как и отдельное действие, может быть приписан не только субъекту, но и любому тексту (как в смысле *A*, так и в смысле *B*), включающему в себя тексты поведения одного или нескольких субъектов.

6. Вместе с тем следует иметь в виду, что в общем случае состояние находит свое разрешение в поведении, т. е. что для перехода в следующее состояние необходимо время, в течение которого реализуется текст поведения. Это время может быть сколь угодно большим и сколь угодно малым в зависимости главным образом от уровня живой системы.

7. Идея начального состояния, весьма сходная с вышеизложенной, была известна с древней и средневековой индийской религии и философии под именем концендин

трех исходных тенденций (гун), обозначающих, соответственно, инертность, сознательность и активность (тамас, саттва, раджас). Всякое поведение (бытовое, культовое, мифическое) может быть семантически истолковано в смысле трех гун, которые проявляются в любом наблюдаемом или мыслимом феномене, включая и самих себя (см. конец таблицы). Последнее обстоятельство указывает еще и на структуральность индуистской модели вселенной.

А. В. Герасимов, А. М. Пятигорский

(Москва)

ОБЩАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ТАНТРИЗМЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

О. Объектом рассмотрения является здесь комплекс культовых действий, практиковавшихся в средневековых индуистских сектах, известных в истории религии под названием т а н т р и с т с к и х. Данный выбор был обусловлен следующим: несмотря на то, что большинство действий в тантризме, в случае их рассмотрения на уровне поведения в о о б щ е, является тривиальным, те же действия, будучи рассмотрены как специфически культовые, приобретают совершенно иной смысл, образуя особую семиотическую систему. Так, например, на бытовом уровне рассмотрения акт еды не будет обладать каким-либо иным, отличным от самого себя, смыслом. В ритуальном же приеме пищи этот акт приобретает новое значение, различное для различных культовых систем (в христианстве — евхаристия, вкушение тела и крови Спасителя; в иудействе — воспроизведение мифологического принятия манны в пустыне и т. д.). Иными словами, тип поведения будет здесь знаком, топос же — десигнатом. Поведение адептов тантризма будет описано на уровне микроколлектива (одно лицо, пара лиц, семья, община).

1. Одним из самых распространенных тантристских обрядов является ритуальный комплекс, известный под названием «пять М». Он заключается в том, что группа

Область проявления	Основная тенденция (гуны)		
	Тамас	Саттва	Раджас
Виды движения	Центробежное	Центростреми- тельное	Орбитальное
Субстраты вселен- ной	Время	Мысль	Пространство
Состояния вселен- ной	Разрушение	Сохранение	Создание
Состояния пове- дения	Желание	Познание	Действие
Характер живого существа	Косность	Ясность	Страстность
Этапы процесса речи	Склонность к созданию слова	Внутреннее формирова- ние слова	Произнесение слова
Состояния бытия	Наслаждение	Сознание	Существова- ние
Состояние психи- ки	Глубокий сон	Сновидение	Бодрствование
Части тела жи- вых существ	Половой орган	Пупок	Сердце
Части растений	Листья, цветы	Ствол, стебель	Корень
Объекты почита- ния	Демоны, духи	Боги	Предки
Боги	Шива	Вишну	Брахма
Саттва	Джива, вопло- щенная душа	«Я», атман	Божество
Тамас	Неодушевлен- ная природа	Элементы при- роды	Одушевленная природа
Раджас	Психика, ор- ганы чувств	Интеллект	Жизненный дух (прана)

адептов секты, мужчин и женщин, собираются в уединенном месте, где они последовательно совершают следующие действия: пьют вино, едят мясо, рыбу, жареное зерно, вступают в половые сношения (скр. *madya, māṁsa, mat-sya, mudrā, maithuna*). Все эти действия сами по себе не являются специфически культовыми, но становятся таковыми в силу их перенесения в топос культа, который выражается здесь в идее связи субъекта с обожествленным под именем богини Шакти энергетическим началом человека. Перейдя в топос культа, эти пять действий становятся маркирующими тантристский культовый текст. Но этот обряд включает в себя и ряд специфических культовых действий, не реализующихся в каком-либо топосе, кроме данного: начертание сакральных диаграмм, произнесение сакральных формул, сакральная жестикуляция. Принятие мяса во время церемонии выражало прежде всего ритуальное действие — употребление еды, запретной в обычных условиях. В этом случае следует признать, что внесение процесса еды в ритуальную связь являлось скорее перенесением некоторого акта поведения из одного топоса в другой, чем включением топоса первого порядка целиком внутрь какого-либо иного. Мы не можем точно определить, каково было количество мяса, потребляемого адептом во время обряда, но имеющийся материал заставляет думать, что речь шла о небольшой доле и значение действия состояло в самом факте его совершения. Половой акт сакрализуется (переносится из топоса половой связи в топос культовой) таким же путем, т. е. он не просто приобретает еще одно значение, но принимает новый смысл, утрачивая прежний. На уровне единичного ритуального действия этот акт символизирует связь с богиней Шакти. Заметим, что на этом уровне моментом маркирующим данный акт как сакральный, будет *coitus sine ejaculatione*, а моментом специфически сакрального поведения — мыслительное сосредоточение субъекта на соединении с божеством.

Данная особенность культового поведения в тантризме проявляется также и в той функции, которую выполняет гуру — религиозный учитель, непременно имеющийся у каждого адепта секты. В отношениях гуру и руководимого им ученика роль гуру выражается прежде всего в его бытии как объекта религиозного почитания. Этот аспект выступает наиболее открыто в разнообразных в тантризме

обрядов посвящения. Знаменательно, что эта тенденция выделить из всего окружающего ученика мира одно конкретное лицо, долженствующее быть выражением идей объекта культа, как чего-то прежде всего пространственно отграниченного от субъекта, заметна и в других тантрических ритуалах — женщина в сакральном половом акте также выражает собой объект культовой связи в его противопоставлении субъекту. Роль гуру как носителя определенных знаний, передаваемых им ученику, имеет несомненно подчиненный характер. С точки зрения психологии поведения все вышеизложенное можно было бы обобщить следующим образом: прежде всего всякое значащее поведение переносится здесь в область нулевой связи, но в отличие от других систем организации поведения (Бхагавад-Гита), где процесс трансформации поведения на этом по существу заканчивается, тантризм продолжает его, перенося поведение из нулевой в культовую связь¹.

2. Принцип автономии во всех случаях его применения затрагивает, очевидно, только топос, в котором реализуется поведение, но не его тип². Система организации поведения, изложенная в Бхагавад-Гите, как раз и состоит в изменении топоса и завершается этим изменением; в тантризме же мы наблюдаем не только перенос поведения в культовый топос, но и определенную трансформацию этого поведения, причем последняя в большинстве случаев конструируется как поведение, противоположное общепринятому. Результат достигается иногда путем изменения объекта поведения: так в обряде «пять М» совокупление происходит не с женщиной, равной по касте, а с представительницей самой низкой касты, что было бы невозможно в топосе первого порядка. Особый вариант изменения объекта выражает собой практика, существовавшая в тех ответвлениях секты, где ученик, как правило, имел жену: во время обряда он должен был вступать в половой акт с женой другого ученика. Противоположность по социальному признаку (касте) заменена здесь противопоставлением брачных половых отношений половым отношениям в ритуале. В других

¹ В Бхагавад-Гите поведение, по существу, было оторвано от культовой связи с Кришной-Вишну.

² Можно сказать, что для Бхагавад-Гиты важен именно факт автономии безотносительно к тому, какое поведение автономизируется.

случаях изменение захватывает также и субъекта культурной связи: так вместо *ejaculatio seminis* происходит *coitus sine ejaculatione*, дополняемый, по верованиям тантристов, внутренним током *seminis virilis* вверх. Таким образом, здесь имеет место не только автономия (т. е. преобразование топоса), но и существенное изменение в типологическом плане. Тантризм вырабатывает здесь некоторый особый тип поведения — поведение, состоящее в организации поведения.

3. С точки зрения стоящей вне поведения категории состояния тантристское поведение представляется весьма активным и многопорядковым как в топологическом, так и в типологическом отношении. Вся ритуальная практика тантризма требует возникновения тенденции к изменению топоса поведения, к изменению типа поведения, а также к созданию текста поведения (последнее особенно выявляется в таких моментах как *dhyāna* и *samādhi*). Эта активность в поведении отличает тантризм от некоторых других разновидностей индийского аскетизма, характеризующихся стремлением к неизменности и однообразию типа.

4. Широкое понятие культа фактически объединяет три различных момента в поведении, именно магию, обряд и йогу. При этом магия имеет в виду прежде всего получение эффекта, достижение определенной практической цели, и таким образом, она, по существу, является суммой технических средств и приемов, направленных на это достижение. Обряд же представляет собой последовательность актов поведения, каждый из которых значим сам по себе и выступает как равноправный элемент по отношению к цели. Среди данных трех моментов йога занимает особое место. Неразрывно связанная с ритуалом, она состоит из серии технических приемов, подготовляющих адепта к соединению с божеством путем изменения его внутреннего психического состояния, а также в значительной мере и физиологического функционирования организма; в крайних своих проявлениях, впрочем, эта подготовка может быть воспринимается и как самоцель. Ритуальное поведение в тантризме несет на себе следы синтеза обрядовых и йогических действий при сравнительно небольшом участии магических элементов (заклинания и т. д.). Характерной особенностью является здесь своеобразная бисемантическая тантрического ритуала:

обрядовое действие во многих случаях может иметь в то же время характер йогического упражнения. В наибольшей мере это проявляется в центральной церемонии тантризма — «пяти М», которая в йогском ее аспекте выражает аккумуляцию жизненной энергии субъекта, причем достигнутый энергетический уровень служит для преобразования всего функционирования организма во вполне аскетическом духе, что и наступает по верованиям тантристов в результате поднятия «змеиной силы» (*kuṇḍalinī*) вместе с восходящим током (*seminis virilis*) вдоль позвоночника в головной мозг. Этот акт в тантризме связывается с преодолением дуальности и освобождением человека от телесных уз.

Таким образом, тантризм, очевидно, наиболее полно воспринял, а в дальнейшем также и трансформировал позитивную сторону древнеиндийского аскетизма, т. е. ту сторону, существо которой состояло не в прекращении деятельности, а в культивировании таких ее видов, которые было бы невозможно реализовать в какой бы то ни было нормальной общественной связи.

5. Возвращаясь к семантической интерпретации системы культового поведения в тантризме в терминах системы бытового поведения, мы расположим различные элементы и характеристики обряда «пять М» между двумя полюсами значений, именно: «аскетизм — минус аскетизм» (последний мыслится как отклонение от нормы в противоположную воздержанию сторону). Очевидно, что на уровне более общего рассмотрения оба эти значения будут противостоять норме как стандарту бытового поведения. В данном случае:

- питие вина — минус аскетизм,
- съедение мяса — минус аскетизм,
- съедение рыбы — норма,
- съедение поджаренных зерен — норма,
- (малое количество съедаемого и выпитого)³ — аскетизм,
- воздержание от *ejaculatio* — аскетизм,
- отвлечение сознания от объекта полового общения — аскетизм,
- половое общение с женой другого или с женщиной низкой касты — минус аскетизм,
- (большая продолжительность акта) — минус аскетизм.

³ Скобками выделены характеристики в отличие от элементов.

VI. ИСКУССТВО КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Л. С. Выготский

(Москва)

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА (АНАЛИЗ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ)¹

1. Центральной идеей психологии искусства мы считаем признание преодоления материала художественной формой, или, что то же, признание искусства общественной техникой чувства. Методом исследования этой проблемы мы считаем объективно-аналитический метод, исходящий из анализа искусства, чтобы прийти к психологическому синтезу. Вместе с Эйнекеном мы смотрим на художественное произведение как «на совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции», и пытаемся на основании анализа этих знаков воссоздать соответствующие им эмоции. Мы пытаемся изучать чистую и безличную психологию искусства безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства.

2. Всякое произведение искусства естественно рассматривается психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию. При этом, анализируя структуру раздражителей, мы воссоздаем

---

¹ Тезисы составлены В. В. Ивановым на основе текста неопубликованной монографии Л. С. Выготского (объемом 472 стр. машинописи), законченной в 1925 г. в Государственном институте экспериментальной психологии.

структуру реакции. Общее направление этого метода можно выразить следующей формулой: от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию эстетической реакции и к установлению ее общих законов. За основу исследования, за его исходную точку объективно-аналитический метод берет различие, обнаруживающееся между эстетическим и неэстетическим объектом. Элементы художественного произведения существуют до него, и их действие более или менее изучено. Новым для искусства фактом является способ построения этих элементов. Следовательно, именно в различии художественной структуры элементов и внеэстетического их объединения — ключ к разгадке специфических особенностей искусства. Основной способ исследования — сравнение с внехудожественным построением тех же элементов. Вот почему предметом анализа служит форма: она и есть то, что отличает искусство от неискусства, все содержание искусства возможно и как совершенно внеэстетический факт.

3. Наиболее удобным оказалось расположить исследование от простого к более сложному, и мы намерены предварительно рассмотреть басню, новеллу и трагедию как три постепенно усложняющиеся и возвышающиеся одна над другой литературные формы. Задача состоит в том, чтобы доказать, что басня всецело принадлежит к поэзии и что на нее распространяются все те законы психологии искусства, которые в более сложном виде мы можем обнаружить в высших формах искусства. В качестве предмета исследования мы остановились на баснях Крылова. Всякая басня и, следовательно, наша реакция на басню развивается все время в двух планах, причем оба плана нарастают одновременно, разгораясь и повышаясь так, что, в сущности, оба они составляют одно и объединены в одном действии, оставаясь все время двойственными (в «Волке на псарне» чем спокойнее, величественнее текут переговоры, тем ужаснее и страшнее действительная гибель, и когда мир заключен, тогда начинается травля). Катастрофой, или шпилькой, басни является заключительное ее место, в котором объединяются оба плана в одном акте, действии или фразе, обнажая свою противоположность, доводя противоречия до апогея и вместе с тем разряжая ту двойственность чувств, которая все время нарастала в течение басни.

4. От басни переходим к анализу новеллы. Два основных понятия, с которыми приходится иметь дело при анализе структуры какого-либо рассказа, всего удобнее обозначить как материал и форму этого рассказа. Под материалом следует разуметь все то, что поэт взял как готовое — житейские отношения, истории, случаи, бытовую обстановку, характеры — все то, что существовало до рассказа и может существовать вне и независимо от этого рассказа, если это толково и связно пересказать своими словами. Расположение этого материала по законам художественного построения следует называть в точном смысле этого слова формой этого произведения. Соотношение материала и формы в рассказе есть, конечно, соотношение фавулы и сюжета. Мы можем смотреть на новеллу как на чистый вид сюжетного произведения, главным предметом которого является формальная обработка фавулы и трансформация ее в поэтический сюжет.

Для исследования мы остановились на рассказе Бунина «Легкое дыхание». Рассказ этот не подвергся еще чрезвычайно сильной общественной рационализации, т. е. шаблонному и привычному истолкованию, с которым приходится бороться как с предубеждением и предрассудком почти при всяком исследовании привычного и знакомого текста, например, имея дело с такими общеизвестными вещами, как басни Крылова и трагедии Шекспира.

События в рассказе не разворачиваются по прямой линии, как это имело бы место в житейском случае, а разворачиваются скачками. Можно, следя за структурой формы, показать, что все искусные прыжки рассказа имеют в конечном счете одну цель — погасить, уничтожить то непосредственное впечатление, которое исходит на нас от этих событий, и превратить, претворить его в какое-то другое, совершенно обратное и противоположное первому.

5. Примем как допущение, что отсутствие характера может не только проистекать из явного намерения автора, но что оно может быть ему нужно для каких-нибудь совершенно определенных художественных целей, и постараемся раскрыть это на примере «Гамлета».

Трагедия все время дразнит наши чувства, она обещает нам исполнение цели, которая с самого начала стоит

перед нашими глазами, и все время отклоняет и отводит нас от этой цели, направляя наше стремление к этой цели и заставляя мучительно ощущать каждый шаг в сторону. Невероятность, лежащая в основе трагедии, спасена, потому она обставлена с двух сторон надежными стражами: с одной стороны, громоотвод откровенного бреда, рядом с которым трагедия получает видимый смысл; с другой стороны, громоотвод откровенной фиктивности, лицедейства, второй условности, рядом с которой первый план кажется настоящим. Это напоминает то, как если бы на картине находилось изображение другой картины. Другое противоречие заключается в том, что выбранные Шекспиром действующие лица как-то не соответствуют тому ходу действий, который он наметил, и Шекспир своей пьесой дает наглядное опровержение того общего предрассудка, что будто характеры действующих лиц должны определять собой действия и поступки героев.

Если в басне мы открываем два направления внутри одного и того же действия, в новелле — один план фабулы и другой план сюжета, то в трагедии мы замечаем еще один новый план: мы воспринимаем события трагедии, ее материал, затем мы воспринимаем сюжетное оформление этого материала и, наконец, третье, мы воспринимаем еще один план — психику и переживания героя. Два противоположных плана трагедии все время ощущаются нами как единство, так как они объединены в трагическом герое, с которым мы себя идентифицируем.

Во всякой драме мы имеем ощущение известной нормы и ее нарушения; структура драмы в этом отношении совершенно напоминает структуру стиха, где мы имеем известную норму, размер и систему отклонения от него. Герой драмы поэтому и есть драматический характер, который все время синтезирует эти два противоположных аффекта — аффект нормы и аффект нарушения, и потому герой все время воспринимается нами динамически — не как вещь, а как некоторое протекание или событие.

6. Всякое художественное произведение — басня, новелла, трагедия — включает в себе непременно аффективное противоречие, вызывает взаимно противоположные ряды чувств и приводит к их короткому замыканию и уничтожению. Это и можно назвать истинным эффектом художественного произведения, и мы при этом подходим

совершенно вилотную к тому понятию катарсиса, которое Аристотель положил в основу объяснения трагедии и упоминал неоднократно по поводу других искусств. Разряд нервной энергии, который составляет сущность всякого чувства, при этом процессе совершается в противоположном направлении, чем это имеет место обычно, и искусство таким образом становится сильнейшим средством для наиболее целесообразных и важных разрядов нервной энергии.

7. Шеррингтон сравнивал нашу нервную систему с воронкой, которая обращена широким отверстием к миру и узким отверстием к действию. Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки тысячью зовов, влечений, раздражений, ничтожная их часть осуществляется и как бы вытекает наружу через узкое отверстие. Эта неосуществившаяся часть жизни должна быть изжита. Искусство, видимо, и является средством для такого взрывного уравнивания со средой в критических точках нашего поведения. Переплавка чувств вне нас совершается силой социального чувства, которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества. Искусство есть общественная техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа. Искусство есть организация нашего поведения на будущее, установка вперед. Поэтому искусство можно назвать реакцией, отсроченной по преимуществу потому, что между его действием и его исполнением лежит всегда более или менее продолжительный промежуток времени. С психологической точки зрения роль критики сводится к организации последствий искусства. Она дает известное воспитательное направление его действию и, сама не имеющая силы вмешаться в его основной эффект, она становится между этим эффектом искусства как такового и между теми поступками, в которых этот эффект должен разрешиться.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
И СЕМИОТИКА

1. Исторические предпосылки. Возникновение «точного» подхода к искусству. Теории эстетического знака. Работы Г. А. Шпета, Я. Мукаржовского, Нильсена и др.

2. Основные понятия семиотики. Человек и знаковые системы. Одна из важнейших задач знака — квантование опыта (или, иными словами, внешних воздействий). Сложность определения понятий знака, знаковой системы (ср. такие проблемы, как: должна ли знаковая система быть орудием коммуникации, или, должен ли знак быть немотивированным). Основные понятия семиотики: деление семиотики по уровням абстракции на прагматику, семантику и синтаксис. Определение знака Ч. Пирсом как некоторого элемента x , заменяющего субъекту (интерпретанту знака) некоторый элемент y (денотат) по свойству R .

Разделение знаков на знаки-изображения (icon), знаки-индексы и знаки-символы.

Семиотика как основа гносеологии, ее связь с противопоставлением я/не Я.

Связь понятия знака с более широким понятием сообщения, несущего информацию, не являющимся гносеологическим. Возможность рассмотрения денотата как от прав и т е л я с о о б щ е н и я.

3. Анализ выражения. «Выражение», вызывающее положительную оценку зрителей, как основа анализа искусства.

Разложение выражения на элементы восприятия с их синтаксисом (например, точки, образующие линии с определенным набором формул, или пятна на плоскости) и информацию двух видов: внешнюю (репрезентативную) и внутреннюю (эмоциональную). Эстетическое как некоторое ограничение синтаксиса элементов восприятия. Применение семиотических понятий к анализу выражения.

Эстетические ограничения являются с точки зрения семиотики синтаксическими явлениями; выражение с репрезентативной информацией может рассматриваться как знак-изображение; и, наконец, выражение с эмоциональ-

ной информацией может рассматриваться как сообщение, т. е. как некоторое расширение понятия знака (сходного с символом, однако, частично мотивированного).

Второй аспект эстетического в выражении с репрезентативной информацией: эстетическое как функция от простоты и экономности изображения.

Возможность многих интерпретаций выражения как существенный момент в искусстве. Поиск интерпретации для эстетических выражений — распространенное психическое явление (на чем, к примеру, построен метод Роршаха, применяемый в нейропатологической диагностике, но также в коллективной и культуральной психологии).

Проблема абстрактного в искусстве. Распространенное понятие «абстрактного» может относиться как к выражению с репрезентативной или эмоциональной информацией, так и к эстетическому выражению, не несущему информации.

Эстетические ограничения как центральная проблема семиотической эстетики.

Некоторые сведения из истории искусствознания: «мания красоты» Хогарта, «золотое сечение» и вся группа пропорций, связанная с выражением $\sqrt{5}$, работы Биркхофа и т. д.

Прекрасное в человеческих произведениях и в природе. Общее математическое выражение для того и другого.

Возможность аналогии с концепцией трактата Л. Витгенштейна: как ситуации мир и язык имеют общую структуру (концепция Витгенштейна), так мир и искусство имеют общую эстетическую структуру.

Возможность существования эстетических ограничений на разных субстанциях: в языках восприятия с различными субстанциями — звуковой, цветовой, ахроматической, вкусовой и т. д., в языке логическом (ср. «красивое» решение задачи), в языке поведения (ср. «хорошие манеры», «красивая» игра).

Опыты перевода музыки в цвет и наоборот.

Зависимость эстетических ограничений от этнического коллектива и времени.

4. Произведения искусства в акте коммуникации. Задача коммуникации для различных знаковых систем. Структура коммуникативного акта для произведения искусства.

5. Некоторые задачи семиологической эстетики. Объективное развитие эстетики, с одной стороны, и искусствоведения и психологии творчества и восприятия, с другой, требует создание единой эмпирической науки. Как и во всякой эмпирической науке, задачи эстетики носят двойственный характер: с одной стороны, необходимо логическое осмысление имеющихся фактов. С другой стороны, необходимы поиски новых фактов и проверка существующих гипотез.

В качестве одного из возможных направлений исследования можно указать на изучение «выражений» природы (рисунок на камнях, формы облаков, формы и расцветки у растений и животных и т. д.) — так как это явно неинтерпретированные выражения — на математическое описание их и на дальнейшую проверку этих выражений (или выражений, построенных по тем же формулам) на информантах, представляющих разные национальности или культуральные группы.

Б. А. Успенский

(Москва)

О СЕМИОТИКЕ ИСКУССТВА

Памяти Марины Соломиной

1. Произведение искусства можно рассматривать как текст, состоящий из символов, в которые каждый подставляет собственное содержание (в этом отношении искусство аналогично гаданию, религиозной проповеди и так далее). При этом социальная обусловленность при постановке содержания здесь гораздо меньшая, нежели в языке; вообще, многозначность (принципиальная возможность многих интерпретаций) составляет существенную сторону произведений искусства. Под значением можно понимать ряд ассоциаций и представлений, связываемых с тем или другим символом. Значение вообще определяется как инвариант при обратимых операциях перевода (К. Шеннон). В данном случае имеет место перевод символов искусства в ряд ассоциаций и абстрактных представлений [этот перевод особенно нагляден при статической передаче движения путем фиксирования отдельных последовательных стадий движущегося объекта

(на фотографиях, а также в картинах футуристов), которые переводятся в движение взгляда зрителя (инвариантом тут является абстрактное понятие движения); или в примере с Лаокооном у Лессинга; ср. перевод звуков в артикуляционное движение при некоторых звукоподражаниях, где инвариантом является ощущение, соответствующее данной артикуляции]. Причем, если искусство достигает своей цели, эта операция обратима в том смысле, что зритель естественно ассоциирует данное представление с данным образом. Тем самым имеет место переход символов искусства из плана выражения в план содержания.

Если движение науки в общем направлено на создание нового метаязыка, включающего и объясняющего данный язык (теорию) (т. е. тенденция подойти с более широкой точки зрения, взяв данную теорию как объект новой, более общей теории), то задача искусства — совершенно обратная: сделать наши обычные представления метаязыком какого-нибудь более узкого и наглядного явления (по-новому рассмотреть данное явление в уже существующих терминах, в уже сложившихся условных связях) (ср. «остраннение» в работах русских формалистов).

Семиотику искусства определяет, по-видимому, и его целевая направленность. Последняя обуславливает задание: искать содержание в произведении искусства. Именно отсутствие такого задания отличает явления природы от произведений искусства. Явления природы могут не уступать произведениям искусства (при равноправном рассмотрении); однако именно естественность этих явлений, отсутствие задания на содержательную интерпретацию препятствует их эстетическому восприятию. В то же время с точки зрения религиозного мировоззрения эти явления могут получать осознанный смысл. Ср. речения сектантов как пример ситуации, когда только целевая направленность заставляет «заумные» сочетания звуков восприниматься как язык.

2. Развитие искусства в общем аналогично развитию языка. В диахроническом разрезе искусство, как и язык, можно представить как систему, постоянно стремящуюся к устойчивому состоянию. И искусство и язык в каждый данный момент характеризует стремление к некоей норме, наряду с отклонениями от нормы; когда эти отклонения становятся частыми, они сами образуют новую

норму (в этом отношении аналогия с самовоспроизводящими системами). Норма определяется предсказуемостью того или иного явления (на основании предшествующих явлений или заданной вперед информации). Она знаменует уже сложившиеся связи между знаком и содержанием (например, дождь в окне, символизирующий минорное настроение героя), а также может выражаться ограничениями, накладываемыми на выражение (например, размер в стихе) или содержание (сюда могут относиться, например, задаваемые заранее моральные установки того общества и того времени, к которым относится данное произведение искусства). Частичные отклонения от создавшейся нормы, как обладающие малой предсказуемостью, несут эстетическую информацию и составляют искусство. Тем самым эстетический знак может быть таковым только по отношению к норме, т. е. представляет ссылку на значение, а не на денотат (символ в искусстве как знак знака знака...).

Реальный текст искусства представляет последовательность эстетических и обычных знаков. Отношение к норме можно считать научной интерпретацией понятия условности. С этой точки зрения всякое произведение искусства условно¹, поскольку всегда предполагает какую-то норму, на фоне которой оно воспринимается; отсутствие нормы — т. е. отсутствие ограничений в возможных комбинациях элементов выражения и содержания — представляет чистый формализм и потому не может быть содержательно². Вопрос об истинности или правильности этих ограничений неправилен (выходит за рамки теории искусства). Когда зритель приходит

---

¹ Интересно было бы сравнить различные произведения искусства по степени условности. Для этого нужно, по-видимому, перевести эстетическую информацию языка искусства на нормированный (искусственный) язык и затем сравнить получившиеся тексты по их длине; поскольку ссылка на норму делает передаваемую информацию более насыщенной (создает минимум избыточности), очевидно, самый длинный (относительно) текст перевода будет соответствовать наиболее условному фрагменту искусства. Интересной, но трудной задачей представляется и выявление общей тенденции исторического развития искусства по увеличению или уменьшению условности.

² Эстетическая ценность «зауми» в том, по-видимому и состоит, что предлагаются некоторые экспериментальные сочетания с нулевым значением, на которые проецируется уже усвоенная норма (в то же время, если «заумь» преобладает, то норма теряется, как в про-

в театр, вместе с ограничениями в месте, времени и действии ему обычно задаются некоторые оценочные ограничения (моральные установки); он может быть с ними несогласен (в жизни, не в искусстве), но, принимая их как исходные допущения, способен получать эстетическое наслаждение. Высказывания резонеров представляют пример чистой нормы (тем самым они не могут нести эстетическую информацию).

Отношения нормы и отклонений от нормы могут быть представлены как синтаксические отношения в искусстве. Эти отношения аналогичны отношению языка и речи. Искусство без реконструкции нормы не представляет системы (так же, как и речь, без реконструкции языка). Эти отношения, таким образом, характеризуют синхронную (а не только диахронную) искусства. Норма, по-видимому, присутствует в любой развивающейся семиотической системе и есть тем самым категория семиотики.

3. Онтогенез искусства аналогичен, по-видимому, онтогенезу языка. Фонетическое сходство заставляет поэта искать и смысловые связи между словами — таким образом фонетика рождает мысль (аналогично и в других видах искусства). Ср. детскую речь, где произносится набор звуков, а затем к ним подбирается ситуация. Ср. также «поэтическую машину» Н. С. Гумилева, экспериментальное комбинирование слов схоластами для получения смысла, талмудическое толкование Библии.

4. Таким образом, как в процессе, так и в результате искусство может составить предмет семиотического исследования. Некоторый набор знаков внушает художнику содержание. Он организует его отчасти по формальным правилам (в норму и отклонения от нее); в результате получается последовательность символов, которые зритель наполняет своим содержанием (лишь частично совпадающим с содержанием художника или другого зрителя); тут имеет место характерная для искусства передача процесса творчества от художника к зрителю.

изведениях Крученых). Споры о ценности абстрактного искусства сводятся к тому, можно ли увидеть норму, по отношению к которой оно может восприниматься (а также к тому, является ли отсутствие нормы своего рода нормой).

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КИНОЯЗЫКА

1. Рассмотрим экспериментальный фильм. В фильме 2 кадра. Сначала на экране время $t_1^{(1)}$ длится кадр 1, затем время $t_1^{(2)}$ кадр 2, время $t_2^{(1)}$ снова кадр 1, время $t_2^{(2)}$ кадр 2, и т. д. Сценарий этого фильма может быть записан так: $t_1^{(1)}$, $t_1^{(2)}$, $t_2^{(1)}$, $t_2^{(2)}$, $t_3^{(1)}$, $t_3^{(2)}$, $t_4^{(1)}$, ..., где каждое t — время кадра на экране. Например: 8, 11, 8, 13, 8, 14, 8, 7, 8, 10.

При создании фильма следует реализовать кадр 1, кадр 2 и числовой ряд. Простейшим элементом фильма назовем минимальный элемент, выделяемый психикой зрителя. Вид элементов зависит, конечно, от индивидуальности зрителя. Но в нашем простом фильме можно добиться того, чтобы зритель выделял одни и те же элементы фильма. Кадр 1 и кадр 2 независимы друг от друга, каждый из них находится на экране достаточное время. Поэтому отделяются кадр 1 и кадр 2. Остается третий элемент. Ритм, определенный последовательностью чисел. Итак, фильм содержит 3 элемента: кадр 1, кадр 2 и ритм. Эти элементы выделяются и запоминаются зрителем. Комбинируя их с элементами, имеющимися в памяти, зритель создает внутренние фильмы. Для проверки можно попросить зрителя сделать этот фильм.

Сколько фильмов может создать зритель? Фильм определяется набором K элементов. Если в памяти имеется n элементов, зритель может создать 2^n фильмов. Если присоединить фильм, содержащий n_1 элементов, количество фильмов ответа увеличится в 2^{n_1} раз и станет равным 2^{n+n_1} . Маловероятно, чтобы разные люди дали один ответ. Ответ зависит от индивидуальности зрителя.

Одни и те же элементы разных фильмов зритель считает разными. Число элементов ответного фильма обычно не более числа элементов показанного фильма. Если он неразложим, он полностью войдет в ответные фильмы. Ответы будут почти одинаковы у каждого.

2. Понятие близости киноэлементов. Множество киноэлементов состоит из зрительных образов и ритмов.

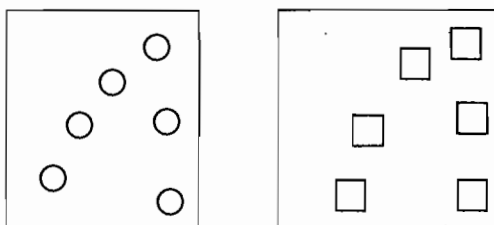
Пусть a — некоторый образ. Он является изображением предмета c (фиг. 1), снятым в какой-то точке. Изображения, снятые из других точек, назовем близкими a . Разобьем пространство перед c на зоны. Некоторые зоны можно упорядочить. Например, зоны: 1, 2, 3. 1,2,9. 1,7,10. 1,8,12.

12	9	3	6
11	8	2	5
10	7	1	4
c			

Фиг. 1.

Окрестностью назовем упорядоченный набор изображений, каждое из которых снято из своей зоны. Элементы одной зоны в окрестности не повторяются.

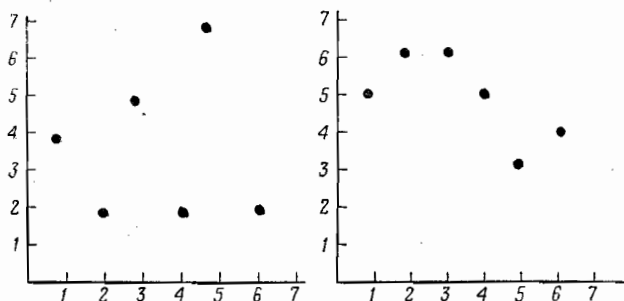
Другим видом близости является естественная близость кадров. Назовем кадры естественно-близкими, если они почти совпадают, если площадь несовпадающих при наложении кадров частей мала. Будем считать близость транзитивным свойством. Два элемента близки, если каждый близок третьему. Можно показать, что близки кадры, имеющие одинаковую композицию (фиг. 2).

Фиг. 2

Близость ритмов. Межкадровый ритм определяется последовательностью чисел и является неразложимым элементом. Построим график каждого ритма. На оси X отложим номер кадра, на оси Y его экранное время (фиг. 3).

Сравнивать ритмы будем по их графикам. Ритмы естественно-близки, если сумма отклонений графиков друг от друга мала. Можно указать, ряд преобразований графика, переводящих ритм в близкий ритм. Преобразования: параллельный перенос вдоль оси X , параллельный перенос вдоль оси Y , растяжение вдоль оси Y в k раз, отражение

Фиг. 3

от прямой параллельной оси Y . Возможны и другие преобразования, сохраняющие близость.

3. Каждый элемент имеет набор близких элементов. Они объединяются в окрестности, определяющие топологию в пространстве киноэлементов. Топология своя у каждого человека. Следует различать внутреннюю и внешнюю топологию. Внешняя топология определяется близостью элементу кинофильма. Внутренний элемент создается психикой человека. Близость к нему внутри психики определяет внутреннюю топологию. Видимо, обе топологии различны. Из этого предположения следует вывод. Разные фильмы не могут вызвать одинаковые ответы. Обучением назовем вызванное внешним фильмом изменение топологии человека. Обучающий фильм должен содержать окрестности.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ЕДИНСТВО
ЖИВОПИСНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

§ 1. Мы оперируем понятиями «прямой»: «обратной» и «усиленно-сходящейся перспективы». Явление прямой перспективы известно из житейского опыта (две параллельных линии, зрительно сокращаясь, дают точку схода на уровне горизонта). Всякий развод параллельных линий поднимает точку схода над уровнем горизонта, при определенном разведении точка схода исчезает, а при дальнейшем увеличении разведения — падает под горизонт и под основание предмета. При этом поле зрения предельно сужается и в него попадает один предмет. Это явление называется «обратной перспективой». «Усиленно-сходящаяся перспектива» является зеркальной (противоположной) «обратной перспективе». Определив вид перспективы, мы можем реконструировать зрительную установку (точку зрения) художника. Следует заметить, что в одной картине возможно «сосуществование» разных перспективных систем; (наглядный пример уравнение размеров в русских иконах: церковь и человеческая фигура равны).

§ 2. Знание перспективных систем позволяет реконструировать реальные формы предмета, деформированные в живописном изображении (например, стол в рублевской «Троице»); найти не только угол зрения художника, но и его отношение к изображаемому, моделирующее мир. Чередование точек зрения или чередование перспектив позволяет передавать динамику, т. е. восприятие во времени. Эта передача времени возможна в условиях материально-насыщенного изображения.

§ 3. Вопреки установившемуся мнению, в византийской и древнерусской живописи материальность изображений достигает предела; на массу, на весомость древнего изображения указывает целый ряд черт и, прежде всего замедленность передаваемых движений (тучные, тяжелые люди и животные движутся медленно). О той же материальности говорит полыхающий колорит древней живописи, построенный на тепловых оттенках красного, замедленного конца спектра, а также резкая, энергичная оконтуренность и унифицирующая плотность поверхно-

стей — все кажется одинаково каменным (ср. «материальную» живопись Сезанна). Однако, материальность, достигшая предела, уже перестает восприниматься как таковая, подобно тому как звук слишком большой частоты перестает восприниматься слухом (поэтому столь противоречивы оценки материальности древней живописи).

§ 3. В соответствии с такой сверхматериальностью в пространственной системе древнего изображения оказываются сильнейшие изменения, выражающиеся в зрительных деформациях (динамическая позиция, искривление светового луча, перспективные отклонения).

§ 4. Анализ иконно-горного пейзажа («горки», «лещадки» или «площадки» — геометрия, а не геология).

§ 5. Начиная с Возрождения происходит «спад» материальности; изображение несколько отодвигается в глубь пространства, появляется объемность. Этот процесс, развиваясь, приводит во второй половине XIX в. к импрессионизму, где все зыбко, лишено устойчивости и плотности; пространство явно вытесняет материю.

§ 6. Охват в пространстве есть вместе с тем и охват во времени. Яркий пример: изображение казни Иоанна Предтечи в византийской и древнерусской живописной традиции. Суммируются два момента — предшествующий и последующий, взмах меча над головой Предтечи и уже отрубленная голова, лежащая на блюде. Такое парадоксально-выраженное расщепление пространственно-временного момента происходит в условиях крайне замедленного временного течения. В связи с этим — предельная материальность изображения, приводящая к отвлеченным формам (см. § 2—3). В этом отношении характерно изображение тарелки, на которой лежит голова Предтечи. Геометрически-правильный круг тарелки дематериализует форму, — тарелка может быть принята за нимб над головой, т. е. за нечто совершенно лишенное материальности.

§ 7. В связи с освобождением предметов от материальной перегруженности происходит сокращение временного охвата, который продолжается вплоть до XIX в. В XIX в. две временные точки, его ограничивающие, сближаются все теснее и теснее и, наконец, сливаются в один короткий «импрессионистический» момент.

§ 8. Таким образом, живописное произведение моделирует на двумерную плоскость холста не просто объем-

ный трехмерный мир, но четырехмерный континуум «пространство — время». Мы пытались подчеркнуть это утверждение целым рядом наблюдений, связывая материальность живописной формы с явлениями пространства и времени. Древний художник касался в своем творчестве сложных проблем «в себе замкнутого» кривого пространства. Такой вывод может показаться невероятным, тем более, что мастера древнего искусства в большинстве случаев едва ли знали более четырех действий арифметики. Как же согласовать это? Объяснение может быть только в одном — художник, и в особенности, древний художник в своем искусстве опирался на изначальный импульс всякого культурного продвижения — на творческую догадку, — только таким путем объясняется предвосхищение научных истин, ставших достоянием науки лишь в XX в. Искусство опережало науку. В живых образах искусства наука могла бы найти подтверждение своих теоретических положений и выводов (живописное произведение, однако, не чертеж и не математическая формула. Если в его составе и обнаруживаются закономерности физико-геометрического характера, то лишь в приближенной, суммарной форме. Точность определения, какое бы то ни было числовое значение исключается в силу самого существа живописной формы, — она продиктована чувством, а не ответом и циркулем).

В. Г. Вейсберг

(Москва)

КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ КОЛОРИСТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Опыт докладчика в живописи основан как на изучении европейских мастеров, так и на самонаблюдении за творческим процессом. Доклад строится по этим двум разделам.

1. Опыт изучения европейских мастеров колоризма привел докладчика к выводу, что до Сезанна колоризм был скорее качеством дарования отдельных художников (Греко) или небольших групп (венецианская плеяда: Тициан, Веронез, Тинторетто). Только после Делакруа колоризм постепенно становится на научную основу и лишь только у Сезанна он окончательно стал абсолют-

ной формальной проблемой (изучение построения цветочных структур).

2. Основные виды колористического восприятия и соответственная реализация их живописных структур в композиции и рисунке (см. табл.).

А. К. Жолковский

(Москва)

О МОДЕЛИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СЛУШАТЕЛЯ МУЗЫКИ

1. Очевидно наличие ряда аналогий между естественным и музыкальным языком. Обычно отмечают, что в обоих случаях мы имеем дело со сложными системами определенным образом организованных звуков, что эти системы используют ограниченное количество дискретных акустических соотношений или релевантных признаков, и что эти признаки могут образовывать как одновременные, так и последовательные комбинации¹. Очевидно также, что рассматриваемые в музыкознании закономерности гармонии, лада, метро-ритма, голосоведения и т. д. являются аналогией грамматического описания языка и могут лечь в основу правил порождения отмеченных последовательностей нот (ср. работы Зарипова по автоматическому порождению правильных мелодий); на основе этих закономерностей можно также построить правила (аналогичные правилам синтаксического анализа языковых текстов), которые бы разлагали музыкальный текст (скажем, мелодию) на простейшие, «лексические» сочетания элементов в каждом из его измерений.

2. Интересно было бы дополнить такой синтаксический анализ семантической интерпретацией. Существуют некоторые интуитивно устанавливаемые соответствия между музыкальным и естественным языком, которые реализуются в словесных описаниях музыкальных произведений и их частей как «созерцательных», «радостных»,

---

¹ См., например, статью Дж. Спрингера в сб.: «For Roman Jakobson», 1956).

Таблица

Опыт в само- наблюдении за живопис- ной информа- цией	Опыт изучения мастеров				Опыт в самонаблю- дении. Био механика, метод	
	Типы воспри- ятия	Абсолюты	Живописная структура	Композиция		Рисунок
Информа- ция мгно- венная (ко- роткая)	Чувст- венный, 1-сигнал	Матисс	Большие цве- товые пятна	Цветовой узор (орнамент)	Силуэт	Сравнение
Длитель- ная	Аналити- ческий, 2-сигнал	Сезанн	Конструкция (структура больших цвето- вых пятен)	Архитектур- ная, кубиче- ская	Конструк- тивный шар, конус, куб	Сравнительный анализ
Бесконеч- ная	Подсозна- тельный, 3-сигнал	Самые вы- сокие перио- ды творчест- ва у многих живописцев, обычно в конце жиз- ни	Неузнавание цвет. пигмента больших пятен при полном по- строении их конструкций	- Баланс меж- ду узнаванием и неузнаванием навания как композиция структуры	Пластиче- ская дефор- мация, изме- нение про- порций, ус- таповка на неузнавание	Автоматизм 1) дети до созре- вания, 2) Пейзажисты при быстро меня- ющихся состояни- ях природы 3) Опыт и наира- вленность старых мастеров рождает автоматическую свободу

«стремительных», «торжественных» и т. п. На мысль о возможности автоматизации такого «реферирования» музыкальных текстов наводит наличие в современном музыкознании особого «семантического» направления, которое мельчайшим комбинациям элементов мелодической линии, лада, гармонии ритма («словам») приписывает определенный круг значений, или выразительных возможностей, формулируемых при помощи слов естественного языка, например, «широкий», «незаполненность», «исчерпание», «равновешенность», «извилистый» и др., сообщается также ряд принципов членения нотного текста, влияющих на его истолкование, правил контекстного выбора одного из нескольких значений, закономерностей взаимодействия разных сторон мелодии (см. работы Л. А. Мазеля).

3. Помимо музыкальных терминов, словарь «семантического» музыковедения в основном совпадает со словами неспециального русского языка (семантика которых исследуется в ЛМП 1 МГПИИЯ): это во-первых, слова, описывающие объективные процессы в мелодии («начинаться», «повторяться», «увеличиваться», «широкий»); во-вторых, слова, дающие причинное, энергетическое и т. п. истолкование этих процессов («прорыв», «разрядка», «противодействие», «подчеркивает»); в-третьих, слова, обозначающие эмоциональные впечатления, вызываемые музыкой («скорбный», «задорный», «возвышенный» и т. п.).

По-видимому, уже сейчас можно было бы на несложном материале (скажем, ограниченного количества песен) совместно с музыковедами печатать составление правил перевода нотного текста сначала в информационную запись (соответствующую терминологическому описанию музыки), а затем в слова I, II и III типов.

4. Намечаемое моделирование хотя бы одного из возможных типов языкового поведения по поводу музыки представило бы интерес для лингвистики, так как во-первых, оно означало бы автоматизацию употребления слов применительно к внеязыковым фактам (в отличие от случая перевода с одного естественного языка на другой), причем, во-вторых, этими словами были бы «общие» слова русского языка, не принадлежащие к какому-либо специальному надъязыку (в отличие от случая перевода с информационных языков).

VII. СТРУКТУРНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. Жолковский, Ю. Щеглов
(Москва)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОСТРОЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ПОЭТИКИ

1. Термин «структурная поэтика», образованный по аналогии со «структурной лингвистикой», имеется в виду применять не к какой-либо новой, «кибернетической» отрасли литературоведения, а к литературоведению в целом, в том числе к уже существующим работам, в той мере, в какой они содержат научные и системные, а не эклектические представления о своем предмете. В настоящем докладе предлагается понимание художественного (в частности, литературного) произведения как устройства, или системы (это слово употребляется здесь в том же смысле, что и в структурной лингвистике), работа которой направлена к единой цели: привести воспринимающего (читателя) в желаемое душевное состояние, вызвать у него нужные автору реакции¹ (такой взгляд содержится,

---

¹ Авторам кажется, что на постоянном начальном этапе построения структурной поэтики целесообразно, в интересах скорейшего непосредственного перехода к конкретной работе над литературным материалом, не начинать с проведения массы возможных различий и границ внутри последнего (например, различий между «сознательным», «целенаправленным», и «интуитивным» творчеством, между светским и сакральными жанрами, между «тенденциозной» и «медитативной» литературой, между языком литературы и языком кино и т. п.). Вряд ли полезно, приступая к работе, связывать себя всем этим грузом непроверенных представлений. Кроме того, на раннем этапе, по-видимому, следует ограничиться более или менее упрощенными представлениями о психологии воспринимающего.

например, уже в работах Аристотеля, см. ниже). Полноценное описание литературного текста должно последовательно показать, как некоторый единый «заряд» идей и чувств вырабатывается на всех уровнях вещи.

2. Заслуга рационального в принципе подхода к литературе принадлежит «формальной школе» в русском литературоведении (Общество изучения теории поэтического языка). В центр внимания ставилось выявление отличий «поэтического ряда» от «практического». Литература рассматривалась как особый объект, автономный по отношению к быту, религии, мифологии, биографии автора и пр. Мысль о литературном произведении как «не материале, а отношении материалов» (В. Шкловский) соответствует общепринятым в лингвистике со времен Соссюра представлениям о системе. В качестве самого общего конструктивного принципа художественных построений выдвигалось «остранение» (выведение вещи из привычных, «автоматизированных» связей с целью заставить читателя заново ощутить и «пережить» вещь). Формалисты имели отчетливо функциональное представление о строении литературных произведений, которые они стремились описывать как наборы инвариантов, выявляемых на основе их функций в системе (см. В. Шкловский «Новелла тайн», где однотипные новеллы сведены к последовательности синтаксических единиц — постоянных звеньев сюжета; ср. также идею изоморфизма уровней, например, замечания Шкловского о словесном и сюжетном тропе).

Все же работы формалистов имеют преимущественно историческую ценность, так как они в основном сводятся к выявлению наиболее общих «конструктивных принципов», лишь отличающих литературу от нелитературы, или же к более или менее общему описанию отдельных уровней (например, «интаксиса»).

3. Особый интерес представляет книга В. Я. Проппа «Морфология сказки», явившаяся опытом чисто дескриптивной грамматики жанра на уровне ситуативных единиц (мотивов, или «функций»). Сюжет 100 сказок пересказывается Проппом в единой схеме из 31 обобщенной сюжетной единицы. Детальный анализ сюжета по «функциям» сопровождается нетривиальными синтаксическими правилами сочетания этих «функций». Всей этой структурной грамматике сказки не дается у Проппа никакой интерпретации в плане художественного воздействия сказки на

читателя или слушателя. Тем не менее, книга Проппа может считаться образцом технически безупречного анализа целого жанра хотя бы лишь в одном из необходимых аспектов. Этот пример показывает близость вопросов структурной поэтики к вопросам (в большей части уже решенным) структурной лингвистики и убеждает в том, что поэтика должна входить в комплекс тех гуманитарных наук, которые используют кибернетические методы и стремятся к моделированию своих объектов.

4. По-видимому, подобного рода выделение полного набора синтаксических инвариантов в литературном тексте лишь в исключительных случаях (например, в только что рассмотренном) практически осуществимо без обращения к тому «идейному тезису», который автор желает высказать, эмоционально внушить, т. е. к теме.

Многие работы советского литературоведения 30-х годов сохраняют свою ценность именно благодаря умению формулировать темы (главным образом не отдельных произведений, а всей продукции того или иного автора или школы в целом). Ср. работы В. Р. Гриба, в которых даны общие схемы мировоззрения Бальзака, Мольера и др., в свете которых становится в принципе возможным выявить функции основных мотивов и действующих лиц. Литературоведение 30-х годов характерно своим интересом к общей «расстановке сил», системе оценок и пристрастий автора, тенденциям развития событий и т. п. Однако ясно, что такой интерес к теме еще не исчерпывает задачи полного описания «работы» художественных произведений (см. п. 1 тезисов), а является лишь предварительным шагом исследования.

С. М. Эйзенштейн (взгляды которого на строение художественных произведений отличаются от взглядов всех упомянутых выше литературоведов структурным пониманием содержания и последовательной конструктивностью) считает темой такую формулировку содержания вещи, которая позволяет простейшим и единым образом объяснить все частности, начиная от сюжетных эпизодов или мотивов (в смысле Проппа) и кончая деталями характеров, описаний и проч. (ср. статью «Вопросы композиции»).

5. Если выявление темы (см. п. 4 тезисов), по-видимому, должно выполняться в каждом конкретном случае «заново», то существует во всяком случае один аспект

литературных произведений, описание которого могло бы стать систематическим и универсальным. Имеется в виду вся область приемов выразительности, независимых от темы и материала, который они оформляют. Ср. статьи С. М. Эйзенштейна «О строении вещей» и «Пушкин и кино», а также его неопубликованный курс лекций для МГУ по психологии выразительности (сообщено А. Р. Лурия). Сюда, по-видимому, относятся абстрактные схемы расположения любого тематического материала (типа «усиленного повтора», «золотого сечения», контраста, постепенного сплетения двух тем, и т. п., функция которых просто в выразительной, удобной для восприятия подаче фактов). Особый ряд приемов более конкретного уровня составляют фигуры, призванные навязывать воспринимающему определенные душевные состояния (ср. замечания Эйзенштейна о предлагаемой кинозрителю «экстатической формуле», или «прописи экстаза»). Такая семантика минимальных сочетаний элементов разрабатывается, например в современном музыкознании (ср. работы Л. А. Мазеля, в которых каждому типу простейших звуковысотных, ритмических и ладо-гармонических фигур приписывается собственный круг выразительных возможностей в терминах вызываемых ими эмоциональных настроений. Начатки теории оптимального построения сюжета из темы и заданных элементарных ситуаций, при котором дается семантическая интерпретация каждому из возможных сочетаний этих ситуаций, имеются в «Поэтике» Аристотеля, гл. 14).

6. Таким образом, «структурной» имеется в виду называть поэтику, которая будет развиваться не как «поток сознания» авторов литературоведческих статей, а как поиски наиболее простых и конкретных ответов на очерченный круг вопросов, а также на те вопросы, которые будут возникать в ходе этой работы. При этом процесс исследования может еще долгое время оставаться интуитивным; важно, чтобы получаемое в результате описание отвечало примерно всем тем же требованиям, которые предъявляются к моделям порождающих устройств (например, языка). При этом представляется целесообразным понимать функцию литературного произведения как устройства в том смысле, который предложен в п. 1 тезисов,

ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИИ И ПОЭТИКА

§ 1. Поэзия как язык, средство передачи информации. Определение количества информации, содержащегося в одной букве о с м ы с л е н н о г о текста. Различные критерии осмысленности текста в научной, деловой и художественной литературе.

§ 2. Язык как материал поэзии. Ограничения, налагаемые поэтическим текстом на сочетания букв, слов и предложений согласно грамматическим и семантическим правилам языка. «Поэтические вольности» как расширение информационнои емкости поэзии.

§ 3. «Коэффициент гибкости изложения» в прозаической и поэтической речи. Его экспериментальное определение. Различные критерии «гибкости изложения» (в зависимости от текста).

§ 4. Коэффициент «формальных правил» поэзии. Требования, налагаемые ритмом, рифмой, звуковой «инструментовкой».

§ 5. Экспериментальное определение величины «жесткости метра» для четырехстопного ямба.

§ 6. Величины «жесткости метра» для других стихотворных размеров.

§ 7. Трудность рифмы для языка и экспериментальное определение величины коэффициента «трудности рифмы».

§ 8. Трудность классической и современной рифмы. Соотношение ритмических и «рифменных» коэффициентов.

§ 9. Величина информации, содержащейся в одной букве поэтического текста.

§ 10. Поэзия как средство передачи «внесмысловой» информации. Ритм, рифма, звуковая инструментовка как дополнительные средства передачи информации.

§ 11. Метр как поэтический образ.

§ 12. «Многоканальность» поэзии. Изучение отдельных «каналов связи» на современном уровне математического анализа стиха. Возможность синтеза при достаточном уровне знаний о стихе. Автоматы параллельного действия и работа сознания и подсознания поэта.

О РИТМИКЕ
РУССКОГО ТРЕХУДАРНОГО ДОЛЬНИКА

1. Трехударный дольник — это размер, которым написаны такие стихи, как «Вхожу я в темные храмы» Блока, «Все живое особой метой» Есенина, «Время, что ли, у нас такое» Суркова и множество других. Это стих с тремя сильными местами и слабыми промежутками между ними, объем которых колеблется от 1 до 2 слогов. Различные сочетания междуударных интервалов дают следующие 5 основных ритмических форм трехударного долника (остальные возможные формы малоупотребительны и воспринимаются как их варианты):

I форма: «Ты в поля отошла без возврата...»

II форма: «И король, нахмуривший брови...»

III форма: «Потемнели, поблекли залы...»

IV форма: «Зажигал последний свет...»

V форма: «Неожиданный Аквилон...»

2. Материалом для обследования послужили свыше 38 000 стихов русского долника 80 поэтов от Брюсова и Блока до наших дней. Статистическому учету подверглись следующие 4 ритмообразующих элемента долника: 1) ритмические формы; 2) анакрузы (доударные начала строк); 3) расположения словоразделов; 4) сверхсхемные ударения на первом слоге анакрузы. Эти эмпирические данные сопоставлялись с характеристиками, вычисленными теоретически по теореме о перемножении вероятностей¹.

3. Результаты показали, что в долнике можно различить две категории ритмообразующих элементов: первичные (расположение ударений и анакрузы) и вторичные (словоразделы и сверхсхемные ударения). Вторичные элементы в своем распределении близко следуют вероятности, рассчитанной на основании естественных ритмических тенденций языка. Первичные элементы в своем распределении сильно отклоняются от этой вероятности,

---

¹ См. Б. Т о м а ш е в с к и й. О стихе. Л., 1928, стр. 100—102; мы учитывали серьезную поправку А. Н. Колмогорова.

обнаруживая специфические ритмические тенденции стиха (табл. 1 и 2).

4. Эти тенденции следующие:

а) тенденция к обособлению от других размеров: ритмические формы I и (особенно) IV, совпадающие с ритмическими формами анапеста и ямба, все более слабеют, уступая место специфичным для дольника формам II и III;

б) тенденция к изосиллабизму: постоянство анакрус, равносложие форм II и III и усиление равносложной с ними формы V;

в) тенденция к анапестическому ритму; анапестическая анакруса вытесняет обе остальные, III ритмическая форма вытесняет II ритмическую форму, звучащую менее «анапестично».

Таблица 1

	Теор.	<i>Ритмические формы в дольнике</i>					
		1890— 1910	1910— 1920	1920— 1930	1930— 1940	1940— 1950	1950— 1960
I форма	17,1	32,0	19,6	32,5	17,5	15,5	9,2
II форма	13,0	23,1	23,2	9,6	15,4	12,2	14,8
III форма	12,3	29,2	44,4	43,8	45,4	52,9	51,5
IV форма	45,7	4,3	2,4	1,3	0,4	0,3	0,2
V форма	11,9	0,7	5,6	8,4	21,0	18,2	24,1
Прочее		0,5	4,8	4,4	0,4	0,8	0,3
Разобрано стихов		1369	4192	6916	7713	12139	5683

Таблица 2

	Теор.	<i>Анакрусы в дольнике</i>					
		1890— 1910	1910— 1920	1920— 1930	1930— 1940	1940— 1950	1950— 1960
2 слога	25,0	51,0	51,0	60,0	74,5	62,0	76,0
1 слог	40,5	43,0	34,0	23,0	20,0	26,0	14,0
0 слогов	34,5	6,0	15,0	17,0	5,5	12,0	10,0
Разобрано стихов		1369	4192	6916	7713	12139	5683

5. Развитие этих трех тенденций после первых экспериментов у поэтов начала века (табл. 3, № 1—6) совершается более или менее плавно и уравновешенно: от поколения к поколению I и II форма постепенно слабеют, V форма усиливается, III форма сохраняет господство (№ 7—23). Начинает нарушаться эта эволюция только

Состав трехударного дольника у отдельных поэтов

	I форма	II форма	III форма	IV форма	V форма	Прочее	Число стихов
1. Брюсов . . .	49,5	28,0	18,5	0,6	0,3	2,6	302
2. В. Иватов . .	43,0	12,0	26,0	19,0	—	—	200
3. Гиппиус . . .	24,2	25,7	42,0	0,7	7,3	—	136
4. Блок	24,4	44,5	29,8	0,2	0,4	0,8	528
5. Гумилев . . .	2,8	41,0	48,8	—	8,0	—	576
6. Маяковский	24,7	20,8	30,4	11,2	4,8	8,2	356
7. Кузмин . . .	23,9	20,7	44,0	4,1	5,7	1,9	318
8. Ахматова . .	31,9	25,4	36,5	1,2	4,5	0,4	508
9. Цветаева . .	2,2	0,2	74,0	—	24,0	—	438
10. Шкункская . .	20,8	23,4	48,5	—	3,9	3,6	385
11. Асеев (1910-е)	12,1	12,1	74,3	0,4	0,8	—	240
12. Тихонов . . .	20,0	22,5	35,7	0,9	6,4	14,5	235
13. Кирсанов . .	17,2	16,2	39,7	2,0	20,5	4,3	302
14. Светлов (ран.)	23,8	9,2	41,6	3,4	15,5	6,5	535
15. Светлов . . .							
(позд.)	5,2	4,9	53,8	0,9	35,0	0,5	427
16. Б. Корнилов	14,5	3,7	52,6	0,2	29,0	0,1	747
17. Адалис . . .	3,6	—	33,5	2,3	59,5	0,9	220
18. Алигер . . .	23,0	7,9	47,2	—	21,8	0,5	528
19. Долматовский							
(ран.)	27,0	11,2	40,3	—	21,1	0,5	612
20. Долматовский							
(позд.)	5,2	9,5	50,0	—	26,6	0,1	769
21. С. Васильев	2,0	3,2	57,0	0,2	37,4	0,5	608
22. Смеляков . .	0,3	1,7	55,0	—	43,3	0,2	654
23. Шубин . . .	0,3	0,9	67,0	—	31,8	—	484
24. Гудзенко . .	33,4	7,3	30,7	0,5	27,2	1,0	460
25. Слуцкий . . .	31,3	16,5	33,0	2,7	16,0	0,3	294
26. Межиров . .	14,0	8,4	50,1	—	26,9	—	286
27. Друнина . .	11,8	5,0	63,5	0,5	8,3	2,1	516
28. Луконин . .	10,1	10,4	58,7	—	13,2	4,3	394
29. Есенин . . .	58,5	1,7	35,9	—	1,9	2,3	482
30. Безыменский	47,0	3,5	33,7	2,6	4,1	9,7	487
31. Жаров	44,6	6,5	36,2	2,2	8,2	2,4	368
32. Мартынов . .	43,0	11,7	29,5	0,5	8,2	0,5	866
33. Ушаков . . .	45,5	7,6	32,8	1,0	12,2	1,0	566
34. Щипачев . .	49,1	9,8	29,5	0,8	9,5	0,9	640
35. Наровчатов	41,9	16,0	29,5	0,3	11,8	0,3	337
36. Евтушенко	43,0	12,7	30,0	0,1	13,4	0,6	480

Таблица 3 (окончание)

	I форма	II форма	III форма	IV форма	V форма	Прочее	Число стихов
37. Н. Панов . . .	1,5	25,8	62,0	—	11,7	—	411
38. П. Васильев	6,4	27,6	47,8	0,5	17,4	0,5	264
39. Кедрин . . .	1,3	28,9	51,3	1,3	17,5	—	224
40. Сурков . . .	4,0	28,8	54,1	—	13,0	0,1	1092
41. Симонов . . .	1,4	32,8	48,8	—	17,2	0,3	947
42. Яшин	6,9	19,7	54,0	0,5	19,0	0,2	618
43. С. Орлов . .	4,1	19,6	55,0	—	21,4	0,2	589

у поэтов военного поколения (№ 24—28). Там, где равновесие тенденций нарушается, создаются два обособленных типа дольника: 1) с преобладанием анапестической тенденции — повышенная доля I формы, пониженная — II и V форм (№ 29—36); 2) с преобладанием обособительной тенденции — повышенная доля II формы и пониженная — I формы (№ 37—43).

В. В. Иванов, В. Н. Топоров

(Москва)

К ВОПРОСУ
О РЕКОНСТРУКЦИИ КЕТСКОГО ЭПОСА
И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ

1. Методы восстановления знаковой системы, элементы которой сохранились в составе текстов, выступающих в иной функции по сравнению с той, которая была присуща реконструируемой системе. Возможность приложения этих методов к креолизованным языкам (с одним планом содержания и двумя или одним планами выражения — кетским и русским, кетским и селькупским и т. п.) типа современного кетского, к надъязыковым семиотическим системам (современные представления кетов о мире и остатки фольклорных текстов, передаваемых по традиции), — ср. методы реконструкции исчезнувшего обряда по его пережиткам (Е. Алексеенко), — и к другим системам (архаичная кетская одежда, материальные символы культа и т. п.).

2. Различные виды текстов, по-разному отражающие отдельные стороны древнего эпоса и соответственно служащие источниками для реконструкции именно этих сторон: а) прозаические пересказы эпических сюжетов, отражающие еще свободу комбинаций эпических мотивов (легенда о сотворении земли и небесных тел, рассказ об Альбэ и Хоседэм, цикл преданий о Бальнэ и его братьях); б) волшебная сказка, в которой сохраняются отдельные персонажи (Хоседэм и другие воплощения «нечистой силы») и мотивы (девушка и луна), которые могут быть признаны архаичными; в) тексты, соединяющие черты прозаического рассказа и песни (сказка о медведе, записанная в июле 1962 г. со слов А. М. Дибиковой в станке Бакланиха); ср. югское *аскет дуберин* — «сказку поют», а также данные о курейских кетах; г) метрические тексты, сохраняющие еще сюжет, который может быть связан с элементами эпоса (песни о шамане Пуртосе); д) песни, сохраняющие размеры, которые могут быть возведены к метрической схеме эпоса (пятисложник в шаманских песнях и в «собственных песнях» — *биндэб иль*). Роль сравнения собственно кетского эпоса с остатками эпоса югов для восстановления древнейших черт енисейского эпоса.

3. Возможные гипотезы о характере древнего кетского эпоса, извлекаемые из анализа результатов сравнения перечисленных текстов; космогонические предания, восстановление героического цикла (эпос о Бальнэ), мифы о культурном герое (Альбэ и Дох), мифы тотемистического характера (Бэлеген); мотивы, связанные с почитанием медведя (ср. кетск. *qipбоат* — «дядюшка», курейск. *киба*, югск. *хып*, аринск. *кип* в качестве названия медведя) и с ролью лебедя, бобра, лягушки (мотив четырехпалой лягушки); происхождение животной (звериной) сказки. Элементы поэтики (в сопоставлении с другими жанрами: сказки, загадки) и метрики.

4. Архаичные мифологические основы эпоса. Сведения о мифологической картине мира у кетов: Эсь и связанные с ним небесные явления (гром, радуга, солнце и т. п.) и земные предметы (*Эсьдэ сень* — «дикие олени» = олени Эся, ср. *Эсь-сесь*, букв. «река Эся»). Нечистая сила и различные ее ипостаси: Хоседэм, Довтетэм и др. Гипотезы о других мифологических именах и терминах, имеющих, в частности географическую интерпретацию (Томэм и др.).

Вспомогательные средства в мифе (*етнэ уль* — «живая вода»; *эсьдэ диохт* — «отверстие на стыке земли и неба» и т. п.). Предположения о структуре мифа и чертах дуализма (противопоставления типа *Эсь-Калесь, доотетэм — лютысь, Хунь — Калбесэм*, четырехпалые — пятипалые и т. д.). Значение кетского изобразительного искусства для реконструкции мифа («мировое дерево»). Креолизация систем религиозных представлений благодаря наложению кетской системы на русскую и другие системы.

5. Связь мифа с ритуалом (обряды почитания медведя и легенды о воспитании медведя, медвежьих детях; возможная связь мифов о Хоседэм, жене Эся, наводящей порчу на людей, с черными шаманами и т. п.). Миф и мифологический текст как программа ритуальных действий, используемая в новой функции. Данные о разных типах древних ритуалов: анимистических, шаманистских (функции шамана; полевые наблюдения над шаманом из селькупского рода, восходящего к кетскому). Отражение в мифе и ритуале архаичных черт организации общества. Типологический анализ Хоседэм (ср. баба-яга в интерпретации В. Я. Проппа); следы кровной мести, снохачества и т. п.

6. Исторические черты в кетском эпосе: отражение миграций в северном направлении вдоль Енисея (эпос об Альбэ), связанных с преследованием кетов (миф о возникновении порогов), цикл преданий о войнах с эвенками (эпос о Бальнэ), цикл сказок о войнах с юраками; отражение в эпосе связей с селькупами и отношений низовых кетов с *юган* (объяснение причин исчезновения югов на Сыме и Дубчесе и переселения с Кети на Сым в остатках югского эпоса).

7. Проблема продуктивности эпической традиции у кетов в настоящее время. Черты недавнего прошлого и их эпическая обработка (сказание о первой встрече с русскими, предание о взятии Мангазеи, житие Васьки Лесовкина, мотив поедания сердца и печени в рассказах о настоящем и т. п.). Продолжение безличной традиции рассказывания в личном искусстве повествования. «Порождающее устройство», реализующееся у неграмотных рассказчиков в стандартных историях встреч с лешими, русалками, медведем и т. д., а также в единичных рассказах, лишенных мифологического элемента, и у грамотных

рассказчиков — в жанре коротких биографических рассказов (С. А. Дорожкин, И. Ф. Пеших). Отражение в сказке элементов современного быта (названия кетских орудий труда в животной сказке и т. п.). Аналогии эпическим приемам сказочного повествования.

8. Евразийский ареал эпоса. Место кетского эпоса и его связи с эпическими традициями других народов (тема медведя, орла, лебедя, гагары и т. п.), в частности с айским эпосом (мотив воспитания медведя, собачий кал и т. д.). Типологические параллели к некоторым архаическим мотивам кетского эпоса (наполовину живой, наполовину мертвый человек и др.). Возможные параллели кетскому эпическому стиху в метрических типах евразийского эпоса. Сходства и отличия от американского ареала (соотношение эпоса и сказки; загадки и т. п.).

Б. А. Успенский

(Москва)

СЕМИОТИКА У ЧЕСТЕРТОНА

1. Произведения Г. К. Честертонна насыщены проблемами семиотики и дают богатый материал для семиотических исследований; по существу, они могут рассматриваться как своего рода практическое пособие по курсу «Общая семиотика». Чуть ли не все ситуации, описываемые Честертонном, относятся к области семиотики и могут быть рассмотрены в ее терминах. В этом в общем и заключается их своеобразие и актуальность. Парадоксы Честертонна очень часто сводятся к противоречию знака и значения, а его конфликты — к различной интерпретации одного сигнала.

В своих книгах писатель во многом предвосхищает те проблемы, которые лишь за последнее время получили научное освещение. Поведение патера Брауна, например, являет образец практического знания теории информации и семиотики (ср. глубокое понимание роли сигнала в рассказе «Голубой крест»). Характерно, что ситуации Честертонна часто можно сопоставить с тем или иным феноменом из области лингвистики или другой семиотической дисциплины. Так, конспирация анархистов в «Человеке,

который был Четвергом» типологически сопоставима с тайным языком некоторых обществ. Анархисты у Честертон скрываются не скрываясь — прикидываясь людьми, играющими в анархию. Конспирация, таким образом, строится путем минимального сдвига в содержании (сдвига от знака к знаку знака). Сравни с этим тайный язык туземцев аранта, которые засекречивают свой язык путем неточной передачи значений (значения меняются не на противоположные или далекие, но на предельно близкие¹) — т. е. также минимального сдвига в содержании.

Подобно тому, как «Приключения Алисы» Л. Кэрролла могли служить Н. Винеру для иллюстрации кибернетических ситуаций, а «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — применяться для изучения психологии преступника, книги Г. К. Честертон могут быть использованы как материал к положениям общей семиотики. Это собственно и делается уже представителями этой науки (Ульдалль, Добрушин).

2. Очень часто вся новелла у Честертон строится на расшифровке одной какой-нибудь фразы или вообще какой-то последовательности символов (знакового выражения), причем автором исследуются различные интерпретации этого выражения. Задача героя — найти реальную интерпретацию, которая обычно противоречит интерпретации, социально или психологически обусловленной. Иногда задача героя состоит именно в том, чтобы рассмотреть данное выражение как знаковое (откуда возникает задание на содержательную интерпретацию).

Этим определяется постоянство формы; часто характерное для Честертон. В рассказах о патере Брауне (и некоторых других) Честертон выбирает нормированную форму детективной новеллы; писатель придерживается традиционных формальных правил жанра может быть даже больше, чем это делают классики детектива (ср. постоянство характеров героев, композиции в рассказах о патере Брауне). Можно предположить, что Честертон поступает так сознательно — чтобы оттенить основную идею каждой новеллы: семиотическую ситуа-

---

¹ С. Д. Кацнельсон. Язык поэзии и первобытная образная речь. — «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. 6, вып. 4

цию. Если в обычных детективах сперва сообщается о преступлении, а затем указывается, кто преступник (им оказывается тот герой, на кого менее всего могло пасть подозрение читателя) и по каким признакам сыщик его обнаружил (т. е. ход от информации к выражению этой информации, от содержания к знаку), то Честертон обычно сначала дает некий знак, по которому опознается преступление (например, шаги в рассказе «Странные шаги») (т. е. обратный ход — от знака к содержанию).

3. Таким образом, проблема знака и значения весьма много занимает Честертона. Особенно же его занимает семиотика восприятия знака. Воспринимаемая информация обуславливается контекстом ситуации (ср. Малиновский, Ферф). Все, что выходит за рамки этого контекста, не воспринимается (как не воспринимается лакей в обществе джентльменов в рассказе «Странные шаги»). Если говорящий, передавая информацию, не ориентируется на контекст ситуации, происходит недоразумение (так, буквально точная речь героя в рассказе «Преступление капитана Гэхегена» воспринимается по-разному тремя разными людьми — именно в силу своей точности¹). Заслуга Честертон в том, что он, едва ли не впервые ставит вопрос о системе восприятия информации. Воспринимаемая информация может отличаться от передаваемой (в связи с разницей идиолектов и различной заинтересованностью говорящих).

Если знать тип ситуации и некоторые исходные положения, можно в значительной степени предсказать ход развития действия, в частности развития диалога. Мысль об автоматизации диалога, иллюстрируемая Честертоном в рассказе «Печальная гибель блестящей репутации», предвосхищает современные лингвистические работы в этом направлении.

4. Много внимания уделяет Честертон проблеме «отмеченности» (грамматической, смысловой и др. допустимости), являющейся, как известно, основной проблемой при построении современных аксиоматических теорий языка. С одной стороны, как отмечает Р. Л. Добрушин, в «Охотничьих рассказах» писатель моделирует ситуации,

---

¹ Точная речь не ориентируется на контекст и избыточна — и потому она некоммуникативна (ср. математику).

наполняющие смыслом предложения, которые считаются лишь грамматически (но не семантически) допустимыми (такие, как «зажечь Темзу»). Это можно рассматривать как важный эксперимент, показывающий неопределенность понятия «семантическая допустимость» (зыбкость критерия осмысленности).

С другой стороны, иногда Честертон моделирует структурные особенности большого отрезка текста, отражающего определенную ситуацию, причем смысловая связь отсутствует (например, разговор двух профессоров де Вормсов из «Человека, который был Четвергом» как модель научного диспута). То есть строится отмеченный отрезок текста, где отражаются структурные особенности единицы большей, чем предложение (это также соответствует работам английских структуралистов).

Этот прием разрабатывается теперь в пьесах Ионеско.

5. Выше были затронуты лишь некоторые узловые проблемы Честертон — семиотика. Можно сказать еще о семиотике ценности у Честертон, — ценность определяется не абсолютно, но относительно (частотой встречаемости). Так, аристократ ценит неудобство и плохую пищу как экзотику. В ряде своих произведений Честертон раскрывает реальность знака, потерявшего значение, оправдывающее его существование — т. е. реальность мифа (ср. профессор де Вормс). Наконец, необходимо сказать и о языке Честертон, о столкновениях аллитераций и омонимов в его предложениях, соответствующих парадоксальности содержания этих предложений. Честертон многообразен, и весьма трудно исчерпать семиотическую проблематику его произведений. Показательно многообразие одной лишь субстанции плана выражения у Честертон — язык танца профессора Чэдда, разговор перестуком пальцев, символика походов и так далее. Ясно, однако, что изучение творчества Честертон с точки зрения семиотики может способствовать как более глубокому пониманию произведений писателя, так и развитию самой науки.

Ю. К. Щеглов

(Москва)

К ПОСТРОЕНИЮ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ НОВЕЛЛ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

О. Конечная цель данной работы — построение такого описания новелл Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, которое показывало бы с начала до конца процесс воплощения основной темы новелл в синтаксической структуре (типа системы «функций», или мотивов, установленных В. Я. Проппом для русских сказок). Такое описание должно включать: 1) формулировку этой основной темы, 2) набор сюжетных функций, их интерпретацию в смысле темы и правила их сочетания, а также набор элементов «лексического» или описательного (несюжетного) плана и правила их употребления. Кроме того, в идеальном случае должен быть описан также «уровень приемов выразительности», т. е. дана интерпретация синтаксической последовательности мотивов с точки зрения эмоциональной схемы новеллы (см. тезисы А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова «О возможностях построения структурной поэтики» в настоящем издании). Из всех этих задач к данному моменту в какой-то мере выполнена лишь первая (формулировка темы); это и излагается в нижеследующих тезисах.

1. Основной темой новелл представляется то, что мы будем называть «ситуацией $S - D$ » (от слов «Security» и «Danger»). Это постоянное противоположение домашнего уюта, цивилизованного быта, безопасности, комфорта (квартира Холмса на Бейкер-Стрит, присутствие Холмса, крепкие стены, камин, трубка и т. д.) и страшного, таинственного мира вне этой цитадели (мир, в котором живет и подвергается опасностям «средний человек» — клиент). Все действие новелл, собственно говоря, представляет собой столкновение, взаимопроникновение и борьбу этих двух начал. Новеллы импонируют психологии рядового читателя (прототип клиента и Уотсона), так как заставляют его ощутить род приятной ностальгии по отношению к своему домашнему очагу и отвечают его стремлениям уйти от опасностей, наблюдать их из укрытия, как бы через окно, вверить заботу о своей судьбе сильной личности, защитнику и другу — Холмсу. Оба полюса, S и D ,

немыслимы один без другого и существуют лишь в этой оппозиции. Эта схема принимает разные формы, сохраняя свою сущность. Она обнаруживается в ряде мотивов как сюжетного, так и описательного плана: сюда относится, например, чтение Холмсом и Уотсоном газет у камина (газета — одновременно предмет домашнего комфорта и источник новостей о преступлениях, убийствах, тайнах и т. п.); смотрение в окно на туман и непогоду на улице (с комментариями о том, как, вероятно, легко сейчас преступникам вершить свои мрачные дела); путешествие в дилижансе, кэбе или купе поезда, также с обязательным чтением газет или смотрением в окно (образ экипажа и вообще средства передвижения любого рода, тщательно разрабатываемый в приключенческой литературе XIX в., в частности у Ж. Верна, несомненно, связан с ситуацией *S — D*: проникновение в полный опасностей мир при сохранении вокруг себя элементов домашней обстановки и безопасности). Требованиями схемы *S — D* объясняются также особенности внутреннего устройства квартиры Холмса и Уотсона: ее обжитость, заполненность вещами, безделушками (ср. ветхость и дикость тех пустых домов, где у Конан Дойла часто происходят преступления); ее малые размеры (близость самих стен, отделяющих обитателей от полного опасностей мира и тем самым подчеркивание *S* и *D*), и др. Клиент рассказывает Холмсу свою историю, сидя у камина с сигарой или чашкой кофе, и т. д. Развитие действия и эмоциональное напряжение новелл состоит в непрерывном обострении этой ситуации: все время увеличивается *D*, и читатель вместе с клиентом тем сильнее льнет к тому «островку» *S*, который остается при этом незыблемым (Холмс и Уотсон). Холмс как литературный герой принадлежит к разряду героев-ученых (ср. образ ученого, т. е. человека, на которого можно положиться в опасности, в романах Конан Дойла и Жюль Верна и во всех подражаниях им).

Ситуация опасности и страха подчеркивается силой и хладнокровностью преступника (например, Мориарти) и беспомощностью, одиночеством клиента (воплощение среднего обывателя). Иногда за одним человеком охотятся несколько врагов или целая организация. Страх усиливается странностью и порой экзотическим характером следов преступника (легенда Баскервилей или преступник из Африки, Индии и т. п.), в особенности на

фоне и по контрасту с цивилизованным английским бытом и вполне реалистической психологией клиента. Дом клиента нередко делится на две части: современную, где живет клиент, и старинную, заброшенную, где прячется преступник (например, «Обряд дома Месгрейвов»). Все эти «страшные» моменты являются таковыми именно с точки зрения психологии того рядового читателя, которому импонирует схема $S - D$.

2. Разумеется, полное описание даже одного смыслового плана новелл не исчерпывается указанным аспектом. Например, самостоятельно должна рассматриваться такая сторона, как, искусность работы Холмса по разгадыванию: для ее характеристики должны быть введены особые критерии (большая или меньшая косвенность и неожиданность улик, и т. п.)¹. Все эти аспекты новелл как бы накладываются друг на друга, так что, например, вместе со страхом и надеждой на спасение со стороны Холмса читатель может испытывать восхищение его мастерством. Тем не менее, ситуация $S - D$ в описанном смысле представляется отличительной чертой именно новелл о Шерлоке Холмсе, в отличие от других детективов.

3. Работа над второй частью задачи (составление набора функций, или мотивов) еще не закончена: выделено около 70 мотивов и разрабатываются правила их синтаксического сочетания, связанные как с выражением темы, так и с требованиями общей схемы новеллы как жанра.

В. Н. Топоров

(Москва)

К АНАЛИЗУ СТРУКТУРЫ ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ

Суть структурного анализа фольклорных текстов и разные его представления — описание текста через ограниченный набор исходных различительных единиц на каждом из уровней анализа, указание синтаксических (в широком семиотическом смысле) связей этих единиц, установление

---

¹ Ср. тезисы Б. А. Успенского «Семиотика у Честертона» в настоящем издании.

правил соотнесения формальных структур с семантическими и стилистическими (представление текста как результата более или менее простого порождающего процесса, матричное представление — многомерные матрицы как исчисление и связанные с этим проблемы обратимости времени, различения чистой формы и ее конкретных реализаций и т. п.; топологическое представление — «деревья»); описание фольклорного текста, связанное с определением «мира» данного класса текстов и последовательности способов его сегментации, начиная с высших (неязыковых) и кончая низшими (языковыми) уровнями.

Оправданность такого подхода к анализу фольклорных текстов, объясняемая ориентацией эстетического идеала в фольклоре и в среде, являющейся основным его потребителем, на подчеркивание общих черт, присущих текстам данного жанра (проблема «узнавания», избыточности), а не на индивидуализацию и постоянный поиск новых решений (как, например, в европейской литературе последних двух столетий). Высокая степень предсказуемости фольклорного текста $n+1$ по данным n текстами и продолжения данного текста по известным его элементам, а также принципиальная возможность синтеза фольклорных текстов как доказательство оправданности структурного анализа этих текстов.

Результаты анализа литовских народных баллад. Определение места, занимаемого данным классом текстов во всей иерархии фольклорных структур в литовской народной традиции с установлением функционального распределения их. Описание литовской народной баллады как результата взаимодействия и креолизации двух более простых моделей — модели M_1 , отражающей структуру литовской народной лирической песни, и модели M_2 , характеризуемой как эпическая. Особенности этих частных моделей в сравнении друг с другом (M_1 — 1-е и 2-е лица, вневременное употребление глагола, направленность — звательная форма, императив, междометия; диалогическая форма — часто вопросо-ответная; прямая речь; более высокая степень зависимости единиц на фонологическом уровне, включая просодию; особый набор семантических единиц и символов; M_2 — 3-е лицо, «исторический» презенс и претерит, ненаправленность, повествование; более низкая степень зависимости единиц на фонологическом уровне, исключая просодию; семантические особен-

ности и т. п.) и в сравнении с другими классами текстов (в том числе — фольклорных). Типы взаимодействия M_1 и M_2 и границы литовской народной баллады. Различительные единицы баллады: алфавит предметов и их предикатов; структура предмета в балладе и проблема тождества предметов. Синтаксис баллады (отношение знака к знаку). Условность временной и ономастической ориентации баллады. Семантика баллады (отношение знака к объекту). Прагматика баллады (отношение знака к потребителю знака).

Проблема стратификации баллады в связи с задачами диахронической семиотики; расслоение знаковых систем на материале литовского фольклора и реконструкция утраченных систем; «псевдоморфоз» как один из источников реконструкции в семиотике. Литовская народная баллада и типологические параллели.

В. В. Иванов

(Москва)

РИТМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ
«БАЛЛАДЫ О ЦИРКЕ» А. МЕЖИРОВА

«Баллада о цирке» берется в качестве примера виртуозного владения четырехстопным ямбом, включая наиболее редкие его формы, комбинации которых (в особенности VII и уникальной V формы) подготавливают в первой части баллады переход к дольнику и ударному стиху, которым написана вторая часть. Рассматривается роль различных форм четырехстопного ямба и их комбинаций в первой и третьей частях в соотношении с меняющейся строфикой и членением содержания текста. Ставится вопрос о семантической функции комбинаций наиболее редких форм в стихотворении, отчасти посвященном аналогии между стихотворчеством и клоунадой, и о роли оговоренных самим автором отступлений от обычного метра в связи с основной темой стихотворения. Проводится сравнение с четырехстопным ямбом других вещей того же автора и других современных поэтов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
I. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА	
Ю. С. Мартемьянов. К построению языка лингвистических описаний	10
С. К. Шаумян. Естественный язык как семиотическая система	13
И. И. Ревзин. Некоторые трудности при построении семантических моделей для естественных языков	17
В. В. Иванов. О функциях сложносокращенных слов	24
И. И. Ревзин. К семиотическому анализу «тайных языков»	33
П. Г. Богатырев. Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников — знаки рекламы	37
В. Ю. Розенцвейг. Языковые контакты	49
М. В. Софронов. Семиологические проблемы среднекитайской транскрипции санскрита	50
А. А. Зализняк. Об использовании понятий «автоматической выводимости» и «зависимого признака» при описании знаковых систем	55
А. А. Зализняк. О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией	56
II. ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА И ДЕШИФРОВКА	
В. В. Шеворошкин. О начальном этапе дешифровки буквенных письменностей	57
Б. В. Сухотин. Общая задача дешифровки. Алгоритм установления связи слов в предложении	61
III. НЕЯЗЫКОВЫЕ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ	
З. М. Волоцкая, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения	65
А. А. Зализняк. Регулирование уличного движения как знаковая система	78
Т. В. Цивьян. К описанию этикета как семиотической системы	79
М. И. Лекомцева, Б. А. Успенский. Гадание на игральных картах как семиотическая система	83
В. В. Иванов. К анализу абхазских народных игр	86

IV. ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Е. В. Падучева. Искусственный язык, обнаруживающий сходства синтаксической структуры сложных предложений и естественного языка и формул исчисления высказываний	87
С. Е. Генкин. Числовой язык-посредник	90

V. МОДЕЛИРУЮЩИЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Д. М. Сегал. О некоторых проблемах семиотического изучения мифологии	92
В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Кетская модель мира	99
А. М. Пятигорский. О категориях лингвистической психологии	103
А. М. Пятигорский. Категория состояния в лингвистической психологии	108
А. В. Герасимов, А. М. Пятигорский. Общая модель культурного поведения в тантризме с точки зрения лингвистической психологии	112

VI. ИСКУССТВО КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Л. С. Выготский. Психология искусства (анализ эстетической реакции)	118
Ю. К. Лекомцев. Изобразительное искусство и семиотика	123
Б. А. Успенский. О семиотике искусства	125
С. Е. Генкин. Исследование элементов киноязыка	129
Л. Ф. Жегин. Пространственно-временное единство живописного произведения.	132
В. Г. Вейсберг. Классификация основных видов колористического восприятия	134
А. К. Жолковский. О моделировании языкового поведения слушателя музыки	135

VII. СТРУКТУРНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. О возможностях построения структурной поэтики	138
А. М. Кондратов. Теория информации и поэтика	142
М. Л. Гаспаров. О ритмике русского трехударного дольника	143
В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К вопросу о реконструкции кетского эпоса и его мифологических основ	146
Б. А. Успенский. Семиотика у Честертона	149
Ю. К. Щеглов. К построению структурной модели новелл о Шерлоке Холмсе	153
В. Н. Топоров. К анализу структуры литовской народной баллады	155
В. В. Иванов. Ритмическое строение «Баллады о цирке» А. Межирова	157

**Симпозиум по структурному изучению
знаковых систем**

Тезисы докладов

**Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР**

Технический редактор Ю. П. Рылина

Корректор Л. А. Розыбакиева

РИСО АН СССР № 153—91В.

Сдано в набор 25/X 1962 г.

Подписано к печати 28/XI 1962 г.

Формат 80×108¹/₂. Печ. л. 5 = 8,30 усл. печ. л.

Учетн. изд. л. 8,1. Тираж 1000 экз.

Т-12794. Изд. № 1601. Тип. зак. № 1293

Бесплатно

Издательство Академии наук СССР.

Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.

Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10;

66062

RU